Следственный комитет
Российской Федерации

Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации

I Стояновские чтения

Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее

К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского
и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации

Материалы научно-практической конференции

(Москва, 15 апреля 2021 года)

2021

Николай Иванович Стояновский
(1821 – 1900)

«Истинный патриот, горячо любивший родину,
желавший ей прочного счастья,
веривший в ее духовные силы и всю жизнь
работавший на пути развития в ней
справедливости и чувства законности»

Анатолий Федорович Кони
Из речи, посвященной памяти
Н.И. Стояновского
на Торжественном заседании
Санкт-Петербургского
юридического общества
17 декабря 1900 года

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

I Стояновские чтения

РОССИЙСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Материалы научно-практической конференции

К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского
и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации

(15 апреля 2021 года)

Москва, 2021

УДК 34
ББК 67
Р 76

Р 76 **I Стояновские чтения.** Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года) М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 211 с.

***Редакционная коллегия*:**

Цветков Ю.А., заведующий научно-исследовательским отделом Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Ефремова Е.А., доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности (ВАК) факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук.

Османова Н.В., доцент кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Санташов А.Л., главный научный сотрудник (по социологическим исследованиям) научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, доцент, майор юстиции.

Саркисян А.Ж., руководитель редакционно-издательского отдела Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Солодовникова А.В., старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, лейтенант юстиции.

Черемисина Т.В., научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, майор юстиции.

УДК 34
ББК 67

Сборник сформирован по материалам, представленным на научно-практическую конференцию, проведенную в Московской академии СК России 15 апреля 2021 года.

Конференция организована Московской академией СК России при участии ведущих вузов, ученых, специалистов, сотрудников правоохранительных органов России.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идеи и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Московская академия СК России, 2021

Научно-практическая конференция

I Стояновские чтения

«РОССИЙСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского
и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации
(15 апреля 2021 года)

I Стояновские чтения «Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее», посвященные 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского и 10-летию Следственного комитета Российской Федерации, состоялись 15 апреля 2021 года в Московской академии Следственного комитета.

Темы представленных на мероприятии докладов были связаны с историей введения в действие разработанных Н.И. Стояновским «Учреждения судебных следователей» и «Наказа судебным следователям» и 10-летней практической деятельности Следственного комитета Российской Федерации

Форум открылся с приветственного слова заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, генерал-полковника А.В. Федорова.

С приветственным словом к участникам конференции обратились начальник учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, полковник юстиции Ю.Ф. Каменецкий, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции Д.Н. Кожухарик.

Перед научными докладами и сообщениями состоялась торжественная церемония награждения победителей и призеров I Конкурса научных работ, посвященных деятельности следственных органов Российской Федерации. Основная номинация конкурса «Прорыв года» была названа именем Н.И. Стояновского.

На пленарном заседании чтений и в рамках научной дискуссии обсуждены вопросы статуса следственных органов в системе разделения властей и механизме уголовной юстиции; проекты реформирования российских следственных органов: правовые модели и социальная реальность; модели уголовно-процессуальной деятельности следователя; конкуренция уголовно-процессуального и административно-правового регулирования деятельности следственных органов; цифровизация социального пространства и трансформация деятельности следственных органов; научное наследие Николая Ивановича Стояновского.

Предлагаемые к обсуждению на форуме вопросы вызвали интерес историков, специалистов в области уголовного процесса, криминалистики, управления следственными органами.

В чтениях приняли участие более 35 научно-педагогических и практических работников, в том числе из Республики Беларусь и Республики Сербия в формате онлайн-конференции.

Историческим аспектам создания, совершенствования и развития следственных органов были посвящены доклады доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова, доктора юридических наук, профессора К.П. Краковского, доктора юридических наук, профессора Б.Я. Гаврилова.

Предложения по совершенствованию моделей уголовно-процессуальной деятельности следственных органов прозвучали в докладах доктора юридических наук, профессора А.Г. Халиулина, доктора юридических наук С.Б. Россинского, доктора юридических наук, профессора Л.М. Володиной, доктора юридических наук, профессора В.А. Прорвича.

Проблематика применения специальных знаний раскрыта в докладах доктора юридических наук А.А. Бессонова и доктора юридических наук А.Ф. Волынского.

Опыт ведения в Сербии учета лиц, совершивших преступления, освещен в докладе доктора юридических наук И. Милича (Новосадский университет).

Темы научных сообщений были посвящены педагогическому опыту Н.И. Стояновского, разработке им криминалистических рекомендаций, совершенствованию правовых, криминалистических и нравственных основ следственной деятельности.

Организационный комитет конференции

А.В. Федоров

История следствия в лицах: Николай Иванович Стояновский

Проведение Московской академией Следственного комитета Российской Федерации Первых Стояновских чтений «Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее», посвященных 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского (31.12.1820-22.07.1900) и 10-летию Следственного комитета Российской Федерации, заявка на то, что будут вторые, третьи и последующие чтения.

Закладывается традиция проведения в академии исторических конференций с проекцией на современные реалии и прогнозом на будущее. Фундамент для этого формировался уже несколько лет, достаточно вспомнить проведенные ранее в стенах академии конференцию «Следствие в России: три века в поисках концепции»[1] и конференцию «Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской Империи»[2].

Конференция посвящена не только 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского, но и 10-летию Следственного комитета, что также требует пояснения.

Указом Президента Российской Федерации от 27 сентября 2010 г. № 1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации»[3] на базе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации создан новый самостоятельный вневедомственный следственный орган, непосредственно подчиненный Президенту Российской Федерации, – Следственный комитет Российской Федерации[4].

Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»[5], вступившим в силу с 15 января 2011 г., законодательно закреплено образование СК России. Эта дата – 15 января – приказом Председателя Следственного комитета определена как памятная дата истории предварительного следствия России – День образования Следственного комитета Российской Федерации[6].

---

[1] Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 г.) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2017.

[2] Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 г.) / Под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М., 2020.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 5043.

[4] В соответствии с этим Указом до вступления в силу федерального закона о Следственном комитете Российской Федерации и проведения организационно-штатных мероприятий сотрудники упраздняемого Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации продолжают исполнять служебные обязанности по ранее замещаемым должностям в Следственном комитете при прокуратуре Российской Федерации.

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

[6] Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 55 «О Порядке проведения в Следственном комитете Российской Федерации мероприятий, посвященных памятным датам истории предварительного следствия в России».

Соответственно, 15 января 2011 г. у Следственного комитета Российской Федерации 10-летняя годовщина. В связи с указанной знаменательной датой учреждена памятная медаль[1], проводятся торжественные мероприятия. Наступившая юбилейная дата хороший повод обратиться к истории российского следствия, его истокам, вспомнить людей, чьими трудами создавались и развивались отечественные органы следствия.

Российским следственным органам уже более 300 лет. Все эти годы, с момента создания царем Петром Алексеевичем первых самостоятельных следственных органов – майорских следственных канцелярий, непосредственно подчиненных главе государства, формировалось особое, следственное направление государственной деятельности. Его суть, в сконцентрированном виде, можно выразить словами из эпитафии на могильной плите захоронения в Петропавловской крепости одного из первых следователей России – Степана Лукича Игнатьева: «Служил Отечеству своему 46 лет без всякого пороку»[2].

Именно так, следуя традиции беззаветного служения Отечеству «без всякого пороку», «не щадя живота своего»[3], занимались и занимаются расследованием преступлений российские следователи, и изучение истории российского следствия важно не только для профессиональной подготовки, но и для воспитания новых поколений российских следователей на лучших традициях следствия прошлого.

В наши дни эти традиции сохраняют и развивают следователи Следственного комитета Российской Федерации, их дела и судьбы – новые страницы в летописи российских следственных органов.

10-летний путь становления и работы Следственного комитета Российской Федерации – уже прошлое, благодатный материал для исторического и правового изучения, ожидающий новых исследователей.

Российское следствие – важная составляющая государственного механизма, изучаемая специалистами разных отраслей науки с использованием различных методов. Одним из них является исторический метод, суть которого заключается в рассмотрении вопросов возникновения и развития российского следствия во времени и во взаимосвязи с происходящими в обществе изменениями, выявление закономерностей такого развития.

Созданные Петром I майорские следственные канцелярии стали первым опытом в отечественной истории реализации вневедомственной модели следственного аппарата. В дальнейшем Петром I были апробированы еще две модели –

---

[1] Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 104 «Об учреждении памятной медали Следственного комитета Российской Федерации «10 лет Следственному комитету Российской Федерации».

[2] Серов Д.О., Федоров А.В. «Служил Отечеству своему 46 лет без всякого пороку»: из жизни С.Л. Игнатьева, следователя и обер-коменданта // Человек и закон. 2018. № 11. С. 53.

[3] Особо следует отметить работу следователей в годы Великой Отечественной войны и их вклад в Победу советского народа над фашистской Германией. Об этом см., напр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Советское следствие в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941-1959 гг.) // Российский следователь. 2015. № 21. С. 50-55; Федоров А.В. Подвиг следователей в годы Великой Отечественной войны // Российский следователь. 2020. № 5. С. 3-9.

прокурорская модель (следственный аппарат в составе органов прокуратуры – следственная канцелярия генерал-прокуратуры Сената) и судебная модель (следственный аппарат при органах правосудия – Розыскная контора Вышнего суда).

Последовавшая 27 января 1725 г. кончина императора Петра Великого привела к свертыванию деятельности самостоятельных следственных органов и до начала XIX в. расследованием преступлений занимались неспециализированные на этой деятельности судебные и административные органы Российской империи.

Возрождение отечественного специализированного следственного аппарата началось с издания указа Александра I от 29 августа 1808 г., которым учреждались судебные приставы – состоявшие в штате полиции должностные лица, в обязанность которых входило исключительно производство уголовных расследований. Это был первый в российской истории опыт использования административной модели предварительного следствия, при которой следственный аппарат находился в структуре органов исполнительной власти. Затем произошел возврат к судебной модели следствия. В 1860 г. осуществлена реформа следственного аппарата – введены должности судебных следователей, включенные в штаты судов. Ими предварительное следствие осуществлялось до 1917 г.

Появление судебных следователей связано с преобразованиями, активным участником которых был Н.И. Стояновский, признанный одним из «отцов» судебной реформы [1]. В современных исследованиях выделяется особая роль Н.И. Стояновского в развитии российского следствия, что нашло отражение в ряде работ[2]. Оставлены достаточно полные и обстоятельные воспоминания о Николае Ивановиче[3].

Изучение прошлого следствия важно для того, чтобы следователи знали историю своей профессии и этапы развития следственных органов, ведь без уяснения этого невозможно понять почему современное следствие такое, какое оно есть.

Нужно помнить и о тех, кто оказал существенное влияние на развитие следствия как особого вида государственной деятельности и следственных органов как составляющей государственного аппарата. Сохранение памяти об этих людях важная составляющая сбережения и развития лучших традиций отечественного следствия.

---

[1] Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). М., 1914. С. 91-118.

[2] См., напр.: 12. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. // Российский следователь. 2015. № 12. С. 52-56; Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следователи и судебная реформа 1864 г. // Российский следователь. 2015. № 13. С. 51-55; Серов А.В., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов: научное издание. М., 2015. С. 123-145; История следствия в России: монография / под общ. ред. Д.О. Серова и А.В. Федорова. М., 2017. С. 68-109; Тарасов А.С., Яблокова М.А. Стояновский Николай Иванович и его вклад в судебную реформу второй половины XIX – начала XX века: законодательная и правоприменительная деятельность // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 78-82; Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. М., 2014. С. 53-54 и др.

[3] Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 645-680.

Чтобы не уподобляться Иванам, не помнящим родства, в этой части предстоит еще многое сделать.

Так, из-за пандемии без должного внимания оказалась знаковая дата, - 120 лет со дня смерти Николая Ивановича Стояновского. Скончался он по старому стилю 22 июля 1900 г. за рубежом и был погребен 8 августа 1900 г. на Тихвинском кладбище при Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге[1].

В ходе реконструкции кладбища в 1935-1937 годах памятник Н.И. Стояновскому был разрушен. Могила Николая Ивановича значится как утраченная.

Представляется правильным установить место захоронения Н.И. Стояновского. Ориентиры для поиска дает А.Ф. Кони: «…пришлось положить его, далекого странника, в родную землю недалеко от двух могил, на одной из которых написано «Сперанский», а на другой начертаны бессмертные звуки лежащего в ней Глинки: «Славься! Славься – святая Русь!»[2]. Надеюсь, что место упокоения одного из отцов судебной реформы будет достойно обозначено.

Удалось установить, что Н.И. Стояновский долгие годы жил в Санкт-Петербурге в доме 27 на ул. Бассейной[3] (в 1918 г. она переименована в ул. Некрасова). Этот доходный дом 1859 г. постройки сохранился до наших дней (угловой дом № 27 по улице Некрасова и № 24 по улице Восстания). Несомненно имеются все основания для того, чтобы поставить вопрос о размещении на данном здании памятной доски, посвященной Николаю Ивановичу Стояновскому.

Мир меняется. Меняются представления о том, каким должно быть следствие и каково его место в системе государственного аппарата. Это естественный процесс. Появляются новые «отцы» продолжающихся судебных и следственных реформ, но происходящие изменения не должны вычеркивать из памяти труды предшественников, посвятивших себя служению Отечеству. В том числе значимо и сохранение памяти о Николае Ивановиче Стояновском.

Литература

1. Адресная книга города С.-Петербурга / под ред. П.О. Яблонского. – СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. – 228 с.
2. История следствия в России: монография / под общ. Ред. Д.О. Серова и А.В. Федорова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 280 с.
3. Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – IV, 295, 22 с.
4. Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 891 с.
5. Петербургский некрополь. Том четвертый. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 747 с.

[1] Петербургский некрополь. Том четвертый. СПб., 1913. С. 176.

[2] Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). М., 1914. С. 117.

[3] Адресная книга города С.-Петербурга / под ред. П.О. Яблонского. СПб., 1892. С. 187.

6. Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – 311 с.
7. Серов А.В., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов: научное издание. – М.: Издательство «Юрист», 2015. – 318 с.
8. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. // Российский следователь. 2015. № 12. С. 52-56.
9. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следователи и судебная реформа 1864 г. // Российский следователь. 2015. № 13. С. 51-55.
10. Серов Д.О., Федоров А.В. «Служил Отечеству своему 46 лет без всякого пороку»: из жизни С.Л. Игнатьева, следователя и обер-коменданта // Человек и закон. 2018. № 11. С. 38-56.
11. Серов Д.О., Федоров А.В. Советское следствие в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941-1959 гг.) // Российский следователь. 2015. № 21. С. 50-55.
12. Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 года) / Под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – 249 с.
13. Тарасов А.С., Яблокова М.А. Стояновский Николай Иванович и его вклад в судебную реформу второй половины XIX – начала XX века: законодательная и правоприменительная деятельность // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 78-82.
14. Федоров А.В. Подвиг следователей в годы Великой Отечественной войны // Российский следователь. 2020. № 5. С. 3-9.
15. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. – М.: Кучково поле, 2014. – 336 с.

Раздел I. Концептуальные проблемы развития следственных органов

Б.Я. Гаврилов

Следственные органы в механизме уголовной юстиции: видение ученого и практика

Аннотация. Статья посвящена проблемам эффективности деятельности органов предварительного следствия в Российской Федерации, роли и значении в решении данной задачи следственной реформы 2007 г. В этой связи рассматриваются наиболее актуальные вопросы производства предварительного следствия по уголовным дел и роль в их разрешении отдельных уголовно – процессуальных институтов. Излагаются конкретные результаты следственной работы с точки зрения обеспечения его качества и законности, а также позиция автора о создании единого следственного аппарата. Вносятся конкретные предложения по совершенствованию уголовно – процессуального законодательства.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, возбуждение уголовного дела, разумный срок уголовного судопроизводства, предъявление обвинения, заключение под стражу.

Исследуя проблему места и роли следственных органов Российской Федерации в механизме уголовной юстиции, как одного из государственных органов в борьбе с преступностью, эффективности процессуальной деятельности, автор считает необходимым кратко обратиться к их генезису.

Ведя речь о расследовании преступлений в дореволюционной России, следует отметить, что до 1860 года эта деятельность входила в круг обязанностей полиции, когда Указом Императора Александра II от 8 июня 1860 г. «следственная часть» была отделена от полиции и в 44 губерниях были учреждены должности судебных следователей и созданы 993 следственных участка. При этом нагрузка составляла от 120 до 200-400 дел на одного следователя, а площадь обслуживаемых ими участков составляли до 16 тыс. квадратных верст, что не позволяло своевременно выезжать на место происшествия для выполнения необходимых следственных действий. Реформа 1864 года в значительной мере изменила положение следователей. Так, согласно ст. 212 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. судебные следователи были приравнены по должности к членам окружного суда; введена их несменяемость; назначение и смещение отнесено к компетенции императора по представлению министра юстиции. Претендовать на эту должность могли лица, имеющие высшее юридическое образование и не менее трех лет службы по судебной части, а также присяжные поверенные (адвокаты) с 10-ти летним стажем и кандидаты на судебные должности при наличии 4-х летней судебной практики.

Исследуя становление следственного аппарата в период после октября 1917 г., следует отметить, что в соответствии с Декретом о суде № 1 от 22 нояб-

ря 1917 г.[1] предварительное следствие по уголовным делам возлагалось в целом на местных судей единолично», а по делам о контрреволюционных преступлениях в соответствии со ст. 8 этого Декрета – на образованные при Советах особые следственные комиссии. Положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.[2] были учреждены должности народных следователей по важнейшим делам при губернских отделах и Наркомате юстиции. Ст. 23 УПК РСФСР, 1922 г.[3] под следователем подразумевала народных следователей, следователей при советах народных судей и революционных трибуналах, военных следователей и следователей по важнейшим делам при Наркомате юстиции. Согласно ст.7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, 1924 г.[4] «органами, производящими предварительное расследование преступлений, являются органы дознания, следователи и иные должностные лица, коим это предоставлено общесоюзными законами и законами союзных республик».

Следующий этап связан со становлением следствия в органах прокуратуры, шаг к чему был сделан А.Я. Вышинским, поднявшим в 1924 г. на Пятом съезде деятелей советской юстиции вопрос о передаче следственного аппарата в подчинение прокуроров, реализация которого была осуществлена Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г.[5], согласно которому следователи были выведены из подчинения судов и подчинены прокурорам. Но окончательно вопрос был решен с учреждением Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. Прокуратуры СССР[6], а в союзных республиках – с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г.[7], согласно которому «из системы народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик были выделены органы прокуратуры и следствия с подчинением их непосредственно Прокурору Союза ССР».

Значимым этапом в становлении в России следственного аппарата явился период 1959-1962 гг., обусловленный принятием УПК РСФСР, 1960 г.[8], предусматривающего наличие следователей в структуре прокуратуры и органов госбезопасности при ограниченности подследственности последних, что создало ситуацию, при которой органами дознания (милицией) расследовалось с направлением в суд более половины всех дел. При этом, показатели качества и сроков

---

[1] Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 24 нояб.; Собрание узаконений. 1917. № 4. Ст. 50.

[2] Положение о народном суде РСФСР от 21.10.1920 г. // СУ. 1920. № 83. Ст. 407.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФРС от 25.05.1922 // [электронный ресурс]: http://docs.cntd.ru/document/901757376 (дата обращения: 09.05.2021).

[4] Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 г. // СЗ СССР, 1924, № 24, ст. 206.

[5] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.09.1928 «Об изменении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР, 1928, № 117, ст. 733.

[6] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.06.1933 «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР 1933. № 40. Ст. 239.

[7] Постановление ЦИК СССР № 68, СНК СССР № 1299 от 20.07.1936 «Об образовании Народного Комиссариата Юстиции Союза ССР» // СЗ СССР, 1936, № 40, ст. 338.

[8] Уголовно-процессуальный кодекс РСФРС от 27.10.1960 // [электронный ресурс]: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm (дата обращения: 09.05.2021).

расследования уголовных дел органами дознания были существенно выше, чем у следователей прокуратуры (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Сведения о состоянии работы по расследованию преступлений (1959-1962)

Состояние работы	1959	1960	1961	1962
Всего окончено уголовных дел, в т.ч.	490 558	429 701	535 248	535 276
следователями прокуратур	195 388	184 405	244 280	256 123
органами дознания	295 170	245 296	290 296	276 153
Всего направлено в суд уголовных дел, в т.ч.	317 252	244 628	372 213	375 521
следователями прокуратуры	125 004	109 363	160 893	170 831
органами дознания	192 248	135 265	211 320	204 690
Всего возвращено судом уголовных дел для дополнительного расследования, в т.ч.			8 572	8 362
следователям прокуратуры			5 341	5 642
уд. вес от направленных в суд (в %)	2,9	2,5	3,3	3,3
органам дознания			3 231	2 720
уд. вес от направленных в суд (в %)	1,5	1,3	1,5	1,3
Всего окончено уголовных дел в срок свыше двух месяцев, в т.ч.		17 203	35 626	40 763
следователями прокуратуры		9 196	18 486	23 052
уд. вес от направленных в суд (в %)	6,2	4,9	7,4	8,8
органами дознания		8 007	17 140	17 711
уд. вес от направленных в суд (в %)	5,0	3,2	5,9	6,4

Сложившаяся ситуация с высокой нагрузкой на следственный аппарат органов прокуратуры при одновременном расследовании органами милиции более половины направленных в суд уголовных дел обусловила принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. «Об образовании органов предварительного следствия в системе Министерства охраны общественного порядка»[1], что положительно повлияло на организацию следственной работы, что подтверждено приведенными ниже статистическими данными (см. таблицу 2).

[1] Указ Президиума ВС СССР от 06.04.1963 № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» // Ведомости ВС СССР, 1963, № 16, ст. 181.

Таблица 2.

Сведения о состоянии работы по расследованию преступлений (1963-1964)

Состояние работы	1963	1964
Всего окончено уголовных дел, в т.ч.	451 084	
следователями прокуратур	194 219	
следователями органов МООП	256 865	227 491
Всего направлено в суд уголовных дел, в т.ч.	311 650	
следователями прокуратуры	127 444	
следователями органов МООП	184 206	170 420
Всего возвращено судом уголовных дел для дополнительного расследования, в т.ч.	7 631	
следователями прокуратуры	4 991	
уд. вес от направленных в суд (в %)	3,9	
следователями органов МООП	2 640	5 366
уд. вес от направленных в суд (в %)	1,4	3,1
Всего окончено уголовных дел в срок свыше двух месяцев, в т.ч.	32430	
следователями прокуратуры	19 419	
уд. вес от направленных в суд (в %)	10,0	
следователями органов МООП	12 921	10 309
уд. вес от направленных в суд (в %)	5,0	4,5

В дальнейшем следственный аппарат органов внутренних дел превратился в структуру правоохранительных органов, осуществляющую расследование большинства совершенных в стране преступлений (см. таблицу 3).

Таблица 3.

	1964	1974	1984	1994	1999
Количество расследованных уголовных дел	256 815	457 173	976 123	1913461	1815518
Количество оконченных уголовных дел	227 491	389 011	744 853	809 677	966 242

Это дало основание законодателю передать в подследственность органов внутренних дел уголовные дела от так называемых «хозяйственных» преступлениях (хищения, должностные злоупотребления, взяточничество и ряд других), а с 1 сентября 1978 года – все без исключения преступления, совершенные несовершеннолетними или с их участием, включая убийства и изнасилования. В течение последующих десяти лет (до 1989 года) следственный аппарат органов внутренних дел обеспечивал расследование 70% совершаемых в стране преступлений и 90% уголовных дел об экономических преступлениях.

Однако, начиная с 1989 года ситуация с качеством и законностью расследования уголовных дел как в органах внутренних дел, так и прокуратуры изменилась в отрицательную сторону, что обуславливалось, во – первых, в целом с увеличе-

нием с 1,2 млн в 1988 году до 2,5-3 миллионов в 1999-2002 гг. количества зарегистрированных преступлений, ростом организованности преступной среды, где число выявленных преступлений с квалифицирующим признаком «совершено организованной группой» возросло в 10 раз (с 3,3 тысячи в 1989 году до 33,5 тысячи в 2001 году); во – вторых, вступил в действие УК РФ, в который включены 63 новых состава преступлений, расследование основной массы которых осуществляли следователи органов внутренних дел. При этом, основные показатели следственной работы в органах внутренних дел оставались выше, чем в органах прокуратуры (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Основные статистические показатели работы следственных аппаратов прокуратуры, МВД

	1997	1998	1999	2000	2001
Прекращено дел (в %): следователями МВД	20,9	20,9	19,2	19,9	17,7
следователями прокуратуры	27,2	26,8	24,9	25,6	23,6
Возвращено дел для доп. расследования (в %):					
следователям МВД	7, 8	8,2	6,4	6,0	6,8
следователям прокуратуры	10,8	11,5	8,5	7,7	8,5
Окончено уголовных дел в срок свыше УПК:					
следователями МВД	16,7	16,3	15,5	14,2	15,2
следователями прокуратуры	42,8	42,8	41,0	39,0	39,7
Число оправданных и реабилитированных (на 1 тыс. обвиняемых) по делам:					
следователей МВД	4,4	3,9	3,2	2,9	3,3
следователей прокуратуры	34,4	29,2	25,6	25,3	25,8

В качестве вступления к следующему этапу развития следственного аппарата необходимо отметить, что с принятием нового УПК Россия сделала существенный шаг к построению правового государства, задачей которого в соответствии со ст. 6 УПК РФ является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса. Следующий шаг в реформе следственного аппарата обусловлен реформой в 2007 г., основная сущность которой состояла в выделении следователей из состава органов прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ[1], что обеспечило значительное (в 2-3 раза) улучшение показателей законности и качества расследования по сравнению с аналогичными результатами, когда следователи находились в прокуратуре. На значительное улучшение указанных показателей как в деятельности следователей Следственного комитета РФ, так и органов внутренних дел повлияло и решение законодателя в части передачи указанным Федеральным законом №87-ФЗ руко-

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ: О Следственном комитете Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 15.

водителю следственного органа от прокурора полномочий по процессуальному руководству следствием с сохранением за последним в полном объеме надзорной функции за деятельностью следователей, что объективно подтверждено статистическими данными о результатах следственной работы (см. таблицы 5 и 6).

Таблица 5.

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2007	1191– 1,8	364	1417 – 11,9	742
2020	376 – 1,3	151	513 – 5,3	220

Таблица 6.

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования (до 2007г.) и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокурат. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям / уд. вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2020	17663	6,3	1902	2,0	6021	4166 – 1,2%

Говоря о перспективах создания единого в Российской Федерации следственного аппарата, автор отмечает, что в ходе подготовки проекта УПК РФ данная идея получила свое воплощение в виде соответствующей нормы, предусматривающей осуществление предварительного следствия органами единой Федеральной службы расследования, в которую должны были войти следователи органов прокуратуры, МВД, ФСКН и ФСБ России, однако реализация этого предложения в мае 2001 г. при обсуждении готовности УПК ко второму чтению была отложена (автор входил в рабочую группу при Комитете по законодательству Государственной Думы по разработке Кодекса и принимал участие в данном заседании). Реформа органов предварительного следствия 2007 г. была первым реальным шагом, реализованным законодателем, по созданию единого следственного аппарата, однако в силу различного рода причин, в том числе экономического плана, решение этой задачи сегодня приостановлено.

Теперь о проблемных вопросах непосредственно следственной деятельности, отрицательно влияющих на эффективность ее результатов. К числу негативных факторов следует отнести значительное количество внесенных в УПК РФ изменений (порядка 300-ми федеральными законами). Но при этом следует уточнить, что более 70 % из них обусловлены, в первую очередь, введением вновь или совершенствованием ряда его институтов, в том числе: вывод следователей из состава органов прокуратуры и дифференциация процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа указанным выше Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ[1]; введение Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ[2] в УПК нормы-принципа (ст. 6[1]) «Разумный срок уголовного судопроизводства» с внесением в последующие годы изменений только в данную норму пятью Федеральными законами (№ 273-ФЗ от 21.07.2014; № 190-ФЗ от 29.06.2015; № 440-ФЗ от 30.12.2015, № 331-ФЗ от 03.07.2016 и № 243-ФЗ от 30.07.2020); введения в УПК РФ досудебного соглашения о сотрудничестве (Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ[3]); значительное расширение перечня следственных и иных процессуальных действия, производство которых стало возможным до возбуждения уголовного дела и ряд других нововведений (Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ[4]). Кстати, о необходимости многих из этих законов автор высказывался еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в период подготовки проекта УПК РФ ко второму чтению.

В ответ на продолжающуюся критику оппонентов о низком качестве УПК РФ, вывод о чем делается на основании внесения за годы его действия многочисленных изменений, следует обратить внимание практикующих юристов и коллег по научному сообществу и на то обстоятельство, что УПК принимался в условиях компромисса. Так, Федеральный закон от 18.12.2001 №177-ФЗ[5] предусматривал переходные положения, согласно которым необходимость судебного решения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, устанавливалась только с 1 января 2004 г. (и это через 10 лет после

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ, 2007. №24. Ст. 2830.

[2] Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2009 №141-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2009. №26. ст. 3139.

[4] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ, 2013. №9. Ст. 875.

[5] О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ, 2001. №52. ст. 4924.

принятия Конституции РФ). Федеральным законом от 29.12.2001 №183-ФЗ[1] фактически сохранялись положения УПК РСФСР о продлении срока содержания обвиняемого под стражей с согласия прокурора, что обусловило принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 14.03.2002 №6-П[2], которым была признана не соответствующей Конституции РФ ст. 96 УПК РСФСР, в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора. И, соответственно, Федеральным законом от 29.05.2002 №58-ФЗ[3], когда УПК еще не вступил в силу, законодатель был вынужден внести в него первые изменения, предусматривающие единый судебный порядок ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса, а также и ряд других по первым результатам мониторинга действия УПК РФ. Компромиссом законодателя явилась и редакция ст. 146 УПК РФ, предусматривающая получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, для пересмотра которого Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ потребовалось 5 лет. Кстати, члены указанной выше рабочей группы, включая представителей правоохранительных органов, были категорически против.

Однако уже сегодня развитие научной мысли, складывающаяся следственная и судебная практика, признание Конституционным Судом РФ отдельных положений УПК РФ несоответствующими Конституции РФ, происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве государств бывшего СССР значительные изменения и, в целом, затратность и забюрократизированность уголовного процесса требуют научного обоснования и новых законодательных решений. Если кратко, то отдельные положения УПК РФ не отражают в полной мере реалии развития российского общества; содержат в себе ряд положений, перешедших из уголовно-процессуального законодательства 1922, 1960 гг.; законодатель уже в период действия УПК РФ неоднократно допускал принятие поправок, носящих характер контрреформ.

Говоря о необходимости дальнейшего совершенствования, но не создания нового УПК РФ, автор предлагает ряд конкретных изменений:

1) исключение из УПК РФ его ст. 162, устанавливающей первоначальный (2-х месячный) срок предварительного следствия, воспроизводящей аналогичное положение ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., а также допускающей продление без ограничения срока предварительного следствия, что противоречит введенной в УПК РФ ст. 6[1] о разумном сроке уголовного судопроизводства, который в соответ-

---

[1] О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 №183-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2001. №53. ст. 5019. Утратил силу с 1 июля 2002 года (Федеральный закон от 18.12.2001 №177-ФЗ).

[2] По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 №6-П // СПС «КонсультантПлюс»

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 №58-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // Собрание законодательства РФ, 2002. №22. ст. 2027.

ствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 29.03.2016 № 11-П[1] по уголовным делам не должен превышать 4 лет;

2) увеличение первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который сегодня входят от 10 до 30 суток для принятия прокурором решения о дальнейшем движении дела (ч. 1 и ч. 1[1] ст. 221 УПК РФ) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) решения в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ (для примера, в Италии устанавливаемый судом первоначальный срок содержания под стражей составляет 6 месяцев. который может быть сокращен с учетом обстоятельств дела по обращению как стороны защиты, так и прокурора;

3) требует принципиального пересмотра процессуальный институт предъявления обвинения, наличие которого определяло момент вступления в дело защитника, что сегодня в соответствии с положениями указанного выше Федерального закона №23-ФЗ возможно уже на этапе проверки сообщения о преступлении. Далее, за 19 лет действия УПК РФ без предъявления обвинения направлено в суд более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания и ни один осужденный не оспорил неконституционность данного положения УПК. Следует учитывать и решение Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П[2] о том, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)». К числу аргументов за исключение института предъявления обвинения следует отнести и позицию Европейского Суда по правам человека, согласно которому «обвинение» определено как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение[3]. В этой же связи предлагается реализовать в УПК РФ опыт абсолютного большинства зарубежных государств, предусматривающих возможность изменения в суде обвинения, в том числе на более тяжкое. Так, согласно ч. 2 ст. 301 УПК Республики Беларусь, если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в дополнении расследования или изменения обвинения на более тяжкое, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до 10 суток, который может быть продлен до 30 суток и предлагает прокурору устранить выявленные недостатки и даже перепредъявить обвинение[4].

---

[1] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 №11 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 №6-П // Собрание законодательства РФ, 2007. №22. ст. 2686.

[3] Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, - 2000.

[4] Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 4. С. 51-56.

Среди актуальных проблем, требующих первоочередного разрешения,- это неэффективность стадии возбуждения уголовного дела, результатом чего является сокращение уровня уголовно-процессуального реагирования. Так, несмотря на незначительное сокращение количества заявлений, сообщений о преступлениях (10,7 млн. в 2006 г. и 9,3 млн. в 2020 г.), количество возбужденных уголовных дел сократилось фактически в два раза (с 3,3 млн. в 2006 г. до 1,7 млн. в 2020 г.) при одновременном увеличении числа «отказных» материалов (с 4,5 млн. в 2006 г. до 6,8 млн. в 2016 г. и 5,54 млн. в 2020 г.), значительная часть из которых (от 20 до 30%) ежегодно прокурорами признаются незаконными, необоснованными и отменяются, чем ограничивается предусмотренное ст. 52 Конституции РФ право потерпевшего от преступления на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Наше предположение об исключении из УПК РФ процессуальной нормы – ст. 146 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда РФ, начиная с определения от 18.07.2006 № 343-О[1], и, соответственно, Верховного Суда РФ[2], судебно-следственной практики, которая сегодня исходит из необходимости возбуждения уголовного дела, например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, или при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело, что противоречит как многолетней практике Конституционного Суда и Верховного Суда РФ, так и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении дела и ч.1 ст.448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении дела, если оно возбуждено в отношении других лиц.

Изложенное выше требует дальнейшего обсуждения как среди научной общественности, так и практикующих юристов и выработки соответствующих предложений для обращения с ними к законодателю, в чем активную роль должны играть Следственный комитет РФ и МВД России.

Литература

Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 4. С. 51-56.

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. №343-О // СПС «Гарант».

[2] Отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора, поскольку связано с несоблюдением органами предварительного следствия процедуры судопроизводства и нарушением права на защиту: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховный Суд Российской Федерации от 19 декабря 2013 года №60-Д13-3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2014. № 8.

В.Н. Карагодин
А.А. Казаков

Органы предварительного расследования в системе уголовной юстиции

Аннотация. В статье раскрывается специфика взаимоотношений между элементами уголовной юстиции. Она состоит в субординации, обусловленной не административным подчинением друг другу, а объемом полномочий в сфере уголовного судопроизводства. Сделан вывод о центральном месте органов предварительного расследования и существовании широкого спектра проблем ввиду ненадлежащего понимания цели и задач уголовной юстиции со стороны других ее элементов.

Ключевые слова: уголовная юстиция, органы расследования, Следственный комитет РФ, следственный судья, досудебное производство.

Уголовная юстиция понимается как государственные органы, к обязанностям которых относятся обнаружение совершенных преступлений, пресечение совершаемых общественно опасных деяний, установление обстоятельств и субъектов посягательства, привлечение их к уголовной ответственности, осуществление правосудия по уголовным делам, исполнение наказания и т.п. Иными словами, к уголовной юстиции относятся государственные органы, занимающиеся раскрытием и расследованием преступлений, исполнением наказания, осуществлением прокурорского надзора за перечисленными видами деятельности, рассмотрением уголовных дел в суде [5, с. 8].

Сложность состоит в том, что подавляющее большинство органов кроме противодействия преступности уполномочены на ведение деятельности по выявлению, пресечению других видов правонарушений, привлечению к ответственности лиц, их совершивших, восстановление нарушенных прав, рассмотрение гражданских, административных споров, исполнение принятых по итогам рассмотрения решений, осуществление прокурорского надзора за рядом из этих видов деятельности и связанных с таковыми. Исключение составляют лишь подразделения Следственного комитета Российской Федерации, к ведению которых отнесены только полномочия в сфере уголовного судопроизводства на досудебных стадиях. Подобное положение давно давало основание для утверждения о том, что уголовная юстиция представляет собой научную абстракцию, поскольку охватывает учреждения, осуществляющие иные виды деятельности, не связанные с противодействием преступности. В то же время использование этой абстракции, по мнению ее автора, «позволяет рассмотреть как единое целое всю деятельность органов, ведущих борьбу с преступностью» [5, с. 8]. С приведенными положениями можно согласиться лишь частично.

По нашему мнению, уголовная юстиция представляет собой реально существующие органы, являющиеся частью системы учреждений государственной власти. В качестве научной абстракции можно рассматривать понятие уголовной юстиции, а не саму совокупность упомянутых учреждений.

Социальные системы, к которым относятся и учреждения государственной власти, выделяются по различным признакам. Прежде всего они подразделяются в зависимости от того, для осуществления какого вида государственной власти –

законодательной, исполнительной, судебной – предназначены. Разделение власти в нашей стране закрепляется в Конституции РФ (ст. 10) и других законодательных актах.

В то же время складываются системы государственных органов, не нашедшие нормативно-правового отражения. К ним, в частности, относится система органов уголовной юстиции. Отношения этих органов позволяют рассматривать их именно как систему, характеризующуюся взаимными связями, взаимодействием между отдельными структурными элементами, определенной иерархией в расположении относительно друг друга, субординацией между ними [2, с. 16-17].

Объединение названных органов в единую систему обусловлено наличием у них общей социальной цели. В разных источниках она определяется по-разному. Во время существования советского государства выделялись ближайшая и конечная цели. Первая формулировалась как «борьба с преступностью», вторая – «полное искоренение преступности» [5, с. 10-11]. В настоящий период под целью понимается сдерживание преступности до приемлемого уровня. Эти формулировки целей вызывают возражения. Представляется, что целью уголовной юстиции является обеспечение безопасных от преступных проявлений условий жизни и деятельности общества и каждого его члена. Каждый из элементов системы, т.е. входящий в ее структуру орган, имеет собственную специальную цель, достижение которой позволяет достичь и вышеназванную. Объединяет органы уголовной юстиции осуществление их деятельности в едином правовом поле. В ходе уголовного судопроизводства они преимущественно руководствуются нормами уголовного материального и процессуального права.

В то же время ни один из элементов системы уголовной юстиции не находится в отношениях административного подчинения между собой. Однако между ними существуют отношения иерархии и субординации, складывающиеся в зависимости от объема полномочий по принятию уголовно-процессуальных решений.

Внизу иерархической лестницы находятся органы дознания, которые призваны выявлять и пресекать преступления, устанавливать субъектов, их совершивших, в рамках предоставленных полномочий привлекать виновных к уголовной ответственности. Необходимо отметить, что к учреждениям дознания относятся и органы оперативно-разыскной деятельности, осуществляемой по отдельным правилам с помощью специально разработанных приемов и средств.

Далее в иерархии системы уголовной юстиции располагаются органы предварительного расследования. Они сосредоточены в различных ведомствах. Наиболее многочисленны органы расследования МВД России. Имеются свои следственные подразделения и в ФСБ России. Чуть более десяти лет существует Следственный комитет РФ, впервые за всю историю страны административно не находящийся в подчинении какого-либо субъекта государственного управления, занимающего более высокое должностное положение.

Несколько в стороне от других элементов в системе уголовной юстиции располагается прокуратура, полномочия должностных лиц которой в сфере досудебного и судебного производства по уголовным делам в обобщенном виде зафиксированы в ст. 37 УПК РФ.

Более высокое положение занимает суд, осуществляющий самостоятельный вид государственной деятельности – правосудие – и единственный из всех компонентов системы обладающий независимостью.

Существует определенная субординация в отношениях между отдельными компонентами системы. Она устанавливается законом, разделяющим полномочия органов по отмене и изменению решений других представителей системы, регламентирующим порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, устанавливающим виды и форму процессуальных решений, принимаемых на определенных стадиях уголовного судопроизводства и т.п.

К сожалению, порядок, предусмотренный законом, и реально складывающиеся отношения между органами, являющимися элементами единой системы, в ряде случаев существенно отличаются. Казалось бы, единство задач, поставленных государством перед системой уголовной юстиции, должно способствовать укреплению делового сотрудничества между его элементами. Однако под влиянием ведомственных интересов или неправильного их понимания взаимодействие между ними нарушается. В частности, нельзя признать нормальным взаимодействие с органами оперативно-разыскной деятельности, уклоняющимися от исполнения поручений следователя. Аналогичным образом нельзя признать нормативным поведение сотрудников органов прокуратуры, считающих основной своей задачей поиск и фиксацию недостатков следствия. Представляется, что задачей надзора является обеспечение законности в ходе уголовного судопроизводства, подразумевающей полное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, с соблюдением всех процессуальных гарантий и прав участников.

Необходимо заметить, что органы расследования в настоящее время занимают центральное место в системе уголовной юстиции. Соответственно этому они чаще всего сталкиваются с невыполнением или неправильным выполнением своих обязанностей другими органами, являющимися самостоятельными элементами системы. Поэтому представляются необходимыми разработка и принятие процессуальных норм, стимулирующих четкое и полное выполнение обязанностей всеми властными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Давно назрела потребность в дальнейшей правовой регламентации процедур рассмотрения правовых конфликтов между органами следствия с одной стороны и субъектами прокурорского надзора с другой стороны, а также обжалования судебных актов в ходе досудебного производства. В частности, конкретные идеи по корректировке УПК РФ, призванные сбалансировать взаимодействие между элементами уголовной юстиции, высказывались авторами настоящего исследования [3].

В настоящее время продолжается дискуссия о дальнейшем направлении реформы уголовной юстиции, включая органы расследования. Высказываются мысли о необходимости функционирования следствия в органах внутренних дел, что позволит сохранить специалистов по расследованию отдельных категорий преступлений, обеспечить надлежащее взаимодействие следователей и сотрудников оперативно-разыскных подразделений [4, с. 89; 7, с. 20]. Что касается сохранения специалистов, то в подразделениях Следственного комитета РФ за-

частую трудятся бывшие сотрудники органов внутренних дел. Думается, что немалое количество следователей МВД России не отказались бы от перехода в Следственный комитет РФ. Достаточно слабым выглядит аргумент о лучшей организации взаимодействия между сотрудниками одного ведомства. Если оно так хорошо, то почему так невысока раскрываемость краж, других неочевидных преступлений, уголовные дела о которых подследственны подразделениям МВД России? В то же время раскрываемость убийств, иных тяжких преступлений, расследуемых следователями Следственного комитета РФ, намного выше.

Довольно активно лоббируется идея о реанимации следствия в судебной системе, введении должностей следственных судей [6, с. 31]. Хотелось бы прежде всего заметить, что критика существующей системы предварительного расследования основывается на умозаключениях данного автора. Никаких статистических данных, подтверждающих кризис, распад, иные негативные состояния системы, не приводится. Текущее состояние оценивается отрицательно просто потому, что предлагаемая модель лучше. При этом стоит отметить, что институт судебных следователей уже существовал в царской России и подвергался не меньшей критике, чем ныне действующая система. В частности, отмечалась низкая продуктивность деятельности судебных следователей. Рассмотрение лишь 25 % оконченных ими дел заканчивалось вынесением приговора в суде, а более 35 % – прекращались на стадии расследования [1, с. 13].

Для нормального функционирования всей системы необходимо обеспечение условий, наиболее благоприятных для продуктивной деятельности каждого из ее элементов. Применительно к системе уголовной юстиции это означает создание определенного баланса между полномочиями и функциями входящих в нее учреждений. Это не предполагает, что все органы уголовной юстиции должны быть равными в качественном и количественном положении. Этого не может быть в принципе, поскольку каждый из органов системы имеет специальные цель и задачи, для достижения которых наделен специфическими функциями. Однако объем и содержание прав и обязанностей, механизм их реализации должны обеспечивать достижение конечной цели и способствовать осуществлению эффективного функционирования каждого из элементов и всей системы уголовной юстиции в целом.

Литература

1. Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. М., 1895 г. Переиздано: Киев, 2003. 142 с.
2. Добрынин Н.М. Теория и практика государственного управления: Учебник. Новосибирск: Наука, 2006. 510 с.
3. Карагодин В.Н., Казаков А.А. Регулирование отношений прокурора и следователя в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2017. № 6. С. 54-63.
4. Кожевников О.А., Зайцева И.И. Проблемы организации правоохранительной системы Российской Федерации: Монография. Екатеринбург: Изда-

тельский дом Уральского государственного юридического университета, 2016. 104 с.
5. Кудрявцев В.Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика: сб. научных статей / отв. ред. В.Н. Кудрявцев и А.Р. Шляхов. М.: Издательство «Наука», 1973. С. 7-21.
6. Машовец А.О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 42 с.
7. Попов И.А. Органам предварительного следствия в системе МВД России 50 лет: основные итоги и дальнейшие шаги // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 18-25.

Ю.А. Цветков

Возможно ли воссоздать институт судебных следователей в Российской Федерации?

Аннотация. Несмотря на многогранность личности и деятельности Н.И. Стояновского, его наиболее выдающимся достижением на поприще государственного строительства является вклад в реформу следственных органов и создание правовых основ института судебных следователей. В настоящей статье дается оценка жизнеспособности этой идеи в современных условиях, рассматриваются возможные варианты полного или частичного воссоздания этого института, риски и возможности, которые несет в себе такая реформа.

Ключевые слова: Н.И. Стояновский; судебный следователь; следственные органы; реформа предварительного следствия.

Год 2021 от Рождества Христова, а от сотворения мира 7529 замечателен юбилеями. В этом году исполняется 300 лет Российской Империи, которая была провозглашена 2 ноября 1721 г. по итогам победы нашего Отечества в Северной войне под предводительством Петра I. Через сто лет после такого масштабного события родился Н.И. Стояновский – автор «Учреждения судебных следователей» и «Наказа судебным следователям». Указанные документы стали правовой основой «судебной» модели следствия, которая успешно функционировала в последние 57 лет существования Российской Империи и даже в основных чертах пережила ее на 11 лет, когда на смену ей в 1928 г. пришла новая – прокурорская модель организации следственного аппарата. 15 января исполнилось 10 лет со дня образования Следственного комитета Российской Федерации, который ведет свою родословную от детища Петра I – майорских следственных канцелярий, воплотивших в себе вневедомственный принцип организации следственного аппарата. Все эти выдающиеся юбилеи произошли одновременно с двумя другими важнейшими для юридического мира событиями: 25-летием Уголовного и 20-летием Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, ставших материальной и процессуальной основами деятельности следственных органов современной России. Таким образом, все пять событий, чьи юбилеи мы в этом году отмечаем, сильно взаимосвязаны.

Изучая законотворческое и научное наследие Н.И. Стояновского в призме новых исторических вызовов, возникших перед всей системой уголовной юстиции, мы в конченом итоге выходим на вопрос о том, какую практическую пользу представляет для нас этот опыт. Если сформулировать это вопрос более конкретно, то он будет звучать так, как в названии статьи: возможно ли воссоздать в Российской Федерации институт судебных следователей, и если да, то полностью или лишь фрагментарно?

Предложения о возрождении этого института периодически возникают на общественно-политической и научной повестке. С такой инициативой выступила профессор кафедры уголовного процесса РГУП О.В. Качалова[1]. В масштабе целой концепции возвращение к модели судебной организации досудебного производства с фигурой судебного следователя в ее центре разработал в своей докторской диссертации Ю.В. Деришев[2]. Как видим, эта идея не только постоянно обсуждается, но и на фундаментальном уровне развивается в науке уголовного процесса. При этом ее необходимо четко отделять от похожей инициативы: об учреждении института следственных судей. В последнем случае речь идет именно о судьях, специализирующихся исключительно на осуществлении судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования[3].

В 2019 г. мы провели среди обучавшихся по программам повышения квалификации следователей и руководителей следственных органов СК России социологическое исследование, в ходе которого выяснялся выбор респондентов в пользу той или иной модели реформирования следственных органов. Переподчинение следственного аппарата суду и восстановление должности судебного следователя из общего числа опрошенных поддержали 9,26 % следователей и 17,39 % руководителей следственных органов. Математическая обработка полученных данных подтвердила их статистическую значимость по каждой группе (они отражают мнение генеральной совокупности), но в то же время показала, что различие в полученных данных носит случайный характер и от принадлежности к профессиональной группе не зависит[4]. Таким образом, идея восстановления института судебных следователей имеет пусть и не многочисленную, но прочную социальную группу поддержки, как среди ученых, так и среди практических работников.

Для того чтобы объективно оценить возможность восстановления института судебных следователей в Российской Федерации, необходимо выделить его принципиальные отличия от существующей в настоящее время организационно-правовой модели следственной деятельности. Мы выделяем три таких отличия:

---

[1] См.: *Качалова О.В.* Нужен ли российскому уголовному судопроизводству судебный следователь? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. научн.-практ. трудов / под ред. А.И. Бастрыкина. – Вып. 3. – М.: Академия СК России. – 2014. – С. 252—258.

[2] См.: *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дисс. … докт. юрид. наук. — Омск, 2005. — 436 с.

[3] Подробнее о разграничении этих и других родственных инициатив см.: *Цветков Ю.А.* Досудебное производство в ожидании современной доктрины // Уголовный процесс. 2015. № 5. С. 70—81.

[4] *Цветков Ю.А.* Авторитет следователя, или Миф о потерянном прокурорском рае // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 17—24.

1) организационное нахождение судебных следователей в судебной системе, с вытекающим отсюда правовым и социальным статусом, соответствующим судейскому, включая уровень гарантий независимости;

2) положение прокурора по отношению к судебному следователю не носит характера доминирования: прокурор фактически является стороной, которая вправе заявлять ходатайство о дополнении расследования в интересах обвинения, а в случае разногласий между следователем и прокурором по основным вопросам движения уголовного дела спор разрешается в суде;

3) предварительное следствие завершается до составления обвинительного заключения: судебный следователь передает материалы уголовного дела прокурору, который решает вопрос о достаточности доказательств обвинения и при положительном решении самостоятельно составляет обвинительное заключение и направляет дело в суд.

Таким образом, воссоздание института судебных следователей не ограничится механическим переподчинением следствия суду, а потребует более глубокого изменения всего процессуального порядка. Наряду с этим, необходимо учесть еще отдельные риски, которые могут реализоваться в случае полного перевода следственных органов на судебные рельсы.

Во-первых, с точки зрения штатной и реальной численности следователей существенно больше, чем судей. Так, численность следователей всех ведомств составляет около 50 тыс. человек, а судей, включая мировых, – около 35 тыс. человек. Таким образом, при сложении кадровых потенциалов обеих систем следователи в ней будут доминировать над судьями, что приведет к кадровому дисбалансу с рядом вытекающих отсюда последствий.

Во-вторых, несмотря на то, что в силу концепции судебный следователь нейтрален и подобно судье находится над сторонами, само содержание следственной работы таково, что в ней велика доля именно обвинительной составляющей. Исходя из доминирующего положения следователя в судебной системе, не следователь станет, как это может показаться, ближе к суду, а суд сместится в сторону обвинения, так как любая система всегда старается «подыгрывать» своим частям.

В-третьих, необходимо понимать, что судебный следователь – это в первую очередь следователь, в том смысле, что «оперативная» составляющая в его работе гораздо больше, чем в работе судьи. Следователи выезжают на места происшествия и в следственные изоляторы, проводят следственные эксперименты и проверку показаний на месте, при выявлении и раскрытии преступлений работают в тесном взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений, а на месте происшествия – с судебно-медицинскими экспертами и экспертами-криминалистами. С их переходом в судебную систему произойдет разрыв наработанных связей. Если следователи прокуратуры могли воздействовать на оперативные подразделения и органы дознания, используя полномочия прокурора, а следователи СК России могут использовать потенциал своих собственных криминалистических подразделений и судебно-экспертного центра, то находясь в судебной системе, они утратят рычаги влияния и собственные ресурсы, которыми обладают их ведомства. В суде не может быть даже собственной криминали-

стической службы, хотя теоретически вместе со следствием в судебную систему вполне органично можно инкорпорировать судебных экспертов, которые тем самым еще ближе станут к получению статуса научного судьи[1].

Таким образом, при всей ее привлекательности идея возрождения института судебного следователя в полном объеме и в том виде, как она была задумана Н.И. Стояновским и реализована в Российской Империи, в современных исторических условиях вряд ли осуществима. Вместе с тем ее частичное воплощение не только возможно, но при определенных условиях станет даже необходимо. Воссоздание должности судебного следователя может и должно стать одним из параллельных процессов в случае реализации концепции единого следственного органа. Слияние всех следственных подразделений в одно ведомство, например, объединенный Следственный комитет, потребует создания ему какого-то противовеса, и таким противовесом может стать одновременное введение должностей судебных следователей на организационной базе судов.

Возникает резонный вопрос: для чего тогда такое дублирование функций следователя, если сама концепция предполагает, что все следователи должны быть объединены в одной службе на вневедомственной основе? Ответ прост, и находится он в плоскости вопроса о персональной подследственности уголовных дел. В случае создания единого Следственного комитета подследственность всех или части уголовных дел в отношении лиц особого правового статуса, производство в отношении которых регламентируется гл. 52 УПК РФ, должна быть закреплена именно за судебными следователями. В противном случае следователи единого Следственного комитета аккумулируют в одном ведомстве исключительные полномочия по производству предварительного следствия, включая проверку сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел как в отношении своих собственных сотрудников, так и судей и сотрудников других надзорных, правоохранительных и правозащитных органов (прокуроров, адвокатов и т.д.). Такая концентрация всей полноты следственной власти в одном ведомстве, а значит в какой-то степени и в одних руках (руководителя такого ведомства), может привести к дисбалансу в структуре уголовной юстиции и системе сдержек и противовесов в государстве в целом. Поэтому закрепление указанной подследственности за организационно обособленными от основного ведомства судебными следователями этот дисбаланс выровняет и создаст предпосылки для большей объективности проверок и расследования в отношении лиц особого правового статуса. При этом, учитывая небольшую долю таких уголовных дел в общей их массе, одной-двух должностей судебных следователей на один субъект Федерации будет вполне достаточно.

Последний вопрос, который осталось определить, – это, собственно, внутриорганизационная модель функционирования судебных следователей. Здесь возможны два варианта. Первый вариант предполагает создание внутренней административной вертикали – Следственного департамента при Верховном Суде Российской Федерации со своими территориальными подразделениями при су-

---

[1] См. об этом: *Россинский С.Б.* Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 132—141.

дах субъектов Федерации. Возглавлять такой департамент на федеральном уровне будет директор в статусе заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, а на региональном уровне – руководители следственных подразделений, подчиняющиеся напрямую директору департамента, а не председателю регионального суда. Вторая модель, более приближенная к дореволюционной, не предполагает наличия такой административной вертикали. В ней судебные следователи будут работать при конкретных судах и, являясь сотрудниками судебной системы, подобно мировым судьям, не будут иметь над собой непосредственного начальника. Реализация последнего варианта весьма проблематична с процессуальной точки зрения, поскольку оставляет открытым вопрос о том, кто и как будет реализовывать функции руководителя следственного органа по продлению сроков следствия и согласованию процессуальных решений, которые следователь не вправе принять единолично. Технологически возможно, конечно, наделить этими полномочиями председателей судов, однако для этого потребуется серьезная доктринальная проработка такой возможности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно определенно утверждать, что институт судебных следователей отнюдь не является мертвым историческим реликтом. Идеи Н.И. Стояновского, воплотившиеся в этом институте, весьма жизнеспособны и еще сослужат в России добрую службу на пользу государственного строительства.

Литература

1. *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дисс. … докт. юрид. наук. — Омск, 2005. — 436 с.
2. *Качалова О.В.* Нужен ли российскому уголовному судопроизводству судебный следователь? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. научн.-практ. трудов / под ред. А.И. Бастрыкина. – Вып. 3. – М.: Академия СК России. – 2014. – С. 252—258.
3. *Россинский С.Б.* Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 132—141.
4. *Цветков Ю.А.* Досудебное производство в ожидании современной доктрины // Уголовный процесс. 2015. № 5. С. 70—81.
5. *Цветков Ю.А.* Авторитет следователя, или Миф о потерянном прокурорском рае // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 17—24.

А. Е. Шарихин

Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на УПК РФ

Аннотация. Накопившиеся в России в настоящее время проблемы в сфере предварительного расследования требуют своего решения. На это в последнее время часто обращают внимание представители научного сообщества, руководители Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ, а также законодательной власти. Анализ различных точек зрения свидетельствует, что можно выделить два основных под-

хода к будущей реформе, которые опираются на различные правовые семьи. В качестве оптимального образца рекомендуется рассматривать опыт судебной реформы России 1864 г., который в свое время объединил принцип состязательности и установления безусловной истины в уголовном процессе.

Ключевые слова: реформа, объективная истина, принцип состязательности, конвергенция, правовая культура.

В настоящее время проблема реформирования стадий досудебного производства активно обсуждается как на различных научных форумах, так и на уровне законодательной власти. И, как правило, эти обсуждения неразрывно связаны с анализом реформы в царской России 1864 г.

Этой реформе в последнее время посвящены несколько конференций, которые проходили в Санкт-Петербурге в октябре 2007 г, в Москве в 2014 г.

И настоящая конференция, посвященная памяти Н.И. Стояновского, полагаю, не будет исключением. Создается впечатление, что призрак этой реформы требует назревших изменений досудебного производства.

Так, в октябре 2007 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Стратегии уголовного судопроизводства», которая была посвящена 160-летию со дня рождения И.Я. Фойницкого. На конференции отмечалось, что Судебная реформа России 1864 г. имела важное значение не только для страны, но и способствовала появлению как блестящих судебных ораторов, так и замечательных ученых, чьи труды стали классикой отечественной юриспруденции. Среди них, как отмечалось на конференции, особое место занимает отечественный процессуалист Иван Яковлевич Фойницкий, который справедливо полагал, что уголовно-процессуальное законодательство имеет политическое значение как показатель демократичности общественной жизни. Учитывая это обстоятельство, он особенно выделял состязательность уголовного судопроизводства, начало, которое больше, чем что-либо, способствует воцарению справедливости в судах. Но, утверждая идею состязательности, И.Я. Фойницкий, был также сторонником установления безусловной истины в уголовном процессе, учитывая, что принятое основными положениями начало судебного состязания сторон не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами.

Работа конференции проходила по четырем направлениям: I. Наследие И.Я Фойницкого и современное уголовное судопроизводство; II. Философия и практика уголовного судопроизводства; Ш. Уголовно-процессуальная политика; IV. Национальные стратегии уголовного судопроизводства. В рамках конференции был проведен «круглый стол» по теме «Реформа предварительного следствия: следственный комитет и прокурорский надзор». В выступлениях участников «круглого стола» были даны оценки наметившимся тенденциям в реформировании предварительного следствия, где одним из главных был вопрос о последних изменениях в законодательстве, связанных с созданием Следственного комитета при прокуратуре РФ.

Как известно, установление истины, которая рассматривается как цель доказывания в уголовном судопроизводстве, было характерно для романо-германской правовой семьи, к которой и относилась царская Россия [3, с. 401].

Через 7 лет научное сообщество вновь обратилось к урокам реформы 1864 г, которые имеют непреходящую ценность [6, с. 374], когда в 2014 г. в России отмечалось 150 лет Уставу уголовного судопроизводства. Именно этой знаменательной дате была посвящена конференция под названием «150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства», которая проходила 9-10 апреля 2014 г. в Академии управления МВД России.

Здесь необходимо заметить, что после принятия в 2001 г. УПК РФ в него в целях «его совершенствования» было внесено большое число изменений и дополнений, которые фактически нарушили его целостность, что повлияло как на качество самого закона, так и на качество предварительного следствия и дознания.

Это нашло отражение в докладе «О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2012 год»[1], с которым выступил Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка.

В докладе, в частности, отмечалось, что в 2012 г. на 59% возросло число неправомерных отказов в возбуждении уголовного дела. В подразделениях Следственного комитета России их количество увеличилось в 2,5 раза, в органах ФСКН – в 4 раза, а в органах дознания Федеральной пограничной службы и МЧС России – более чем в 10 раз. Наряду с этим в докладе обращалось внимание как на невысокое качество следствия и дознания, что обуславливает появление значительного количества уголовных дел (число таких дел в 2012 г. превысило 37 тыс.), которые возвращаются прокурорами для дополнительного расследования, так и на соблюдение разумных сроков досудебного производства. При этом отмечалось, что доля уголовных дел, оконченных с превышением срока, установленного законом, растет угрожающими темпами (это практически каждое третье дело в органах внутренних дел, а в Следственном комитете и ФСКН – почти каждое второе). Всего же в 2012 г., как отмечалось в докладе, прокурорами установлено свыше 5 млн. нарушений законов, допущенных на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Анализируя недостатки и достоинства УПК РФ, Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин в интервью «Российской газете» 16 марта 2012 г., обратил внимание на то обстоятельство, что к числу неоспоримых достоинств действующего УПК РФ можно отнести состязательность уголовного судопроизводства, а также строгое разграничение процессуальных функций и соответствующих полномочий, однако в УПК отсутствует цель - установление объективной истины, что может создавать проблемы в рамках правоприменительной практики. Принимая во внимание это обстоятельство, Следственным комитетом РФ разработан законопроект, который предлагает ввести в УПК понятие «институт установления объективной истины» и наделить участников уголовных судов новыми правами.

По его мнению, введение в УПК института установления объективной истины по уголовному делу позволит обеспечить гарантии конституционного права

[1] Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации ("Прокурор", 2013, № 2) СПС КонсультантПлюс.

на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к правосудию. Ранее, в 2011 г. Г. К. Смирнов отмечал, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ требования об установлении объективной истины, ею проникнуто множество институтов уголовного процесса, причем как общих, так и частных [4, 18].

Концептуальные вопросы УПК затронул Генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка, выступая 18 ноября 2013 г. на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». В частности, он обратил внимание на то, что современная уголовная политика характеризуется отсутствием четко обозначенных и принятых на соответствующем уровне концептуальных основ ее формирования. Это порождает внесение многочисленных непоследовательных, а порой противоречивых изменений в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Так, только в УК РФ, изначально содержавший 360 статей, за время его действия внесено свыше 700 поправок. В результате он утратил свойство системности. За прошедшие после вступления в силу УПК РФ 11 лет принято 133 федеральных закона, которыми в его нормы вносились многочисленные изменения и дополнения.

Это выступление можно расценивать как определенную реакцию на обсуждавшуюся в научных кругах проблему реформирования УК РФ и УПК РФ. В научном сообществе проблема реформ нашла отражение ряде статей. В частности, в статье, опубликованной в 2013 г. «Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы». В этой статье, в частности, отмечалось, что авторы законодательных инициатив, предлагая свои законопроекты в интересах предпринимателей, уводят от кардинального вопроса: о необходимости реформы УК и УПК, которые не отвечают современным требованиям.

Оценивая современное состояние, авторы статьи отмечали, что перманентные поправки в УК и УПК, по существу представляют собой профанацию реформ в области уголовного права и судопроизводства, имитацию бурной законодательной и правоохранительной деятельности. В заключение, учитывая перечисленные обстоятельства, в статье, делался вывод о необходимости проведения качественных, системных институциональных изменений в уголовном и уголовно-процессуальном праве [1, с. 19].

В 2014 г. идея об объективной истине в уголовном судопроизводстве получила свое развитие в законопроекте № 440058-6, который в 29 января 2014 г. направил в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутат А.А. Ремезков. Законопроект предполагал предоставить судье больше прав для отклонения или возврата следствию дела, если он считает, что объективная истина в процессе не была установлена, а также возложить обязанность устанавливать истину по делу, как на следователя, так и на дознавателя. Однако этот законопроект не получил поддержки в Правительстве РФ, а Верховный суд РФ и Совет Федерации отозвались о законопроекте двойственно. Наряду с этим проект бурно обсуждался научным сообществом и был оценен неоднозначно [2]. В результате в связи с отсутствием единого мнения о необходимости введения института установления объективной истины в уголовном судопроизводстве проект закона

№ 440058-6 не принят. В этой связи можно констатировать, что попытка реформирования путем внесения изменений в УПК РФ не увенчалась успехом.

Наряду с этим вопрос о необходимости уголовной реформы и создании принципиально новых Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов поднимался также в феврале 2014 года председателем думского комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П. Крашенинниковым. Вскоре после этого на парламентских слушаниях под председательством спикера Совета Федерации В. Матвиенко было принято решение начать работу над новой концепцией уголовного законодательства.

Все эти события происходили в 2014 г. накануне конференции (о которой говорилось выше), посвященной 150 летию Устава уголовного судопроизводства, где сравнивая Устав уголовного судопроизводства Российской империи и УПК РФ заслуженный юрист РСФСР В.Ф. Статкус не только повторил доминирующую идею о том, что действующий УПК не отвечает требованиям времени и требуется его реформа, но и предложил создать Комиссию для разработки концепции уголовного судопроизводства, определить состав Комиссии и примерные сроки ее работы. В состав комиссии предлагалось включить ученых и практиков, а состав Комиссии опубликовать в СМИ. Комиссия должна была бы разработать УПК РФ с учетом подхода, реализованного в Уставе уголовного судопроизводства царской России [5, с. 262]. Обсуждение различных аспектов реформы XIX века показало, что для реформы необходимы кадры, готовые реализовывать востребованные идеи.

В 2015 г. на круглом столе «Реформы по европейскому образцу» Комитетом гражданских инициатив А. Кудрина был представлен проект реформирования уголовного процесса в России, который, по мнению разработчиков, должен устранить анахронизмы российского уголовного производства, вернуть в правосудие реальную состязательность и избавить кодекс от «обвинительного уклона».

Как отмечали разработчики этой концепции, в настоящий момент «хозяином» уголовного дела является следователь, который собирает доказательства – выстраивает обвинительную линию. В рамках проекта предлагалось, чтобы его функцию взял следственный судья, а обвинение и защита в уголовном процессе стали действительно равноправными в сборе улик по делу. В результате такого подхода следователь должен помогать прокурору, раскрывать преступление, получая фактический материал путём следственных действий, которые могут проводиться как гласно, так и негласно. При этом критериями истины в уголовном деле, согласно предложенной концепции, должны стать здравый смысл и общественное мнение, а доказательства в пользу виновности или невиновности гражданина обязательно должны соответствовать критерию «правдоподобности».

Наряду с этим авторы документа предлагали вывести за рамки УПК РФ всё досудебное производство, сняв тем самым различия между предварительным следствием, адвокатским расследованием и оперативно-разыскной деятельностью. Анализ, высказанных предложений, с которыми выступили разработчики (Комитетом гражданских инициатив), показывает, что предложенная концепция

в основе своей базируется на принципах общего права, но использует отдельные элементы романо-германского права. В последнее время в связи с подготовкой и принятием поправок к Конституции РФ, вопросу о реформе УПК не уделялось должного внимания, но это не говорит о том, что он потерял актуальность.

Полагаю, что с учетом вышеуказанных проблем эта реформа требует пристального внимания, а, учитывая, что в отношении России уже давно ведется гибридная война, градус актуальности проблемы постоянно повышается. Анализ различных точек зрения на реформу УПК РФ свидетельствует, что в настоящее время наметилось два подхода ее решения. Предлагается, с одной стороны, пойти по пути радикальных реформ и принятия нового УПК, а, с другой, решить проблему посредством внесения изменений и дополнений в отдельные положения УПК РФ. Принимая решение о выборе пути реформ, по нашему мнению, важно учитывать, что в последнее время имеет место не только конвергенция подходов в рамках гражданского и уголовного процессов, например, в сфере доказательственного права, но и конвергенция различных правовых семей. Кроме того, как представляется, необходимо должное внимание уделять подготовке кадров, у которых должно формироваться правосознание на основе нравственных принципов, правового государства, что является основой правовой культуры необходимой, как показала реформа XIX века, для выработки верных концептуальных решений.

Литература

1. *Александров А.С., Александрова И.А.* Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 5-19.
2. *Божко А.П., Калентьева Т.А.* Истина в уголовном процессе: нужна ли она нам сегодня. Вестник Волжского университета 2019 г. // СПС «Консультант Плюс».
3. *Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств.–ИДК, «Зерцало-М», 2001. 470 с.
4. *Смирнов Г.К.* Регулирование института преюдиции в уголовном процессе нуждается в изменении // Уголовный процесс. 2011. № 8. С. 18-25.
5. *Статкус В.Ф.* Устав уголовного судопроизводства Российской империи и УПК РФ: Сравнительное исследование.//150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. междунар. науч. практ. конф. : В 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 262-278.
6. *Шарихин А.Е.* Уроки судебной реформы 1864 г. // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. междунар. науч. практ. конф.: В 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 374-379.

Раздел II. Николай Иванович Стояновский: личность, деятельность, наследие

С.В. Валов

Rara Avis Судебной реформы 1864 года: современники о Н.И. Стояновском

Аннотация. Воспоминания современников о Николае Ивановиче Стояновском выделяются в общей массе источников, содержащих в себе ценные сведения о личной, государственной и общественной жизни ученого, педагога, реформатора. Произведения Г.А. Джаншиева и А.Ф. Кони, посвященные Н.И. Стояновскому, были ответом на набиравшую в конце XIX века тенденцию реакционного пересмотра устоев Судебных уставов 1864 года.

Ключевые слова: Н.И. Стояновский, Г.А. Джаншиев, А.Ф. Кони, судебный следователь, Судебная реформа 1864 года.

"Vita mortuorum in memoria est posita vivorum[1]"

Марк Туллий Цицерон

В водоворот социально-политических процессов, существенно изменяющих направление развития страны, волею судьбы вовлекаются миллионы людей. Каждый из них выбирает свой собственный путь, принимая осознанные решения и совершая общественно значимые действия, обозначая тем самым свое отношение к происходящим вокруг него событиям. Люди, активно участвующие в происходящих социальных изменениях, в силу различных по своей природе обстоятельств выполняют разные функции, играют различные роли, оставляя плоды своей деятельности на суд потомков. Но самым главным, высшим в оценке их деятельности является или память, или забвение.

Вполне понятно, что представленный потомкам результат созидательного труда человека начинает самостоятельную жизнь, продолжительность которой обеспечивается его востребованностью в новых исторических условиях. В значительной части случаев мы пользуемся им, отнюдь не каждый раз вспоминая его создателя. В определённой степени сказанное относится и к Николаю Ивановичу Стояновскому. Оценивая значение Высочайше утвержденных 8 июня 1860 года Учреждения Судебных Следователей и Наказа Судебным Следователям[2], редко кто упоминает человека, перу которого почти целиком принадлежат указанные предвестники Судебной реформы 1864 года. На основе доступных источников складывается впечатление, что чем дальше мы от того времени, то менее знаем и создателя указанных памятников юридической мысли, и оставленного им для нас исторического наследия в различных сферах правового регулирования.

Есть несколько направлений восполнения указанных пробелов.

---

[1] Жизнь мертвых продолжается в памяти живых (лат.)

[2] ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXV. Отд. 1. 1860. № 35890. № 35891.

Во-первых, анализ доступных нам научных трудов и дидактических сочинений Н.И. Стояновского. Среди них особо выделяется его первый опыт подготовки учебника, адресованного будущим юристам и содержащего систематическое изложение знаний о русском уголовном судопроизводстве [11].

Во-вторых, всестороннее изучение его личного архива, ожидающего пытливых исследователей в отделе рукописей Российской государственной библиотеки [15]. Согласно инвентарной записи, фонд содержит 203 папки, включающие в себя 2220 единиц хранения на 73879 листах. Многие рукописные записи Н.И. Стояновского на полях изученных им законопроектов и статистических сведений остаются нам неизвестными.

В-третьих, ознакомление с воспоминаниями о нем его современников, одаренных личным общением с этим выдающимся государственным и общественным деятелем. Они, существенно дополняя изложенные в деловом стиле сведения о хронологии его государственной и общественной жизни [1, с. 54-56; 17, с. 716-717], имущественном положении и удостоенных наградах [12, с. 35-36], содержат ценные сведения об отношении Н.И. Стояновского «с жаром и любовью» к выполнению важнейших государственных поручений, его человеческих качествах, взаимоотношениях с коллегами и соратниками, в которых выражалось «желание содействовать всему, чем обусловливается подъём общественного развития».

По-нашему мнению, особое место в воспоминаниях современников занимают два сочинения, одно из которых принадлежит Григорию Аветовичу Джаншиеву, другое – Анатолию Федоровичу Кони. Изложенные в них сведения о личной, государственной и общественной жизни Н.И. Стояновского служили источником для проведения исследований [16, с. 15-18] и продолжают привлекать к себе внимание историков, применяющих просопографический метод к изучению событий Судебной реформы 60-х годов XIX века [5, с. 22-23; 13, с. 78-82].

У каждого из анализируемых произведений своя судьба и роль в увековечении памяти Н.И. Стояновского.

Сообщение Г.А. Джаншиева в февральском томе «Русской старины» [4, с. 491-501], посвященное 50-летию начала государственной службы «одного из наиболее видных деятелей преобразовательной эпохи» Н.И. Стояновского, прочно вошло, начиная со 2-го издания, в книгу «Из эпохи великих реформ», ставшую бестселлером своей эпохи [3, с. 284-287]. По мнению ее автора, Н.И. Стояновский виделся ему rara avis (редкой птицей) в «славной стае птенцов великой, освободившей Россию, эпохи» [4, с. 492; 9, с. 198]. Исторической справке, составленной Г.А. Джаншиевым еще при жизни Н.И. Стояновского, была уготована судьба стать основным содержанием некролога о нем, размещенного в 1900 г. в «Вестнике права» [9; с. 198-205].

Речь, произнесенная А.Ф. Кони 17 декабря 1900 года на торжественном заседании Общего собрания Санкт-Петербургского юридического общества [14, с. 113-150], первым председателем которого в течение 18 лет был Н.И. Стояновский, в последующем была размещена в книге «Отцы и дети Судебной реформы» [7, с. 91-118]. Составленная в лучших традициях изящной словесности речь А.Ф. Кони являлась данью уважения человеку, посвятившему

свою жизнь «делу претворения чудной книги закона в житейскую действительность» [14, с. 132]. Ее оглашение на представительном собрании продолжало традиции, заложенные самим Н.И. Стояновским – убежденным сторонником «культа духовных предков», нашедшего выражение в организованных им в Юридическом обществе публичных общественных воспоминаниях о государственных деятелях [10, с. 264].

Изучая анализируемые источники о Н.И. Стояновском, необходимо учитывать социально-политическую обстановку, в условиях которой были подготовлены данные произведения, и какую роль они выполняли, воздействуя на общественное мнение и профессиональную среду юристов.

В 1894 году – спустя два года после выхода статьи Г.А. Джаншиева – Министр юстиции Н.В. Муравьев представил императору Александру III всеподданнейший доклад о необходимости пересмотра Судебных уставов, поскольку выявлено «несоответствие некоторых их начал особенностям российского государственного и общественного быта». Во исполнение поручения императора была образована возглавляемая Н.В. Муравьевым специальная комиссия, которая вплоть до 1899 г. вела работу над составлением их новой редакции, существенно отходящей от идей, одним из родоначальников которых был Н.И. Стояновский [6, с. 45-47]. В этой связи «подготовители», «осуществители» и «организаторы» [14, с. 114] Судебной реформы 1864 года служили приверженцам их идей и защитникам результатов, достигнутых в ходе преобразований, «огненными столбами, указывающими дорогу в пустыне», напоминали новому поколению правоведов о стремлении идти «навстречу идеалам правды и правосудия» [9, с. 199].

А.Ф. Кони, оценивая подготовленные Н.И. Стояновским проекты об учреждении должностей судебных следователей, указывал, что они ознаменовали собой «границу, за которую возвращаться нельзя, не рискуя, пошатнув все здание уголовного процесса, очутиться снова в тех дебрях, среди которых блуждала, в течении многих лет, изнывая, потребность в действительном правосудии» [14, с. 128].

Следуя злому року стечения обстоятельств, в одном номере «Вестника права» размещены некролог Н.И. Стояновскому и статья о намерениях упразднения одного из его детищ – модели предварительного следствия – в новой редакции проекта законов об уголовном судопроизводстве [2, с. 170-182]. На склоне лет известные ему проекты пересмотра основных идей созданного им Наказа, который по-прежнему применялся в отдалённых уголках Российской империи в конце XIX века, и Судебных уставов терзали его ум: «он тревожно следил, как старый римский консул, ne quid detrimentum capiat[1] по отношению к дорогим ему судебным уставам», а «в тиши уединения приветливое выражение его крупных губ сменялось грустной улыбкой» [14, с. 142, 147].

Анализируемые воспоминания – свидетельство того, что судьба не была постоянно благосклонна к Н.И. Стояновскому. Скорее, в силу присущих ему чело-

[1] Кони А.Ф., скорее всего, перефразировал латинское выражение: «aveat consules, ne quid detrimenti respublica capiat»: пусть консулы заботятся, чтобы государство не потерпело какого-либо ущерба.

веческих качеств, он – «юрист по воспитанию» [4, с. 492], «человек, у которого слово не противоречило делу» [14, с. 138,139] – на каждом этапе своего жизненного пути непременно следовал девизу своей alma mater – Respice finem[1]. Любое своё начинание он бережно сопровождал по мере возможностей, предоставленных ему замещаемой должностью или имеющимся запасом жизненных и духовных сил.

Отмеченный наградами за свои заслуги в образовании новых судоустройственных и судопроизводственных порядков, Н.И. Стояновский в 1867 г. «под давлением суровых и беспощадных порицаний» отстранен от дальнейшей организации судебных преобразований. Но это не сломило Николая Ивановича. Будучи сенатором Уголовного Кассационного Департамента, он в подготавливаемых им решениях приучал юристов - практиков «к правильности троякого отношения – к людям, к понятиям и к законам» [14, с. 137].

Свою кипучую энергию содействия продвижению всего передового он направил на создание условий пополнения судебной власти образованными и воспитанными молодыми кадрами. В 1877 г. он выступил одним из учредителей Санкт-Петербургского юридического общества и умело выполнял функции его председателя в течение 18 лет, снискав уважение и почет соратников [14, с. 142]. В 1885 г. возглавил созданный по его инициативе Комитет Правоведской Кассы для оказания помощи обучающимся и выпускникам его alma mater [10, с. 264].

Данные качества Н.И. Стояновского особо подчеркнуты и Г.А. Джаншиевым, и А.Ф. Кони. В период пересмотра устоев Судебной реформы в воспитании, укреплении и проявлении нуждались именно стойкость, упорство, взаимная поддержка в сопротивлении набиравшей силу реакции.

Отдавая дань преданности Н.И. Стояновского своему делу в различных сферах государственной и общественной жизни, А.Ф. Кони, обращаясь к своим коллегам и будущим поколениям, призывал сохранить «привлекательный образ истинного патриота, горячо любившего родину, желавшего ей прочного счастья, верившего в ее духовные силы и всю жизнь работавшего на пути развития в ней справедливости и чувства законности» [14, с. 149].

Полагаем, что проведение Московской академией Следственного комитета Стояновских чтений и учреждение носящей имя Н.И. Стояновского награды за лучшее научное издание, посвященное деятельности следственных органов, являются важными шагами в реализации слов А.Ф. Кони и противостоянии «уничтожающей силе времени» [8, с. 168]. Выполняя «нравственный долг перед самими собой и перед потомками» [8, с. 173], современники получают возможность заново запустить в XXI веке часы памяти о выдающемся государственном деятеле – Николае Ивановиче Стояновском.

[1] Предусматривай цель. Не упускай из виду то, чем может закончиться начатое.

Литература

1. Альманах современных русских государственных деятелей / изд. Германа Александровича Гольдберга. – Санкт-Петербург: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. - XXXIX, 15, 1250 с.
2. *Д.Л.* Обновление уголовного судопроизводства по проекту новой редакции (продолжение): II. Упразднение предварительного следствия // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1900. Сентябрь. № 7.
3. *Джаншиев Г.А.* Из эпохи великих реформ (Освобождение крестьян – Отмена телесного наказания – Цензурная реформа – Новый суд и пр.): Исторические справки. – 2-е доп. изд. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°., 1892. – 300 с.
4. *Джаншиев Г.А.* Николай Иванович Стояновский, полувековая его государственная деятельность (1841 -1891 гг.) // Русская старина: ежемесячное историческое издание. Год 23-й. 1892. Февраль. С. 491-501.
5. *Дорская А.А.* Основные направления деятельности министерства юстиции Российской империи в процессе подготовки и реализации Судебной реформы 1864 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2020. №4 (4). С. 16-31.
6. *Жижиленко А.* Общий очерк движения уголовно-процессуального законодательства после 1864 года // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского; При ближайшем участии М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренаго / в 2-х т. М.: Объединение, 1915. – Т. 2 – С. 41-69.
7. *Кони А.Ф.* Отцы и дети Судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов). – 1864 – 20 ноября – 1914. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – [4], IV, [4], 296, 22, [1] с.
8. *Лихачев Д.С.* Письмо сороковое. О памяти // Письма о добром. М.: Наука; СПб.: Логос, 2006. С. 167-173.
9. Николай Иванович Стояновский: некролог // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1900. Сентябрь. № 7. С. 198-205.
10. *Пашенный Н.* Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. – Мадрид: Издание Комитета Правоведской кассы, 1967. – 456 с. URL: https://genrogge.ru/isj/index.htm (дата обращения: 6 марта 2021 года).
11. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским, Обер-Секретарем Общего Собрания Первых Трех Департаментов и Департамента Герольдии Правительствующего Сената, бывшим преподавателем Практического Уголовного Судопроизводства и Практического Гражданского Судопроизводства в Императорском Училище Правоведения. Санкт-Петербург, Типография Карла Крайя, 1852. – 311 с.
12. Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е октября 1894 года. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1894. – 614 с.

13. *Тарасов А.С., Яблокова М.А.* Стояновский Николай Иванович и его вклад в судебную реформу второй половины XIX – начала XX века: законодательная и правоприменительная деятельность // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 12. С. 78-82.
14. Торжественное заседание Юридического общества 17 декабря 1900 г., посвященное памяти почетного члена общества Н.И. Стояновского: Речь почетного члена А.Ф. Кони // Вестник права. 1901. № 1 (Январь).
15. Фонд 290: «Стояновский Николай Иванович». Опись фонда в 3-х томах. М.: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей.
16. *Хмельницкий И.А.* Судебная реформа в ее деятелях (к 50-летию «Судебных уставов»). Одесса, Тип. О.С. Розенштрауха, 1915. – 34 с.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIA (62). Статика — Судоустройство. Санкт-Петербург, Типография Акционерного общества «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1901. – [С. 473-954] – 503 с.

М.В. Горский

О вкладе Николая Ивановича Стояновского в преподавание практических криминалистических знаний

Аннотация. Статья посвящена оценке вклада Н.И. Стояновского в становлении и развитии криминалистических знаний, а также его преподавательской деятельности. Подробно анализируются отдельные криминалистические рекомендации, содержащиеся в книге Н.И. Стояновского «Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству».

Ключевые слова: история криминалистики, Н.И. Стояновский, Императорское училище правоведения.

В 2021 году исполняется 200 лет со дня рождения Николая Ивановича Стояновского – общественного деятеля, юриста, ученого, педагога и практика, которого по праву можно считать одним из основоположников науки криминалистики. Тем не менее, хотелось бы отметить, что во многих отечественных работах, посвященных истории криминалистики, продолжается отстаивание позиции о том, что наука криминалистика возникла на рубеже XIX-XX веков в европейских странах. Ее зарождение связывается с изданием практических руководств по расследованию преступлений, в которых обосновывается необходимость применения «вспомогательных наук» (например, работы Г. Гросса) и с появлением в различных западно-европейских высших учебных заведениях специальных учебных дисциплин (одним из первых был введен отдельный университетский курс «Судебная фотография» известным профессором Лозаннского университета (Швейцария) Рудольфом Арчибальдом Рейсом в 1902 г.).

В своих работах мы предприняли попытку представить конкретные факты о том, что в российских университетах и специализированных юридических учебных заведениях уже с начала XIX века преподавались естественно-научные дисциплины и велись практические занятия по уголовному судопроизводству, необходимые будущим юристам-практикам, для чего была создана необходимая

научно-техническая база для оснащения учебного процесса [2; 3; 4]. Огромный вклад в этом направлении был сделан Николаем Ивановичем Стояновским.

Известный русский юрист, один из отцов судебной реформы 1864 г. Н.И. Стояновский, с 1847 по 1854 гг. преподавал курс практического уголовного судопроизводства в Императорском училище правоведении – одном из наиболее престижных высших учебных заведений дореволюционной России. После окончания Училища воспитанники обязаны были служить не менее шести лет по ведомству Министерства юстиции. Из юридических дисциплин изучались: энциклопедия правоведения, история правоведения, история философии права, римское право, церковное право и история вероисповеданий, торговое право, уголовное право, международное право, Российское законоведение, *практическое судопроизводство, судебная медицина, полицейское право*, политэкономия, законы о финансах. На специальных курсах читались лекции по законодательству о крестьянах, по *токсикологии*, гигиене и др. Со временем программы общеобразовательных и юридических дисциплин изменялись.

Особенностью Училища являлась практическая направленность процесса обучения. Для этого Училище получало все указы Сената, решения гражданских и уголовных дел. Под руководством профессоров воспитанники разыгрывали судебные заседания с участием представителей обвинения и защиты. Воспитанникам старших курсов полагалось посещать тюрьмы. Занятия по судебной медицине предполагали не только лекции и семинары, но и посещение морга Мариинской больницы, присутствие при вскрытии [1, с. 218].

Судебную медицину и физиологию почти с самого основания Училища до 1887 г. преподавал профессор А.П. Загорский – доктор медицины и хирургии, заслуженный профессор по кафедре физиологии и патологии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, почётный член общества русских врачей в Санкт-Петербурге, тайный советник. Загорский пользовался большой популярностью среди обучающихся. За время работы в Училище А.П. Загорским были опубликованы лекции по судебной медицине [5]. Также судебную медицину в Училище правоведения преподавали профессор И.Т. Спасский, который был постоянным домашним врачом А.С. Пушкина. В 1839 году опубликовал «Обозрение судебной медицины для руководства воспитанников училища правоведения», первое отечественное и неоднократно переизданное пособие для юристов на русском языке.

На своих занятиях по практическому уголовному судопроизводству Н.И. Стояновский рассказывал, как преодолевать те сложности, с которыми сталкивался молодой выпускник в начале своей практической деятельности. На основе своих лекций Н.И. Стояновский в 1852 г. издал книгу «Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству» [7] в двух частях – один из первых научно-практических комментариев к уголовно-процессуальному законодательству (по сути содержащий тактико-криминалистические рекомендации, как бы мы их сегодня назвали). По мнению известнейшего русского юриста А.Ф. Кони «книга Стояновского, отвечавшая, в виду сказанного, насущной потребности, представляет стройное и тщательно систематизированное целое. В авторе

виден не только опытный законовед, но и заботливый руководитель своих читателей на первых шагах их практической деятельности» [6, с. 97].

А.Ф. Кони отдельно отмечает отеческую заботу автора о молодых следователях, предостерегающую их от различных бюрократических сложностей в их дальнейшей деятельности: «Он знает с каким явным несочуствием относились в его время к молодым людям с высшим образованием, поступавшим на службу, влиятельные чины всякого рода канцелярий, с каким недоброжелательством относились к ним низшие чины. Им давали ироническую кличку «учэный», стараясь поймать и изобличить этого «учэного» в грубом незнании разных бюрократических условностей и канцелярских форм и обрядов… Поэтому в нескольких местах книги, в примечаниях и в приложенных формах, Стояновский старается точно разъяснить смысл и взаимное отношение различных терминов и оборотов, усвоенных в официальной переписке, чтобы оградить вступающую на службу молодежь от горделивых упреков и ехидных пересмешек «дьяков, в приказах поседелых». Но ограждая первую, автор, вместе с тем, внушает ей и общие начала, которыми должна быть проникнута ее деятельность. В эпоху формального отношения к судебному делу, он дает следователю такие указания, которые не потеряли бы своей уместности и в наше время» [6, с. 97].

К высказанной оценке Практического руководства Н.И. Стояновского можно добавить, что своей актуальности для криминалистической науки оно не утратило и в XXI веке. Особый интерес представляют рекомендации по собиранию вещественных доказательств и проведению следственных действий. Так, Н.И. Стояновский отмечает важность исследования преступлений даже в тех случаях, когда дело начинается признаниями (§ 128). Криминалистический характер многих рекомендаций подтверждается частым употреблением термина следы преступления в том или ином контексте. При обнаружении следов преступлений по средствам осмотра и освидетельствования рекомендуется их «открыть и сохранить». Осмотр рекомендуется проводить в случаях обнаружения мертвых тел, когда неизвестна причина смерти; наличия следов насилия, как механического, так и химического; по делам о пожарах, наводнениях, порубках и т.п.; по делам о подлогах в актах, подделки монет, кредитных и депозитных билетов, ассигнаций; для оценки похищенных вещей. Особо автор отмечает необходимость осмотра следов на разломанных при грабеже дверях, следов ног на песке и снеге возле места совершения преступления и т.п. (§ 133). По каждому осмотру должен быть составлен акт. Если осмотр требует особенных сведений или опытности в какой-либо науке, ремесле или искусстве, рекомендуется истребовать мнение сведущих лиц.

Очень подробно описаны правила осмотра и фиксации осмотра тела и вещественных доказательств по делам об убийствах и отравлениях, а также правила составления акта осмотра и «свидетельства» судебного врача (экспертное заключение – М.Г.). Н.И. Стояновский указывает, что слог в самом акте должен быть ясный, краткий, связный, без лишних латинских и греческих выражений. Свидетельство должно состоять из четырех частей: введения, исторической части, мнения и заключения. В нем должно быть зафиксировано, что конкретно найдено при вскрытии тела. Мнение и заключение должно быть подтверждено

достаточными и ясными доказательствами согласно правилам анатомии, физиологии, патологии и химии (§147-149).

Кроме того, в рекомендациях перечисляются те вещественные доказательства, которые необходимо изъять при исследовании тела: инструменты и орудия, которыми сделаны повреждения, платье умершего и другие принадлежности, следы и предметы, найденные у посторонних лиц, при отравлениях остатки ядовитых веществ и все то, что найдено в желудке, при несоответствующем лечении врачами или шарлатанами изъятию подлежат лекарства и рецепты, история болезни, составленная врачом. Все найденные предметы рекомендуется тщательно уложить и упаковать, а изъятые документы пронумеровать. Найденные подозрительные вещества, а также содержимое желудка рекомендуется тщательно собрать, поместить в сосуды, запечатать печатью и направить для дальнейших исследований во Врачебную Управу (§150-151).

С позиций криминалистической тактики представляют интерес и рекомендации о производстве других следственных действий. Например, автор разъясняет отличие «расспросов» (в современных условиях мы бы назвали это получением объяснений – М.Г.) от письменных допросов, указывает конкретные правила проведения повальных обысков, очных ставок. Интересным представляется положение о том, что если лицо отказывается выдавать нужные следствию вещественные доказательства, то оно подлежит ответственности за укрывательство, утайку согласно Уложению о наказаниях (ст. 16, 130, 134). Кроме того, в приложении к своему Руководству, автор разместил более 80 форм различных процессуальных документов, которые значительно упрощали процедуру оформления тех или иных процессуальных действий.

Одним из главных выводов, содержащихся в Практическом руководстве Николая Ивановича Стояновского, является следующее положение: «Все действия следователя должны быть направлены к достижению цели следствия, состоящей в том, чтобы – а) изыскать, б) получить, в) представить к делу и г) сохранить – все сведения, нужные судье для произнесения правильного приговора о преступлении и преступнике. Для достижения этой цели необходимы: желание открыть истину, умение и власть. Обязанности следователя так важны и исполнение их так трудно, что они требуют всей добросовестности, всего стремления к правде, всей деятельности, к какой только способен человек. Одного желания открыть истину – недостаточно, желание это может осуществиться только в том случае, когда следователю будет помогать *знание* того, что необходимо для полноты следствия – и *умение* достигать до цели следствия *теми способами*, которые закон дозволяет или предписывает употреблять для обнаружения преступлений» [6, с. 97]. Данный вывод в полной мере можно отнести к целям и задачам, стоящим перед современной наукой криминалистикой.

Литература

1. *Анненкова Э. А.* Императорское Училище правоведения // Пространство и Время. 2013. №1 (11). С. 216-222.

2. *Горский М.В.* Зарождение криминалистики в России в XIX веке // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3 (34) С. 320-335.
3. *Горский М.В.* Криминалистические знания в России XIX века: исторические штрихи // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). М.: РГ-Пресс, 2018. С. 219.
4. *Горский М.В.* Криминалистические исследования, проводимые в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете в XIX веке (на примере судебно-медицинских исследований профессора Н.И. Пирогова) // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 80-82.
5. *Загорский А. П.* Курс судебной медицины: Лекции. — СПб.: Русская лит., 1874. — 16 с.
6. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов). М., 1914. - 296 с.
7. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским. Санкт-Петербург, 1852. – 314 с.

С.П. Кушниренко
Р.В. Романов

Николай Иванович Стояновский как предвестник русской криминалистики

Аннотация. Обращаясь к научному наследию выдающегося русского правоведа Н.И. Стояновского, авторы анализируют основные положения «Практического руководства к русскому уголовному судопроизводству» с позиций современной криминалистической науки и приходят к выводу о том, что в данном труде заложен фундамент зарождающихся криминалистических рекомендаций в сфере тактики и методики расследования преступлений, а также и методологических основ науки. Часть этих рекомендаций, опубликованных в 1852 году, не потеряла своей актуальности и по сей день.

Ключевые слова: Стояновский Н.И., уголовное судопроизводство, основы криминалистики, история научной мысли.

XIX столетие считается периодом зарождения криминалистического знания и формирования его в науку. Являясь наукой синтетической, криминалистика при своем становлении восприняла научные знания многих естественных, технических и гуманитарных наук, приспосабливая их достижения для разработки методов, приемов и средств раскрытия и расследования преступлений. Ее предпосылки в виде научных достижений складывались и скрупулезно собирались в Австро-Венгрии, Германии, Франции, других странах Европы и распространялись по всему миру. Сегодня уместно вспомнить, что и в России к середине XIX

века был заложен серьезный фундамент для формирования криминалистики как науки. Именно этим обстоятельством объясняется всплеск научных исследований и появление значительного числа разработок в начале XX века. Конечно, большую роль сыграло и то, что пионеры отечественной криминалистики пребывали на обучении в университетах Европы, но все же, на наш взгляд, системообразующее значение имело то, что в России к моменту создания криминалистики уже были созданы все условия для фактически самостоятельного перехода к новой науке. Подтверждение этому служит и тот факт, что полиция Российской Империи на рубеже XIX и XX веков была признана лучшей в мире, что не могло произойти, если бы российские следователи не опирались на свои познания в области криминалистики.

В год двухсотлетия выдающегося российского государственного деятеля, правоведа, одного из инициаторов и участников претворения судебных реформ 1860-х годов Николая Ивановича Стояновского нельзя оставить без внимания его вклад в становление и развитие уголовно-процессуального права. Однако мы хотели бы обратить внимание на его научное наследие с точки зрения зарождения основ криминалистики. Для этого стоит обратиться к одному из важнейших его трудов под названием «Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству», увидевшему свет в 1852 году. Данная книга является ценным источником ученой мысли для специалистов, занимающихся как изучением истории уголовного процесса, так и криминалистики.

Работа была подготовлена Н.И. Стояновским во время его службы в качестве обер-секретаря 1-го общего собрания Сената, которую он успешно совмещал с преподаванием практического уголовного судопроизводства в Императорском училище правоведения с 1847 по 1854 год. По предположению А.Ф. Кони, «Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству» представляет собой общее очертание одного из курсов Стояновского, дающее возможность судить о том, в каком направлении и какими практическими толкованиями сопровождал он систематическое изложение статей Свода законов» [2, 120]. При этом автор заявлял о себе не только как «опытный законовед, но и заботливый руководитель своих читателей на первых шагах их практической деятельности». О революционности и новизне сочинения говорит тот факт, что работа на протяжении года не передавалась в печать из-за мнения о ней цензора: «Если в руководстве приведено то, что изложено в Своде законов, то зачем оно? А если приведено то, чего в Своде нет, то оно бесполезно, а, следовательно, и не нужно» [2, 121]. Таким образом, Стояновский явился автором первого в России систематического, практического руководства для деятелей уголовного судопроизводства, в котором тщательно систематизированы основы уголовного судопроизводства, а также предложены способы расследования и доказывания, носящие криминалистический характер. Например, автор формулирует тактические основы производства осмотра места происшествия по различным видам преступлений, акцентируя внимание на осмотре трупа и особенностях участия при этом судебного медика (врача), раскрывает правила проведения выемки и обыска «в домах». Поражают вполне современные тактические приемы допроса различных участников уголовного судопроизводства, в частности, обвиняемых,

совершивших преступление в группе. Актуально звучат предложения по составлению экспертного заключения (свидетельства), которые, по мнению автора, обязательно должны содержать четыре части: «введение, историческую часть, мнение и заключение». Эти вопросы впоследствии вошли в предмет науки криминалистики и были успешно развиты учеными-криминалистами.

Следует обратить внимание на то, что работа была написана в эпоху господства теории формальных доказательств, когда деятельность уполномоченных лиц более сводилась к соблюдению формы, нежели установлению истины по расследуемому преступлению. К числу совершенных доказательств относилось и собственное признание лица, наличие которого существенно облегчало процесс судопроизводства, так как признавалось самым совершенным. Однако немаловажное значение в упомянутом аспекте играет не только признание лица, сделанное уполномоченному должностному лицу либо в суде, но и условия, при которых лицо призналось. Так, необходимо было не домогаться признания от человека, но убеждать его признаться с помощью увещеваний и улик. Несомненно, данное требование было направлено на повышение авторитета следственной службы в глазах наших и иностранных подданных (граждан).

Добавим, что упомянутая теория формальных доказательств была направлена на ограничение судейского произвола, что само по себе благая цель. Вместе с тем, юристы все чаще и чаще критиковали ее, отмечая существенные недостатки. Например, А.Ф. Кони следующим образом описывал теорию формальных доказательств: «Эта система дает в руки судье готовый результат, где установлены заранее виды и дозы доказательственных средств, необходимых для излечения подсудимого от недуга, называемого преступлением. Задача судьи сводилась к механическому сложению и вычитанию доказательств, вес и взаимная сила которых заранее определена, причем даже и для сомнения есть определенные формальные правила. Время господства системы формальных доказательств может быть названо временем связанности внутреннего убеждения» [1, 38]. Впоследствии критика привела к принятию в рамках Устава уголовного судопроизводства теории оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи, сформированному как результат исследования всех обстоятельств дела.

Другой значимой стороной вопроса является определение критериев, соблюдение которых позволяет назвать признание совершенным: 1) добровольность; 2) когда сделано в судебном месте перед судьей; 3) когда оно совершенно сходно с происшедшим действием; 4) лицом показаны такие обстоятельства, из которых следует несомненная достоверность признания.

Заслуживает внимания и видение Н.И. Стояновским цели деятельности следователя, заключающейся в том, чтобы изыскать, получить, приобщить к делу и сохранить все сведения, которые потребуются суду для вынесения правильного приговора. При этом автор указывает, что следователь должен быть не только чрезвычайно добросовестным, но также и обладать знанием и умением пользоваться теми способами ведения расследования, которые в его распоряжение предоставлены законом. Под способами, как нетрудно догадаться, имелись в виду процессуальные, в том числе и следственные, действия.

Стояновский Н.И. писал, что действия следователя не должны носить хаотичный порядок, им следует придавать ту последовательность, которая сообразуется с представившимся поводом, индивидуальными особенностями конкретного уголовного дела, свойствами доказательств. Кроме того, деятельность должна постоянно соотноситься с целью, которую стремится достичь следователь. Таким образом, мы видим у автора зачатки таких понятий как целеполагание следственной деятельности и следственная ситуация. Разумеется, было бы абсурдом говорить, что ранее фактическое уголовное судопроизводство не сталкивалось с данными понятиями, однако их отражение в известном и широко распространяемом руководстве не могло не оказать благотворное влияние как на практику, так и на развитие научной мысли в Российской Империи.

Не обошел автор руководства вниманием и вопрос о праве обвиняемого на свою защиту, одним из аспектов которого является возможность представлять любые доказательства, которые могут способствовать его оправданию и верному установлению обстоятельств дела.

Так, Н.И. Стояновский ориентирует следователей на то, чтобы они в обязательном порядке рассматривали все показания и производили все необходимые действия, которые потребуются в ходе производства следствия. При этом ученый указывает, что действующим законом в обязанность следователя вменено такое производство следствия, при котором бы маловажные посторонние обстоятельства, которые не могут принести пользу для дела, не были предметом дальнейшего изучения.

Проанализировав приведенные сведения, можно сделать вывод, что Н.И. Стояновский, опираясь на положения законодательства, фактически выразил мысль о наличии не только предмета доказывания, но и обстоятельств, подлежащих исследованию, что характерно для криминалистики, разделяющей для своих целей вышеуказанные предметы.

Кроме того, внимание читателей обращалось на то, что в каждом конкретном случае следователь должен изначально установить факт совершения преступления, для чего необходимо исследовать обстоятельства и признаки преступления. В данном случае мы сталкиваемся с категорией криминалистических признаков преступления. Настоящий вывод проистекает, в том числе из того, что следователь не всегда может быстро определить, что совершено именно преступление, а не произошел, например, несчастный случай или невиновное причинение вреда. В условиях неочевидности действия следователя направлены, в первую очередь, на выявление таких признаков, которые бы помогли с достаточной вероятностью говорить о совершении преступления, даже если в последующем окажется, что состав преступления отсутствует.

Подводя итог, невозможно не отметить, что Н.И. Стояновский, являясь одним из главных участников Судебной реформы 1864 года, принес немало пользы Отечеству, что проистекает как из его настоятельной рекомендации привлечь к разработке новых Уставов знаменитых ученых К.П. Победоносцева, Н.А. Буцковского, Д.А. Ровинского и других, так и из выдвижения и реализации им собственных идей, относящихся к тем или иным вопросам организации судопроизводства. Деятельные и продуктивные труды Н.И. Стояновского стали

одним из немаловажных факторов, которые позволили реформировать российскую судебную систему и подготовить выдающиеся памятники юридической мысли, которые в настоящее время высоко оценены специалистами. Настоящей статьей мы постарались отдать дань памяти Н.И. Стояновскому как замечательному ученому, практику и преподавателю, чье творческое наследие лежит в основе современной правовой жизни, способствуя дальнейшему развитию и процветанию России.

Завершить статью хочется цитатой из «Практического руководства к русскому уголовному судопроизводству», в которой автор обозначил основы не только профессионализма, но и высочайшей нравственности при исполнении следователями своего служебного долга, не утрачивающие своей актуальности и значения по сию пору. «Все действия следователя должны быть направлены к достижению цели следствия, состоящей в том, чтобы а) изыскать, б) получить, в) представить к делу и г) сохранить все сведения, нужные судье, для произнесения правильного приговора о преступлении и преступнике. Для достижения этой цели необходимы: желание открыть истину, умение и власть. Обязанности следователя так важны, и исполнение их так трудно, что они требуют всей добросовестности, всего стремления к правде, всей деятельности, к какой только способен человек. Одного желания открыть истину – недостаточно, желание это может осуществиться только в том случае, когда следователю будет помогать знание того, что необходимо для полноты следствия – умение достигать цели следствия теми способами, которые закон дозволяет или предписывает употреблять для обнаружения преступлений» [3, 63].

Литература

1. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. 543 с.
2. Кони А.Ф. Памяти Н.И. Стояновского // Вестник Права. Журнал юридического общества при Императорском С. Петербургском университете. XXXI. Январь 1901. № 1. С.-ПетербургЪ. Сенатская типография. 1901. С. 113-150.
3. Стояновский Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским, обер-секретарем Общего собрания первых трех департаментов и Департамента герольдии Правительствующего Сената, бывшим преподавателем практического уголовного судопроизводства и преподавателем практического гражданского судопроизводства в Императорском училище правоведения. СПб: тип. К. Крайя, 1852. - 311 с.

К.А. Московцева

Ретроспективный взгляд на реформу предварительного расследования в России 1860 года

Аннотация. В статье автор рассматривает период конца XIX века в России, связанный с проведением реформирования в области предварительного расследования. Также приводит точки зрения процессуалистов, анализирующих отдельную проблематику по рассматриваемой теме. В заключении автор делает вывод о результативности и значимости проведенных реформ.

Ключевые слова: судебный следователь, предварительное расследование, реформа, следственный пристав, аппарат судебных следователей.

Исторически важным периодом для России стала вторая половина XIX века, связанная, прежде всего, с судебной реформой 1864 года и следственной реформой 1860 года. Стоит отметить, что до этого времени процессуальное законодательство России было «бессвязно» и «хаотично», состояло из различного рода указов Петра, Уложения царя Алексея Михайловича, иных распоряжений и положений.

До начала реформ 1860 года в России в сфере уголовного судопроизводства действовало законодательство тома XV Свода законов Российской империи «О судопроизводстве по преступлениям». В нем закреплялось разделение следствия на несколько форм – предварительное и формальное. Установление факта преступления, обнаружение виновных лиц происходило на этапе предварительного следствия, тогда как формальное следствие предусматривало производство всех остальных действий, направленных против известного виновного лица с целью установления степени его вины и достойно ли оно наказания [4]. Оба вида следствия производились полицией.

И впервые в истории России в Указе от 8 июня 1860 года «Учреждение судебных следователей» было закреплено отделение функции расследования от полицейской части и возложение ее на особых чиновников - судебных следователей. Это и послужило исторической отправной точкой формирования и развития института предварительного следствия. Так, в указе Сенату от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции» было закреплено, что судебными следователями могут назначаться чиновники, подведомственные Министерству юстиции, для производства следствий о всех преступлениях и проступках, подлежащих ведению судебных мест. Напротив, в дореформенный период расследованием уголовных дел занимались следственные приставы, подведомственные Министерству внутренних дел и входившие в состав полиции.

Полномочия полиции закреплялись в ст. 2 того же указа. Они были значительно сокращены и теперь предусматривали лишь исследование по преступлениям и проступкам маловажным, а также первоначальное дознание о происшествиях, которые могут подлежать рассмотрению в суде. Такое распределение обязанностей говорит о важной роли фигуры судебного следователя в уголовном процессе. Но пока, согласно этому Указу, на суд возлагалась обязанность

по осуществлению контроля за действиями судебных следователей, а также рассмотрение различного рода жалоб на их действия и дача им предписаний.

Анализируя проект «Наказа судебным следователям» Я. Городыский отмечал, что по Уставу 1864 года судебным следователям полагались «квартиры», то есть жилые помещения, или квартирные деньги от земств и муниципалитетов, но не было предусмотрено камер судебного следователя для производства предварительного следствия. В столице и некоторых городах судебные следователи имели камеры – или в зданиях судебных установлений, или при полицейских частях. В остальных местностях судебные следователи отделяли для служебных занятий «особые» комнаты при своих жилых помещениях, называя их то камерами, то канцеляриями. В этом виделась существенная проблема, разрешением которой процессуалисты того времени считали создание таковых специализированных следственных камер, состоящих не менее, чем из 2 комнат [2, с. 44].

Профессор В.П. Даневский в своем труде «Наше предварительное следствие, его недостатки и реформы» высказывает мысль о том, что предварительное следствие по Судебным Уставам императора Александра II-едва ли не самое слабая часть уголовного процесса [3]. Он объясняет это тем, что судебному следствию придали обвинительный статус, контроля со стороны прокуратуры и суда не хватало, что, как правило, приводило к неограниченному прекращению уголовных дел судебными следователями. Также, опираясь на статистические данные и отзывы присяжных-современников из Курской губернии, Москвы и Харькова, он пришел к выводу о том, что в виду неполноты предварительного следствия и его одностороннего направления, весьма увеличилось количество оправдательных приговоров [3]. Это привело к тому, что судебное следствие стало самой «неподдающейся» реформированию структурой.

В 1869 году была создана специальная комиссия, предназначенная для рассмотрения проблемных вопросов функционирования аппарата судебных следователей. В заключении она постановила, что одной из причин аномально неудовлетворительной работы следователей является отсутствие грамотно выстроенного полицейского розыска виновных лиц, который, по своей природе, должен тесно взаимодействовать с органами предварительного расследования на этапе досудебного производства. Налицо главный камень преткновения в работе судебных следователей того времени – они должны были сами производить розыск лиц, что влияло на быстроту расследования, а о качестве проверки добытой информации в ходе розыскных мероприятий не могло быть и речи. Также судебному следователю приходилось выполнять и функции защитника, так как законодательно это предусмотрено не было. Это объяснялось тем, что приглашенный защитник мог отрицательно повлиять на ход установления истины в процессе следствия. Но его отсутствие и возложение данных функций на судебного следователя лишили следствие объективности [1, с. 101].

Все же, реформа дала свои результаты, главным из которых считаем учреждение органов судебного следствия с достаточно хорошо организованной целостной структурой.

Литература

1. *Азаров В.А.* Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Издательство «Юридическая литература», 2012. 116 с.
2. *Городыский Я.* Несколько замечаний на постановления проекта общего наказа, относящиеся к судебным следователям // Юридический вестник: Май. 1883. № 5. С. 42-66.
3. *Даневский В.П.* Наше предварительное следствие, его недостатки и реформы.URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01003553471#?page=1 (дата обращения 01.04.2021).
4. *Тюрин А.Г.* Реформа предварительного расследования 1860 г. и ее значение для дальнейшего преобразования государственно-правовой и судебной системы России. URL: // https://wiselawyerru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/25667-reforma-predvaritelnogo-rassledovaniya-1860-znachenie-dlya dalnejshego?utm_source=turbo_turbo (дата обращения 01.04.2021).

Е.В. Санькова

Взаимодействие следователей с органами полиции в свете Судебной реформы Александра II

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент истории взаимодействия следователей с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений, связанный с проведением судебной реформы Александра II, как фактически положившей начало взаимодействию между названными субъектами. Приводится обзор регламентировавших взаимоотношения между судебными следователями и полицией положений Устава уголовного судопроизводства, а также – свидетельства современников об их фактической реализации.

Ключевые слова: следствие, судебный следователь, полиция, сыск, взаимодействие, история следственных органов.

В целом государственная деятельность по борьбе с преступностью получила в России законодательную регламентацию в XVI в., а формирование органов, осуществляющих негласную деятельность по выявлению преступлений – в XVII в. В этот период начинают обозначаться принципы их деятельности, позднее ставшие особенностями формирования российских оперативно-розыскных (сыскных) подразделений и их взаимоотношений с органами предварительного следствия[1].

В период с 1723 г. до 1860 г. расследованием преступлений занимались административные органы, и, соответственно, оформилась административная модель организации следственных подразделений. Четкого разграничения между, говоря современным языком, следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями законодательство того периода не проводит.

[1] Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие в Древнерусском государстве XV – XVII вв. // Российский следователь. 2015. № 2. С. 52-56.

Одним из результатов судебной реформы 1860-х гг. стала передача функции предварительного следствия от полиции учрежденным с этой целью судебным следователям, что положило начало оформлению целого ряда институтов: дознания, предварительного следствия, общеуголовного сыска, а также – взаимодействия между органами предварительного следствия и оперативными подразделениями [см., напр., 3, с. 30].

Поскольку до реформы следствие и розыск не были оформлены как самостоятельные институты, и не существовало реализующих эти функции самостоятельно субъектов, можно утверждать, что и взаимодействие между соответствующими подразделениями возникло в этот пореформенный период российской истории.

Теперь основы взаимоотношений органов следствия и розыска брали свое начало в таких принципах судебной реформы как отделение суда от администрации и следствия – от полиции.

Должности судебных следователей были отнесены к судебному ведомству, «институтам при суде», а органы дознания традиционно – к административным. В то же время, вопросы деятельности последних по борьбе с преступностью в рамках уголовного процесса нашли закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС)[1].

В ходе преобразований, во многом в связи с необходимостью создания механизма противодействия возможным при проведении крестьянской реформы волнениям, предполагалось усилить административные полномочия полиции за счет снижения нагрузки в сфере судопроизводства.

В целом вопросам взаимодействия органов следствия и дознания в УУС посвящены ст. 253 – 273 (Раздел II «О предварительном следствии», глава 1 «О лицах, участвующих в производстве предварительного следствия, отделение 1 «Участие полиции в производстве предварительного следствия» и 2 «Существо обязанностей и степень власти судебных следователей») и 483 – 488 УУС (раздел тот же, глава XI «Об ответственности полицейских чинов и судебных врачей по следственным действиям»).

В соответствии с УУС (ст. 250), в течение суток по получении сведений о наличии признаков состава преступления или административно наказуемого проступка полиция должна была уведомить об этом судебного следователя, прокурора или соответствующего мирового судью, передать следователю все собранные материалы и выполнять затем его поручения по сбору справок и производству дополнительного дознания.

Согласно ст. 253 УУС, в случае поступления сообщения о преступлении из «не вполне достоверного» источника, органам дознания необходимо было удостовериться, действительно ли деяние имело место и содержит признаки преступления «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254 УУС). Полученная информация также передавалась судебному следователю (ст. 255 УУС),

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Санкт Петербург. 1866 // URL: http://www.library6.com/books/sudeb_ustav_2.pdf (дата обращения 05.04.2021).

ему же полиция должна была предоставлять собранные в дальнейшем сведения по делу.

Одновременно судебный следователь наделялся правами «проверять, дополнять и отменять» произведенные полицией действия и поручать ей «производство дознаний и собирание справок, по сделанным им указаниям» (ст. ст. 269 и 271 УУС).

В примечании к ст.ст. 229-252 УУС, по вопросу оказания содействия следователю со стороны должностных лиц и граждан, особо отмечается роль в этой деятельности полиции, которая «по самому существу своих обязанностей, поставлена в постоянное и непосредственное соприкосновение с народонаселением»[1]. Несмотря на рассмотрение предложений об устранении полиции от участия в уголовном производстве, именно разнообразие ее обязанностей в административной сфере в итоге отмечено как фактор успеха в борьбе с преступностью.

Специальных подразделений полиции на момент принятия судебных уставов еще не существовало. Сыскная полиция во главе с И.Д. Путилиным будет создана в Санкт-Петербурге в 1866 г.

Однако очевидно, что розыск – это функция именно *судебной* полиции или соответствующего ее специализированного подразделения. Во многом в связи с отсутствием таковых, «помощь, получаемая от полиции судебными следователями, случайна, несвоевременна и вполне зависит от доброй воли агентов» [6, с. 303].

На полицию возлагались и обязанности по воспрепятствованию сокрытию следов преступления, бегству подозреваемого до прибытия судебного следователя (ст. ст. 256, 257 УУС).

Доказательственное значение для суда имели только материалы предварительного следствия. Согласно ст. 258 УУС, полиция была правомочна производить негласный розыск для установления личности преступника и факта преступного деяния и, в установленных случаях, - неотложные следственные действия.

Было установлена обязанность полиции исполнять постановления судебного следователя «без замедления» (ст. 270 УУС), «действиями своими по производству предварительного следствия» деятельно способствовать в установлении обстоятельств дела, не допуская промедления, превышения полномочий, бездействия (ст. 483 УУС). При возникновении вопросов относительно данного поручения надлежало обращаться к соответствующему следователю (ст. 484 УУС).

По мнению авторов объяснительной записки к проекту УУС, только при предоставлении судебному следователю вышеописанных полномочий «можно установить между ним и полицией надлежащие отношения, недопускающие бесплодных пререканий и противодействия»[2].

Гарантией же, видимо, должно было служить лаконичное положение, согласно которому за «упущения и беспорядки по следственной части» полицейские чины могли быть привлечены к ответственности прокурором (ст. 485 – 488

---

[1] Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. - XIX, 496 с. С. 146-174. URL: https://www.prlib.ru/item/391704 (дата обращения 05.04.2021).

[2] Там же.

УУС). Однако, уже в рассматриваемый нами период времени действовал очевидный принцип, согласно которому привлекать работника к ответственности полномочно лишь то ведомство, в котором он служит. Таким образом, каково бы ни было отношение к вопросу об учреждении судебной полиции, если полиция не является собственно судебной, эффективность привлечения к ответственности ее должностных лиц ни судебный следователь, ни прокурор, ни суд обеспечить не в состоянии, поскольку не обладали правом привлечения к ответственности и оказания реального влияния этого факта на продвижение виновного по службе, жалование и т.п.

Качество же выполнения поручений следователя иллюстрирует следующий пример. На поручение о производстве дознания, установлении личности по скелетированному трупу, обнаружении собственника найденных на месте происшествия вещей, с пометкой «весьма нужное», через 5 дней им получен ответ: «На предложение Вашего высокородия от 19 июля 18.. № 582, имею честь донести, что по тщательным розыскам, мною произведенным – родных и знакомых, найденным в лисьем овраге – близ деревни К., костям в пределах 1-го стана не оказалось» [6, с. 308].

В то же время мы видим, что в целом законодателем закреплены ключевые моменты организации взаимодействия органов следствия и дознания и замечаем их очевидные параллели с современными законодательными основами взаимодействия.

В ходе реформы были разграничены полномочия следователя и должностных лиц органов дознания, и соответственно, - оперативных подразделений (в терминологии того времени – сыскных). Однако если законодательная регламентация процессуальной (по выполнению функции предварительного расследования) стороны их деятельности получила свое развитие, то сыскная работа осталась обойденной вниманием законодателя, а конкретно – в части регламентации использования полученной негласным путём информации в уголовном судопроизводстве. В результате судебной реформы сыск одними авторами рассматривался как первая стадия дознания, а другими – как его способ.

Непроцессуальный характер разыскной деятельности определен законодателем изначально. Так, ещё согласно п.п. 5 и 7 Наказа полиции о производстве дознания по преступлениям и проступкам 1860 г.[1], в ходе её осуществления для получения информации о преступлении следовало «расспрашивать всякого, кто может сообщить полезные для следствия сведения, хотя бы он и не имел всех качеств достоверного свидетеля», «расспросы производятся полициею без особых формальностей» и записываются подробно только в указанных законодателем случаях.

Интересно, что при этом полицейские чины по «административной» привычке нередко уделяли большое, излишнее внимание документарному оформлению результатов разыскной работы, приглашали понятых. Безусловно, при таких обстоятельствах о негласном ее характере говорить приходилось не всегда: «после допроса жандармским поручиком или унтер-офицером целой толпы свидетелей уже все соседи знают, о чем идет дело» [2, с. 160-161]. Конечно, такие форма-

[1] URL: https://www.kommersant.ru/doc/1378526 (дата обращения 05.04.2021).

лизм и скрупулёзность не гарантировали качества юридического оформления материала.

В то же время в решении № 49 по делу отставного Титулярного Советника Бильбасова [5, с 76-77] Правительствующий Сенат разъяснил, что в случае замены в предусмотренных законом случаях следователя полицией протоколы предварительного следствия, составленные «с соблюдением законных форм», являются актами не дознания, а формального следствия и принимаются в качестве доказательств.

Поскольку УУС не давал однозначного понимания во всех ли случаях полиция обязана сообщать следователю указанные в ст. 255 УУС дополнительные сведения и не определял, куда направляются материалы дознания, по результатам которого сделан вывод об отсутствии признаков преступления, именно в таких случаях и стоило ожидать наибольшего качества материалов дознания.

Далее рассмотрим свидетельства сведущих в сфере уголовного судопроизводства современников о действии вышеизложенных положений закона на практике.

По всей видимости, формально высокий статус следователя как судебного чиновника не нашел своего должного фактического воплощения.

Так, по оценке Е.А. Пушкина [4, с. 474], ни одному органу в сфере уголовного судопроизводства не было по замыслу этого института предоставлено столько власти, как судебному следователю, однако фактически составители проектов судебных уставов вынуждены были отступить от него по двум причинам: во-первых новый статус следователя (самостоятельного, наделенного значительными полномочиями) не соответствовал самой истории российского следствия, вышедшего из полиции, «занимавшей дотоле слишком невысокое общественное положение» [4, с. 474], а во-вторых, был очевиден недостаток в квалифицированных кандидатах на эти должности. В результате из всех гарантий независимости судебных следователей им была предоставлена только несменяемость, а «во всем остальном они поставлены в служебном отношении на столько ниже всех остальных членов судебной организации, что в последнее время бывали примеры, что секретари окружных судов отказывались от занятия должности судебного следователя» [4, с. 475].

Впрочем, по мнению Е.А. Пушкина, даже если бы фактическое положение судебных следователей соответствовало декларированному, они не в состоянии были бы выполнять свою роль в полной мере ввиду многочисленных ненужных обязанностей, возложенных на них судебными уставами.

Одновременно перегруженные разнообразными административными обязанностями, полицейские чины в большинстве своем [4, с. 490], не имели возможности уделять достаточное внимание конкретно розыску. Главным ведающим им лицом являлся урядник – низший полицейский чин, имевший, естественно, разнообразные обязанности при низком уровне оплаты труда.

Среди предложений по решению проблемы были, например, учреждение судебной полиции под прокурорским надзором, командирование следователю чиновника общей полиции для производства розыска (подобный опыт был произведен в Рязанской губернии и получил положительные оценки) [2, с. 165].

В результате пострадали обе стороны: из-за недостатков законодательной регламентации и определения ряда ключевых понятий (прежде всего, дознания и розыска) судебные следователи и полицейские чины выполняли функции друг друга: «Все существенные недостатки следственной части кроются в направленности ея организации и отношений к ней вспомогательных органов ея», - отмечает тот же Е.А. Пушкин [4, с. 471], по мнению которого полицейского розыска вовсе не существует и фактически соответствующие функции осуществляют судебные следователи (т.н. следователь-сыщик), или же они вообще обходятся без розыска [4, с. 484].

Вследствие того, что в большинстве случаев следователю приходится начинать следствие самому по извещению как полиции, так и частных лиц, «мало по малу разрослась практика, сделавшая судебного следователя полицейским сыщиком», - подтверждает это мнение А.А. Квачевский [1, с. 157].

С позиции Н. Селиванова, фундаментальный «недосмотр», совершенно извращающий всю постановку вопроса о предварительном следствии, также заключался «в отсутствии правильной организации розыска и в смешении полицейских и судейских функций в лице следователя», в результате чего «полиция является заместительницею судебного следователя безразлично по всем делам», при этом не по поручению следователя, а по собственной инициативе и в силу ст. 258 УУС [6, с. 293, 296, 299].

Приведенные выше критические замечания относительно результатов проведенной реформы не умаляют её прогрессивного значения и выдающейся роли в отделении судебной власти от административной, для становления принципов гласности, открытости, состязательности процедуры уголовного судопроизводства, институтов судебного следователя, дознания, сыска и так далее. Имевшиеся на практике проблемы преимущественно были обусловлены недостатками в организации практического воплощения закона. По прошествии 150-ти лет законодательство, безусловно, претерпело изменения, решены многие естественным образом возникающие в пореформенный период вопросы.

Вместе с тем, нетрудно заметить, что отдельные проблемы взаимодействия следователей и оперативных подразделений 1860-х годов не потеряли своей актуальности. Это, прежде всего, отсутствие четкой законодательной регламентации такого взаимодействия в целом, порядка использования полученной оперативным путем информации в уголовном процессе. Полагаем, что в настоящее время имеющиеся законотворческий, правоприменительный опыт, результаты научных исследований позволяют успешно их разрешить.

Литература

1. *Квачевский А.А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теорет. и практ. руководство, сост. А. Квачевским. Ч. 1. – Санкт-Петербург: тип. Ф.С. Сущинского, 1866-1870. URL: https://www.litres.ru (дата обращения 05.04.2021).

2. *Левенстим А.А.* Предварительное следствие по Судебным Уставам, его недостатки и меры к улучшению // Журнал Министерства юстиции, С.-Петербург, Типография Правительствующего Сената, ноябрь 1895 года, № 11. С. 103-167. URL: https://dspace.spbu.ru (дата обращения 05.04.2021).
3. *Матиенко Т.Л.* Взаимодействие органов предварительного следствия и общеуголовного сыска в России во второй половине XIX – начале XX в. // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 28-37.
4. *Пушкин Е.А.* По поводу предстоящей реформы следственной части. Юридический вестник: издание Московского юридического общества. - Г. 1 1867, кн. 1 (июль) - Г. 24 1892, т. 12. - Москва, 1867-1892. С. 466-525. URL: https://www.prlib.ru (дата обращения 05.04.2021).
5. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за первое полугодие 1868 г. С.-Петербург. В типографии Правительствующего Сената. С. 71-80. URL: http://jurytrial.ru. (дата обращения 05.04.2021).
6. *Селиванов Н.* Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции // Юридический вестник, Изд-во Московского юридического общества, 1884. С. 292-309. URL: https://www.prlib.ru (дата обращения 05.04.2021).
7. *Шахрай С.М., Краковский К.П.* Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. – М.: Кучково поле, 2014. 536 с.

Раздел III. Традиции и новации в следственной деятельности

А.А. Бессонов

Тенденции интеграции цифровых технологий в деятельность по расследованию преступлений

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования в расследовании преступлений достижений цифровизации различных сфер государственной и общественной жизни. Продукты цифровизации в современном мире выступают важным источником доказательственной и поисковой информации, а также инструментом её обнаружения и исследования в следственной деятельности. По результатам анализа определены направления дальнейшего процесса совершенствования предварительного расследования преступлений под влиянием цифровых технологий.

***Ключевые слова*:** искусственный интеллект, расследование преступлений, цифровизация, цифровизация расследования, цифровые следы.

В современной действительности успехи в цифровизации ключевых сфер жизнедеятельности любого государства рассматриваются как стратегические преимущества на мировом уровне. В свою очередь в нашей стране цифровая экономика и цифровое государственное управление сегодня приобрели характер национальных стратегий и идей. Согласно результатам проведённого компанией «Ростелеком» мониторинга глобальных трендов цифровизации по итогам 2020 года к ключевым направлениям отнесены: технологии искусственного интеллекта, мобильные сети связи, электронное здоровье, облачные технологии, интернет вещей, робототехника, информационная безопасность, электронная коммерция, интеллектуальный поиск данных и др.[1] Вместе с тем, представляется недальновидным оставлять вне процесса цифровизации досудебную стадию уголовного судопроизводства. Однако каждый шаг интеграции новейших цифровых технологий в уголовный процесс должен быть тщательно выверен и взвешен.

На наш взгляд, с позиции деятельности по расследованию преступлений цифровизацию различных сфер государственной и общественной жизни следует рассматривать в двух аспектах:

а) как расширение источников криминалистически значимой информации о готовящихся, совершаемых и совершённых криминальных деяниях;

б) как технологии, которые могут и должны быть интегрированы в работу органов расследования в качестве инновационных инструментов её организации и осуществления поиска доказательственных и иных данных.

Что касается первого направления, то в качестве наиболее распространённого источника цифровых следов в материалах уголовных дел сейчас фигурируют средства мобильной связи, компьютеры и различные устройства, созданные на основе цифровых технологий. Например, за 2020 год специалистами Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного ко-

---

1 https://www.company.rt.ru/upload/iblock/6e0/ROSTELECOM_TRENDS2020_INTERACTIVE_FINAL.pdf (дата обращения 02.04.2021).

митета Российской Федерации (далее – Главное управление криминалистики) принято участие в исследовании 4634 цифровых устройств, рассмотрено 185 запросов следователей об изучении и анализе радиоэлектронной обстановки в местах, интересующих следствие, и данных о телефонных соединениях с целью поиска криминалистически значимых сведений.

Активно в расследовании преступных деяний используется доказательственная и поисковая информация, полученная путём поиска, извлечения и анализа открытых ресурсов сети Интернет. Важным источником видеоинформации выступают различные системы видеонаблюдения, прежде всего – «Безопасный город», и сервис биометрической идентификации. Последнее обуславливает применение в следственной и судебно-экспертной деятельности постоянно совершенствующихся технологий обработки фото- и видеоизображений для улучшения их качества и реконструкции деталей зафиксированных событий. Например, специалистами Главного управления криминалистики в 2020 году для решения указанной задачи осмотрено более 1300 объектов, содержащих фото- и видеоизображения, с использованием специализированных аппаратно-программных комплексов.

Уже прочно в практику расследования преступных деяний вошло использование результатов спутникового мониторинга земной поверхности. Такие данные используются при расследовании коррупционных, должностных, экономических и экологических преступлений. В частности, в 2020 году в Главном управлении криминалистики обработано 183 запроса следователей о предоставлении данных дистанционного зондирования Земли из космоса.

Приведём несколько примеров использования в расследовании преступлений разных источников цифровой информации. Так, извлечённая из мобильных телефонов главы города Норильска А. переписка, позволила выявить в его действиях признаки преступной халатности, выразившейся в несвоевременном введении режима чрезвычайной ситуации, что повлекло существенное увеличение размера причинённого ущерба при разливе нефтепродуктов из резервуара ТЭЦ-3 в мае 2020 года. Помимо этого на основе данных дистанционного зондирования Земли из космического пространства проведена оценка состояния территории загрязнения после разгерметизации этого резервуара.[1]

По другому уголовному делу по обвинению Г. в приобретении мошенническим путём права собственности на земельный участок стоимостью 1757310 рублей, принадлежащий Энгельсскому муниципальному району Саратовской области, космические снимки способствовали установлению факта отсутствия объектов недвижимости на его территории и положены в качестве доказательств в основу обвинительного приговора.[2]

При расследовании уголовного дела по факту массовой гибели жителей Крымского района Краснодарского края в результате наводнения, имевшего место в ночь с 6 на 7 июля 2012 года, также одним из основных источников дока-

---

[1] Уголовное дело 1-435/2020, находящееся в архиве Норильского городского суда Красноярского края.

[2] Уголовное дело 1-1-514/18, находящееся в архиве Энгельсского районного суда Саратовской области.

зательственной информации послужили данные дистанционного зондирования Земли.[1]

К числу основополагающих элементов второго направления, касающегося влияния цифровых технологий на деятельность по расследованию преступлений, нужно отнести создание систем накопления и анализа оперативно-разыскной, экспертной и иной криминалистически значимой информации и систем поддержки принятия решений субъектами, участвующими в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. Самыми перспективными в этом плане, пожалуй, следует признать системы, имеющие в своей основе алгоритмы искусственного интеллекта, что возможно подтвердить рядом результатов исследовательских работ, проведённых нами по итогам изученных в управлении научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики материалов уголовных дел о серийных преступлениях, в том числе убийств по сексуальному мотиву.

К примеру, на основе более чем 1000 преступных эпизодов разработана экспериментальная система поддержки принятия решений, имеющая в своей основе алгоритмы искусственного интеллекта и позволяющая прогнозировать расстояние от места преступления до места жительства серийного преступника с точностью 88,3–93,5%, возраст преступника (точность 80,3%, доверительный интервал ±6 лет), наличие у него психического заболевания (точность 81,5%) и судимости (точность 82%), а также некоторые другие признаки его поискового портрета по неочевидным преступлениям.

Кроме того, на завершающей стадии находится работа по построению алгоритмов статистического анализа связей нераскрытых преступных деяний одного и того же вида между собой, позволяющих устанавливать совершённые одним и тем же лицом (группой лиц) серийные преступления, а также выявлять наиболее вероятного подозреваемого из числа тех, данные о которых уже имеются в базе данных серийных и иных преступников.

Рассматривая современные информационные технологии как инструмент получения новых знаний в криминалистике, нельзя не сказать о целесообразности их использования для изучения больших массивов накопленной в криминалистических учётах информации. К примеру, современной дактилоскопией уже накоплен достаточный объём научных знаний о взаимосвязи между папиллярными узорами кисти и отдельными антропометрическими признаками человека [1], в том числе размером его головы [5], ростом и размерными характеристиками некоторых частей тела [4], наследственными болезнями и полом [3], возрастом, расовыми различиями [2] и некоторыми личностными характеристиками, например, склонностью к социально отклоняющемуся поведению – наркомании, серийным убийствам по сексуальным мотивам [6; 7]. Имеются научно обоснованные предложения по технологии прогнозирования типов, подтипов папиллярных узоров на других пальцах руки на основе типа, подтипа одного обнаруженного следа неустановленного лица [3]. Исходя из этого, применение в науч-

[1] Уголовные дела № 1-129/2013, находящееся в архиве Абинского районного суда Краснодарского края, и № 1-269/2013, находящееся в архиве Крымского районного суда Краснодарского края.

ных исследованиях в сфере дактилоскопии современных технологий обработки информации открывает новые горизонты в обнаружении закономерных связей папиллярных узоров с различными характеристиками человека, что возможно будет положить в основу методики построения поискового портрета связанного с преступлением неизвестного лица, чьи следы пальцев рук обнаружены на месте преступления.

Таким образом, в качестве ключевых направлений дальнейшей интеграции цифровых технологий в деятельность по расследованию преступлений представляется возможным обозначить следующее:

- расширение источников доказательственной и поисковой информации, касающейся преступных деяний;
- совершенствование существующих и появление новых средств и методов поиска, фиксации и исследования цифровых следов преступлений;
- получение новых криминалистических знаний путём анализа массивов информации, накопленных в криминалистических учётах;
- создание и внедрение в практику расследования систем поддержки принятия решений, построенных на основе алгоритмов искусственного интеллекта.

Литература

1. *Акинщикова Г.И.* Соматическая и психофизиологическая организация человека. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
2. *Гладкова Т.Д.* Кожные узоры кисти и стопы обезьяны и человека. М.: Наука, 1966.
3. *Корноухов В.Е.* Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, Ю.Ю. Ярослав, Т.В. Яровенко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
4. *Мазур Е.С.* Дерматоглифика в прогнозировании конституциональных, физических и внешне-опознавательных признаков человека: автореф. дис. … д-ра мед. наук. М., 2009.
5. *Пинчук П.В.* Экспертные возможности решения идентификационных задач на основе взаимосвязи между дактилоскопическими признаками и биологическими характеристиками человека: Экспериментальное исследование: автореферат дис. ... канд. мед. наук. Москва, 2002.
6. *Самищенко А.С.* Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015.
7. *Самищенко С.С.* Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003.

Е.В. Бондарева
С.С. Опалева
Н.В. Бабич

Особенности квалификации преступлений в сфере фармацевтической деятельности

Аннотация. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, которые прямо касаются здравоохранения и, в частности, затрагивают субъектов фармацевтической деятельности. В то же время, они являются достаточно пространными, что создает трудности в их правильном применении при квалификации деяний, совершенных фармацевтическими работниками.

Ключевые слова: уголовное право, фармацевтические работники, Следственный комитет, уголовная ответственность, Уголовный кодекс.

В деятельности фармацевтических работников, помимо основных функций, присутствует важная социальная функция - охрана здоровья граждан. Согласно Федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские организации, медицинские работники и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи (статья 98)[1].

Квалификация преступлений, совершенных фармацевтическими работниками, в процессе расследования и привлечения к уголовной ответственности можно считать длительным и сложным процессом в силу его специфики. Мы и по сей день часто сталкиваемся с общественно опасными действиями со стороны фармацевтических компаний и их сотрудников. Совсем недавно Глава Минздрава Михаил Мурашко сообщил о том, что из-за некачественной подготовки кадров и ошибок врачей в нашей стране умирает более семидесяти тысяч россиян. Согласно статистике, от неправильного назначения и использования лидокаина в год погибает не менее 25 человек. Хотя, казалось бы, лидокаин, который находится на слуху у каждого, приводит к таким ужасающим последствиям [1, с. 1]. Также, нельзя забыть случаи отравления огромного количества людей «Боярышником» в 2016 году [3, с. 1]. Здесь мы сталкиваемся с проблемой определения виновного в этом: фармацевтическую компанию, производившую препарат, непосредственно медицинского работника, который не обладает достаточной квалификацией для применения препарата, халатность провизора, отпускающего лекарственные средства без рецепта или некачественную консультацию покупателя [1, с. 4].

Следователь Следственного комитета России может привлечь к уголовной ответственности фармацевтического работника только в случае, если это деяние

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СПС Консультант плюс.

предусмотрено Уголовным кодексом Российской Федерации и установлен весь состав преступного деяния.

Для квалификации преступлений в фармацевтической деятельности необходимо установить:

- какие профессиональные обязанности нарушил медицинский работник;
- знал ли медицинский работник или обязан ли был знать эти обязанности;
- в результате чего это деяние обусловило причинение смерти или вреда здоровью.

Также, для правильной квалификации деяния важно определить не только обязательные признаки всех элементов состава преступления, но и факультативные, например, место совершения преступления, время, обстановку, способ его совершения [4, с. 21].

В большей степени, фармацевтических работников, согласно статистическим данным, привлекают к уголовной ответственности по статьям 109[1], 238[2] и 118[3] УК РФ.

При этом наибольшее количество совершенных преступлений квалифицируется по ст.109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности.

Далее следуют деяния, предусмотренные ст. 238 УК РФ, – оказание услуг, не отвечающие требованиям безопасности.

На последнем месте расположены деяния, квалифицированные следователями по ст. 118 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью [2, с. 1]

Наиболее редко возбуждаются уголовные дела по обвинению в халатности и неоказании помощи больному.

На наш взгляд, судебная практика достаточно строго и безапелляционно разрешает дела, касающиеся фармацевтической деятельности. Ведь мало просто установить состав преступления. Важно посмотреть на дело первостепенно со стороны медицинской и врачебной этики, и только потом со стороны Уголовного кодекса.

Например, в условиях новой коронавирусной инфекции COVID-19 фармацевтические работники вынуждены «на ощупь» в поисках методов ее инактивации, разрабатывать новые методы лечения, так как старые – не эффективны. В кратчайшие сроки создаются вакцины, которые должны разрабатываться годами, включая все три этапа исследований. Врачи вынуждены применять лекарства не в точном соответствии с инструкцией, но юридически это разрешение никак не оформлено. В результате медики постоянно нарушают букву закона, но с точки зрения спасения жизни - это единственное верное решение.

Принимая во внимание все вышеизложенное, полагаем, что:

---

[1] Статья 109 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС Консультант Плюс.

[2] Статья 238 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС Консультант Плюс.

[3] Статья 118 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС Консультант Плюс.

во-первых, необходимо более тесное взаимодействие правоохранительных органов с медицинскими и фармацевтическими работниками. Посредством проведения консультаций, конференций, обмена и рассылки актуальной информации.

Во-вторых, следует внести изменения в ряд статей Уголовного кодекса России для более точного толкования.

В-третьих, создание отдельной медицинской комиссии, подведомственной Следственному комитету Российской Федерации, которая будет содействовать расследованию дел, касающиеся фармацевтических и медицинских работников.

В-четвертых, вопрос о лишении врача или фармацевтического работника права заниматься своей профессиональной деятельностью должен решать не суд, а профессиональное врачебное объединение, так же, как это происходит в других странах. С таким положением соглашается Национальная медицинская палата.

Литература

1. *Мильченко А.* Минздрав сообщил о смерти 70 тысяч россиян в год из-за ошибок врачей // Газета. URL: https://www.google.com.ua/amp/s/profile.ru/news/socie. (дата обращения 10.02.2021).
2. Подходы СК России к расследованию уголовных дел в сфере медицины и фармацевтики. URL: https://barrist.ru/podhody-sk-rossii-k-rassledovaniyu-ugolovnyh-del-v-sfere-mediciny-i-farmacevtiki/ (дата обращения 10.02.2021).
3. *Сомова Е.А*. Преступления в сфере фармацевтической деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 3326–3330.
4. *Таболич А.В*. Уголовно-правовой анализ преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Красноярск: СФУ, 2020.

С.С. Бурынин

Методика изъятия электронных носителей информации по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности

Аннотация. В статье приводится анализ изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ, в частности введение статьи 164.1. Рассмотрены случаи и порядок изъятия электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. Также рассмотрены случаи изъятия информации, находящейся на удаленном (облачном) хранилище. Выдвинуты предложение по реализации порядка изъятия данных объектов в ходе проведения обыска.

***Ключевые слова*:** предпринимательство, правоохранительные органы, электронный носитель информации, давление на бизнес, законодательные новеллы, удаленное (облачное) хранилище, экспертиза, правоприменение.

Государственная политика в сфере защиты прав предпринимателей балансирует между соблюдением интересов бизнеса и соблюдением закона их представителями. Этот сложный процесс порождает различные изменения и дополнения в действующее законодательство. Так, российский уголовно-процессуальный закон обрел новое регулирование вопросов изъятия электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности [1].

Так, из ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ следует, что при производстве по уголовным делам сфере предпринимательской деятельности (указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ), изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев, когда:

1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения;

3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

По смыслу закона, реализация п. 1 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, представляется возможной в случае, когда изъятие электронных носителей информации проводится по ходатайству эксперта (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ) после назначения судебной экспертизы (например финансово-экономической, налоговой и тд.).

При реализации п. 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ необходимо учитывать, что в качестве одного из видов решений, принимаемых судом в ходе досудебного производства по уголовному делу изъятие электронных носителей информации отдельно не предусмотрено. Поэтому при возбуждении перед судом ходатайства необходимо руководствоваться перечнем решений, обозначенным в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Для реализации положений п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, равно как и в иных случаях изъятия электронных носителей информации (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), необходимо участие в следственном действии специалиста, так как только в его компетенции находится установление информации, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Указанные новеллы на старте их применения сразу породили массу вопросов. Представляется необходимым, предложить следующий порядок изъятия электронных носителей информации либо получения доступа к ней на удаленном (облачном) хранилище либо на «передвижном» сервере по уголовным делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ (на примере обыска).

1. Обыск в помещении предприятия по уголовным делам указанной категории необходимо производить исключительно следователем, но при сопровождении оперативных сотрудников, предварительно четко определив действия каждого сотрудника (важно производить действия одновременно).

2. По прибытию к помещению предприятия необходимо обеспечить бесперебойную подачу электричества и работу сети Интернет в нем, ограничив чей-либо доступ к соответствующим «узлам». Указанные меры позволят исключить возможность «обрыва» подачи электричества и сети Интернет в целях затруднения возможности осмотра электронного носителя информации.

3. Необходимо обеспечить участие в обыске специалиста (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ).

4. Специалисту необходимо зафиксировать сигналы всех сетей Wi-Fi и по возможности определить их источник. Установив данные источники необходимо их осмотреть и зафиксировать на время обыска, для возможного изъятия.

5. Обнаружив в помещении предприятия персональный компьютер (либо иную ЭВМ) необходимо приостановить проведение обыска.

6. С участием специалиста необходимо произвести осмотр (с составлением протокола) указанного персонального компьютера (либо иной ЭВМ) для установления его точных идентификационных признаков, а также точек доступа в сеть Интернет, подключения к сети Wi-Fi, всех имеющихся доступов в установленные на нем программы, логины и пароли к ним. Учитывая, что персональный компьютер (либо иная ЭВМ) может быть лишь средством передачи данных к удаленному (облачному) хранилищу или «передвижному» серверу, именно в момент предварительного осмотра это возможно установить. Установив данные удаленного (облачного) хранения либо «передвижного» сервера, в случае отсутствия на осматриваемом объекте иной значимой для следствия информации, в его изъятии вовсе будет отсутствовать необходимость.

При обнаружении данных удаленного (облачного) хранения информации необходимо незамедлительно произвести аутентификацию и в целях предотвращения намеренного стирания информации необходимо сменить пароль доступа и способ его восстановления, о чем сделать отметку в протоколе осмотра (без указания нового пароля).

Представляется, что правовое регулирование ограничения доступа собственника к информации, находящейся в удаленном (облачном) хранилище, ее осмотра и признания вещественными доказательствами, должно регламентироваться по правилам, установленным ст. 81.1 УПК РФ.

После ограничения доступа к информации ее собственника, она должна быть осмотрена с участием специалиста с помощью персонального компьютера следователя либо специалиста путем введения логина и пароля. Для осмотра всей информации находящейся в хранилище, в том числе, удаленной, необходимо использование специалистом определенных технико-криминалистических программ. К примеру, на «вооружении» экспертно-криминалистических подразделений Следственного комитета Российской Федерации стоят универсальные программные комплексы для исследования мобильных устройств, извлечения данных из облачных хранилищ и анализа биллингов операторов сотовой связи –

«Мобильный Криминалист Детектив» и «UFED Cloud Analyzer». В частности, указанные программные комплексы способны получать данные из облачных хранилищ по логину/паролю или токену.

Учитывая, что возможности современной криминалистической техники позволяют изъять всю информацию из удаленного (облачного) хранилища в ходе ее осмотра, в проведении ее выемки в компании, предоставившей данный сервис, необходимость отсутствует.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации для производства осмотра данной информации получение отдельного разрешения суда не предполагается в случае наличия на это согласия ее собственника [2].

В случае отсутствия согласия собственника на осмотр информации, находящейся в удаленном (облачном) хранилище, следователю необходимо дать поручение органу дознания на проведение оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» (п. 15 ч. 1 ст. 6 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Согласно примечания к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Соответственно, информация, находящаяся в удаленном (облачном) хранилище может быть отождествлена с компьютерной информацией.

Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» проводится с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности или органов внутренних дел на основании судебного решения (ч. 4 ст. 6, ч. 2 ст. 8 Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). После этого, полученная информация в соответствии с Инструкцией [4] предоставляется следователю, который производит ее осмотр без получения на это отдельного решения суда [3].

Получение информации из «передвижного» сервера может быть осуществлено с помощью вышеуказанного способа, а также путем изъятия его, что подразумевает составление отдельного протокола. Однако порядок его изъятия, предполагается, что должен быть аналогичен следующему.

7. В случае наличия значимой для расследуемого уголовного дела информации в «памяти» самого персонального компьютера (либо иной ЭВМ), представляется возможным после окончания его осмотра вынести постановление о назначении судебной экспертизы в отношении указанного персонального компьютера (либо иной ЭВМ), что даст возможность на совершенно законных основаниях их изъять, после возобновления обыска (п. 1 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ). Законодатель в данном случае в качестве условия изъятия электронных носителей информации ставит только факт «вынесения» постановления о назначении экспертизы, а не фактическое ее назначение и направление постановления эксперту с объектами исследования для ее производства. Впоследствии постановление следователя о назначении судебной экспертизы в отношении указанного персонального компьютера (либо иной ЭВМ) может быть отменено руководителем следственного органа как необоснованное за ненадобностью ее проведения.

В данном случае трудно согласиться с точкой зрения В.Ф. Васюкова, что основанием для назначения судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации обязательно является их изъятие и осмотр с составлением соответствующих протоколов, и реализация положения, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ будет затруднена [5, С. 66-71].

Так, в соответствии со ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза назначается следователем при наличии такой необходимости, выраженной в использовании специальных знаний. Постановление о назначении судебной экспертизы, среди прочих формальных требований, должно содержать основание ее назначения и перечень материалов, предоставляемых в распоряжение эксперта. Основание для назначения судебной экспертизы в УПК РФ не закреплено. Вместе с тем, основанием для назначения судебной экспертизы будет являться расследуемое уголовное дело и необходимость использования специальных знаний при исследовании обнаруженных в ходе обыска в помещении предприятия электронных носителей информации, которые и станут материалами, предоставляемыми в распоряжение эксперта. Предварительное обязательное изъятие этих объектов УПК РФ не предусмотрено, иначе это бы прямо противоречило условиям п. 1 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ. Также обязанности следователя по незамедлительному ознакомлению подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы нет. Кроме того, ничто не помешает ознакомить указанных лиц (при их присутствии при изъятии электронного носителя информации) сразу же после вынесения постановления о назначении судебной экспертизы, после чего, возобновить проведение следственного действия в помещении предприятия и изъять данные объекты.

Таким образом, требования ст. 195, 198 УПК РФ будут выполнены в полном объеме.

В связи с изложенным, представляется, что на практике особых препятствий для изъятия электронных носителей информации правоохранительными органами данные нормы не ввели. Однако процедура существенно усложнена.

Литератур

1. Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Российская газета», № 295, 29.12.2018.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

4. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // «Российская газета» от 13 декабря 2013 г. № 282.
5. *Васюков В.Ф.* Когда по предпринимательским делам можно изымать электронные носители информации // Уголовный процесс. № 3, март 2019, с. 66-71.

Е.Н. Быстряков
И.В.Усанов

Криминалистические методы раскрытия и расследования преступлений во второй половине XIX – начале XX веков в России

Аннотация. В статье рассматривается влияние следственной реформы Стояновского–Замятнина на модернизацию методов раскрытия и расследования преступлений в России с 1860 по 1913 гг. Рассмотрены так называемые «крайние точки» этого процесса путем анализа деятельности русской сыскной полиции в начале и по окончании следственной реформы. Сделан вывод о положительном характере влияния данной реформы на процесс установления истины по уголовному делу в рассматриваемый временной период.

Ключевые слова: следственная реформа, Н.И. Стояновский, Д.Н. Замятнин, русская сыскная полиция, криминалистика.

Вторая половина XIX века в России – время постепенного перехода от средневековья к эпохе модернизма. В 1856 году по инициативе царя Александра II начались реформы (военная, судебная, земская и т.д.), охватившие все основные сферы жизнедеятельности государства. Продолжались они до конца века. Прежде всего, следует упомянуть следственную реформу как составную часть реформы судебной, во главе которой стояли Н.И. Стояновский (с 1860 по 1867 годы) и Д.Н. Замятнин (с 1862 по 1867 годы). Согласно мнению Л.М. Ляшенко, благодаря этой реформе изменилась система предварительного следствия, которое до реформы вела полиция; теперь предварительное расследование было возложено на специальных судебных исполнителей – судебных следователей [3, с.204-206].

Из приведенной периодизации следует, что реформы оказались весьма длительными и, что самое главное, постепенными. Благодаря им возник и постепенно совершенствовался институт судебных следователей.

Определенные изменения позитивного характера произошли в сфере раскрытия и расследования преступлений.

Наиболее показательно эти процессы, на наш взгляд, отображены в деятельности, а затем и во воспоминаниях русских Шерлоков Холмсов – И.Д. Путилина (начавшего службу в качестве рядового сотрудника МВД в начале 1850-х и про-

служившего в должности начальника сыскной полиции при обер-полицмейстере Санкт-Петербурга с 1866 по 1889 годы), а также А.Ф. Кошко (в 1894 занявшего должность судебного следователя в Риге, а затем, будучи начальником уголовного розыска Российской империи, в 1913 году поднявшего статус русской сыскной полиции до первого места в мире).

Для начала рассмотрим общее состояние столичной уголовной преступности на момент начала реформ. По данным А.А. Гиляровского в Москве в середине XIX века в год происходило 5-6 убийств, 2-3 грабежа и разбоя, около 400 случаев мошенничества и 700 краж (при тогдашнем населении Москвы в 370 000 чел.). Раскрываемость составляла примерно две трети, а по убийствам и грабежам порой была стопроцентной. В Санкт-Петербурге было совершено краж в 60 раз меньше, чем в Лондоне. С 1861 года количество преступлений, совершенных на территории Российской империи люмпенизированными элементами, резко устремилось вверх [1, с.43].

Возникла острая необходимость в модернизации способов борьбы с преступностью.

Основным методом раскрытия преступления к этому времени служил метод основателя французской сыскной полиции «Сюрте» Эжена Франсуа Видока: «Побороть преступление сможет только преступник» [6, с.20]. Яркими представителями реализации данного метода на территории Российской империи являлись московские сыщики Иван Осипов, он же Ванька-Каин (середина XVIII века) и Гаврило Яковлев (первая четверть XIX века). Оба одновременно являлись преступниками и агентами полиции, или так называемой «шерстью» – уголовниками, перешедшими на службу органам правопорядка [4, с. 157-183].

На момент начала реформ основными методами раскрытия преступлений оставались: наблюдение и подслушивание, внедрение в преступную среду, провокация. Методами установления истины в ходе допросной части расследования нередко являлись избиения, истязания и пытки, направленные на получение признательных показаний [3, с.205].

В то же время большое значение имели собственный опыт общения полицейского пристава с преступной средой, его проницательность, ум, хитрость, изворотливость [5, с.5-8].

При А.Ф. Кошко инквизиционные методы установления истины в деятельности русской сыскной полиции отошли на второй план. На передний план вышли научно-технические методы – такие как бертильонаж, а затем и дактилоскопия. По использованию технических новаций в процессе раскрытия и расследования преступлений Россия в начале XX века занимала примерно третью позицию после Франции и Англии. Была составлена всеобъемлющая картотека уголовных преступников по 30 позициям, а именно: гастролеры, карманные воры, воровки-проститутки, простые воры, воры по передним, воры чердачные, воры магазинные, воры со взломом квартир и магазинов, воры с употреблением обмана, воры-прислуга, воры железнодорожные, воры велосипедные, пристанодержатели воров, покупщики краденого, конокрады, мошенники и аферисты, грабители и разбойники, подделыватели фальшивых денег, поджигатели, убийцы, шулера-картежники, хулиганы и «коты», хипесники, ссыльно-каторжные, бродяги, глу-

хонемые, соучастники преступлений, барышники театральные, подкидчики, пушкари [4, с.323]. На значительную высоту была поднята агентурная работа, а также было создано подразделение из 20 секретных сотрудников, занимавшееся выявлением «оборотней». В районах массового проживания асоциального и преступного элемента регулярно проводились результативные облавы.

Особо следует отметить, что в 1913 году в Швейцарии, на Международном съезде криминалистов, русская сыскная полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений [с.2, 6-7].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что следственная реформа Стояновского-Замятнина положительно повлияла на деятельность русской сыскной полиции, воздействовав, прежде всего на изменение менталитета лиц, ее возглавлявших.

Литература

1. *Гиляровский А.А.* Будочники, жандармы, «фараоны». История уголовного сыска в России / А.А.Гиляровский. – Москва: Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2017. – 320 с.
2. *Кошко А.Ф.* Король сыска: рассказы. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 480 с.
3. *Ляшенко Л.М.* Александр II, или История трех одиночеств / Предисл. А.А.Левандовского. – 2-е изд., доп. – М.: Мол. Гвардия, 2003. – 359 [9]с. ил.
4. *Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р.* Русская полиция. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. – 351 с., 24 с. ил.
5. *Путилин И.Д.* Русский Шерлок Холмс. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 416 с.
6. *Торвальд Ю.* Век криминалистики. – М.: Проспект, 2009. – 368 с.

А.Ф. Волынский

Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства – это не только судебная экспертиза

1. В историографии криминалистики и судебной экспертизы, в отечественной специальной литературе, как правило, акцентируется внимание на фактах создания соответствующих учреждений: судебно-фотографической лаборатории Е.Ф. Буринского – 1889 г.; аналогичной государственной лаборатории при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты – 1893 г.; лаборатории судебных экспертиз Центророзыска уже Советской России – 1919 г., на базе которой, спустя год, создается научно-технический подотдел, а затем отдел и т.д. С этих же позиций обращается внимание на правовые акты, начиная с XV века, в которых упоминается необходимость «сличать почерка» и исследовать «подлинность документов», и на научные публикации об уголовном судопроизводстве и производстве следствия (Н. Орлова – 1833 г.; Я. Баршева – 1841 г.; А. Квачевского – 1864 г. и др.).

При этом и в криминалистике, и в теории судебной экспертизы практически не обращается внимание на те исторически значимые процессы, которые происходили в нашем государстве и обществе, предопределяя развитие научно-технического прогресса (НТП), достижения которых лежат в основе возникновения и развития и криминалистики, и судебной экспертизы.

2. Криминалистика и судебная экспертиза появились в результате, с одной стороны, осознанных потребностей общества в создании более гуманных, а вместе с тем и эффективных способов борьбы с постоянно возрастающими угрозами преступности, а с другой, созданием потенциальных возможностей удовлетворения таких потребностей на основе достижений науки и техники. Так появилась уголовная регистрация, которая была введена в России – антропологическая (1980 г.), дактилоскопическая (1906 г.).

При этом в начале, судя по всему, она воспринималась как система формальной регистрации лиц, совершивших преступления и, потому осуществлялась в местах лишения свободы, находившихся в ведении Минюста России. Только спустя 18 лет дано было понять, что уголовная регистрация — это средство, прежде всего, раскрытия и расследования преступлений, средство розыска преступников, скрывающихся от следствия и суда, чем Минюст России не занималось в то время, не занимается и сейчас. В результате она была передана в ведение органов полиции (1908 г.).

3. Но важно заметить, что именно уголовной регистрацией было положено начало формирования отечественной криминалистики и системы государственных судебно-экспертных учреждений, поскольку ее ведение предполагало производство сравнительных (идентификационных) исследований регистрируемых объектов – фактически криминалистических экспертиз. Этот процесс приобрел более выраженный и организационно определенный характер в органах полиции, где для ведения уголовной регистрации была создана довольна широкая сеть регистрационных бюро, сотрудники которых при необходимости привлекались к участию в осмотрах мест происшествия и к производству иных следственных действий.

Представляется было бы исторически более точно, а научно более правильно связывать возникновение и развитие отечественной криминалистики, а вместе с ней криминалистической (судебной) экспертизы с указанными выше фактами. Следовательно, и система экспертно-криминалистических подразделений МВД России стала формироваться не с 1919 года (в Центророзыске), а как минимум, на 10 лет раньше.

4. Возникнув по общим причинам, при единых основаниях и в одном ведомстве – в системе Минюста России, отечественная криминалистика, а в ее практическом выражении экспертно-криминалистическая деятельность, и судебная экспертиза или судебно-экспертная деятельность, длительное время и после передачи уголовной регистрации в органы полиции, существовали, как бы не замечая друг друга. Сложившаяся в стране система НТО милиции практически полностью удовлетворяла потребности судебных и следственных органов по производству судебных экспертиз. Так продолжалось до конца 50-х годов про-

шлого века, до начала исторически знаковой кампании разоблачения культа личности и борьбы с его последствиями.

Что собой представлял культ личности, каковы были его последствия и кто в них виновен, сегодня известно, а в то время по идеологическим причинам «виновным назначили» МВД СССР (в 1960 г. ликвидируется). В созданных республиканских министерствах охраны общественного порядка НТО милиции, огульно, бездоказательно «обвиненных» в нарушениях социалистической законности и даже в причастности к репрессиям, фактически были ликвидированы. Их штатная численность была сокращена на четверть, а оставшихся экспертов фактически «спрятали» в так называемых оперативно-технических подразделениях (связистов).

Об этом можно было бы и не вспоминать, все-таки с тех пор прошло уже более 60 лет. Но напоминают об этом сложившиеся тогда и до сих пор негативно, а во многом определяюще влияющие на всю систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства межведомственные противоречия. Не вдаваясь в детали, заметим, что вся суть таких противоречий сводится к выяснению «экспертизы какого ведомства научней, а эксперты процессуально независимей». Однако в дискуссиях по этому поводу зачастую проявляются откровенно корпоративные, если не сказать, конъюнктурно-служебные интересы, и не желание понять доводы другой стороны.

5. Между тем, заметим, что судебная экспертиза возникла и развивается как уголовно-процессуальный институт, как средство доказывания. Этим объясняются особые требования, предъявляемые к порядку ее назначения и к судебному эксперту. Более того в современных условиях судебная экспертиза все чаще и наглядней проявляется не только как организационно-правовая, но и как политико-правовая категория, поскольку потребность в ней возникает при расследовании международных военных конфликтов, межгосударственных экономических споров. При этом, естественно, необходимо соблюдать международные требования, предъявляемые к судебно-экспертной деятельности, в том числе положения резолюции комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «О судебно-экспертной деятельности» (2010 г.).

Кстати, Республика Беларусь и Казахстан в течение двух лет после этого реформировали систему своих судебно-экспертных учреждений. Проект соответствующего Федерального закона, как известно, был подготовлен и в нашей стране, однако после его обсуждения в первом чтении в Государственной Думе Российской Федерации (2013 г.) он до сих пор остается проектом. Причина тому кроется в отмечавшемся выше наследии прошлого, в узковедомственном подходе к решению двух взаимосвязанных проблем – единой системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства – судебно-экспертной деятельности и экспертно-криминалистической деятельности.

6. В значительной мере такое положение объясняется неопределенностью экспертно-криминалистической деятельности, законодательно признанной одним из основных направлений деятельности полиции (п. 12 ч. 2 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции») и ее соотношения с судебно-экспертной деятельностью. Организовывать и осуществ-

лять эту деятельность в МВД России призвана экспертно-криминалистическая служба во главе с экспертно-криминалистическим центром (ЭКЦ) данного министерства.

Прошло уже 10 лет после издания закона, но в ЭКЦ МВД России не сформировано научно обоснованное системное представление об этой деятельности: понятие, содержание, система, задачи, методы и т.п., не говоря уже о ее организационном и правовом обеспечении. Следует ли удивляться, что к этой деятельности с непониманием относятся представители правоприменительных министерств и ведомств России (Генеральной прокуратуры, Минюста, Верховного Суда), которые отрицают право производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) органов полиции и других правоохранительных ведомств, подвергая сомнению их процессуальную независимость, но не предлагают альтернативные варианты решения этой проблемы.

Между тем экспертно-криминалистическая деятельность существенно отличается от судебно-экспертной по ее содержанию, решаемым задачам, методам и средствами их решения. Эта деятельность осуществляется, прежде всего в порядке проверочных действий и на первоначальном этапе расследования. Ее основной целью является выявление факта преступления и установление лица, подозреваемого в его совершении. По своей сути и в основе своей эта деятельность поисково-познавательная.

7. Между тем значимость экспертно-криминалистической деятельности в уголовном судопроизводстве существенно выросла, а ее задачи, соответственно, осложнились в современных условиях всеобщей цифровизации общественно-правовых и экономических отношений, а вместе с тем в связи со стремительным ростом компьютерных преступлений. По данным различных источников, их количество в нашей стране ежегодно удваивается, а в некоторых зарубежных странах достигает трехкратного роста. Факт нарастающей опасности данного вида преступлений отмечается в Указе Президента России В.В. Путина от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором поставлена задача формирования компьютерной криминалистики и создания в этих целях «негосударственных экспертных организаций».

В нашем понимании, помимо всего прочего, таким образом выражено сомнение Президента страны в способности действующих государственных судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений успешно решать указанную задачу. И для этого есть все основания, поскольку организация их деятельности, сформировавшаяся много десятилетий назад, явно не соответствует уровню развития техники, с которой им необходимо работать в настоящее время.

8. Полагаю, что сейчас нет необходимости доказывать, что время узковедомственных подходов к решению проблем научно-технического обеспечения уже ушло в прошлое. Сегодня более чем очевидна необходимость создания общей межведомственной (государственной) системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая экспертно-криминалистическую деятельность, теперь уже вместе с компьютерной криминалистикой, судебно-экспертную деятельность и электронное судопроизводство.

Создание такой системы невозможно без системного подхода к организации соответствующих разработок, без комплексного исследования и без взаимосвязанного решения соответствующих проблем, в том числе организационных, правовых, научно-технических и тому подобных. При этом уже у некоторых наших ученых проявился соблазн «позаимствовать» идею «форензики» и программного обеспечения компьютерных систем в зарубежных странах, в том числе с принципиально различающимися правовыми семьями. Следует понимать, что компьютерная криминалистика и электронное судопроизводство – это, прежде всего, право и правоотношения, реализуемые с помощью умной техники.

9. В основе государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства должны быть соответствующие ее техническим возможностям принципы. Основные из них:

законности – соблюдение законом определенного порядка осуществления деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

прагматизма – ориентация на решение реально возникающих и поэтапно проявляющихся задач практики раскрытия и расследования преступлений;

экономичности – системно осмысленное решение вопросов о территориальном размещении ЭКП и СЭУ и их оснащение современной поисковой и исследовательской техникой;

рационализма – исключение формального дублирования исследования доказательств, организация СЭУ на базе профильных вузов;

дифференциации организационно-правовых форм исследования доказательств, с учетом постадийного решения задач в уголовном процессе.

10. И, наконец, желательно, чтобы предложения ученых, в том числе высказываемые на таких конференциях, не оставались «достоянием» тех стен, где они озвучены. Очень важно, так было в советское время, чтобы они отражались в итоговом документе конференции, например резолюции, и передавались туда, где принимаются соответствующие решения и разрабатываются законы. Представляется, что и проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации уже давно получил бы признание законодателя, если бы в нем регламентировалась только эта самая деятельность и не смешивалась с экспертно-криминалистической деятельностью. Последнюю, по нашему мнению, следовало бы регламентировать отдельным федеральным законом, тем более, с учетом ее разно ведомственного характера и цифровизации связанных с ней организационно-правовых отношений.

Д.В. Галкин

Регламентация проведения очных ставок в «Правилах и формах для производства следствий» 1859 года

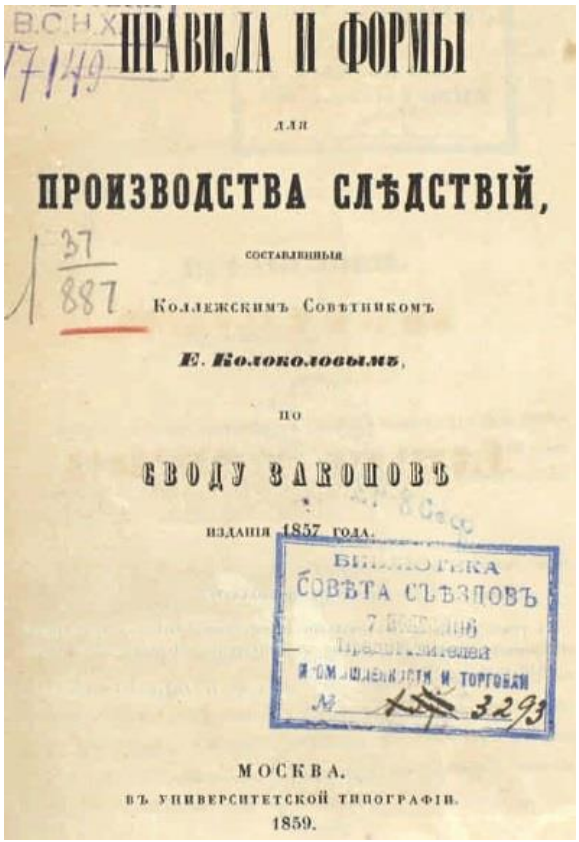
Аннотация. В статье рассматривается содержание «Правил и форм для производства следствий» издания 1859 года в части регулирования проведения очных ставок. Автором анализируются процессуальные требования и тактические рекомендации к проведению очных ставок, проводится их сравнительных анализ с современными нор-

мами. Сделан вывод о высоком уровне и качестве правовой регламентации указанных вопросов и преемственности в развитии российской правовой мысли.

Ключевые слова: история следственных органов России, очная ставка, история уголовного процесса, история криминалистики, Н.И. Стояновский, Е.Ф. Колоколов.

Кроме трудов Николая Ивановича Стояновского, немалый интерес для изучения истории криминалистики и уголовного процесса представляют работы его современников, продолжавших его начинания в деле подготовки судебно-следственной реформы 1864 года.

В середине XIX века коллежским асессором (гражданский чин, соответствующий воинскому званию «майор») Е.Ф. Колоколовым были подготовлено руководство для следователей, по сути представляющее собой объемный (около 200 страниц) сборник процессуальных правил и методических указаний по вопросам тактики и методики расследования преступлений. Правила содержат отсылки к действовавшему на том момент Своду законов Российской империи, а также образцы процессуальных документов: протоколы, акты, описи, отношения и прочие.


ПРАВИЛА И ФОРМЫ

для

ПРОИЗВОДСТВА СЛѢДСТВІЙ,

составленныя

Коллежскимъ Совѣтникомъ

Е. Колоколовымъ,

по

СВОДУ ЗАКОНОВЪ

изданія 1857 года.

МОСКВА.

въ Университетской типографіи.

1859.

Издание 1859 года

Работы Колоколова Е.Ф. выдержали несколько изданий и были очень популярными у практикующих юристов: фактически они являлись настольной книгой для следователей тех лет. В наиболее полном виде для современных правоведов доступно издание 1859 года, вышедшее под названием «Правила и формы для производства следствий» (далее - Правила) [1]. Они были изданы в старейшем университете Российской империи – Императорском Московском университете.

В предисловии к Правилам обозначена целевая аудитория данного издания: «… эта книга может служить не только полным руководством для господ следователей, но и познакомить другие лица с установленными по следственной части правилами, знание коих для каждого соотечественника небесполезно»[1].

Рассмотрим более подробно содержание указанных Правил в части регламентации проведения очных ставок. Указанные вопросы освещаются в разделах, посвященных тактике проведения различных следственных действий [1, раздел III, главы 1-4].

[1] Здесь и далее используется авторский перевод текста с русской дореформенной орфографией на современный русский язык.

Предметом регламентации являются в целом те же вопросы, что и сегодня мы относим к тактическим вопросам проведения очной ставки. Например, Правилами устанавливаются основные вопросы, которые подлежат выяснению при допросах и очных ставках.

Отдѣленіе II. О письменныхъ доказательствахъ 216
Отдѣленіе III. О личномъ осмотрѣ слѣдовъ преступленія и вещей, обличающихъ совершеніе онаго 230
Отдѣленіе IV. О показаніяхъ свѣдущихъ людей 234
Отдѣленіе V. О показаніяхъ свидѣтелей:
1. Кто можетъ быть свидѣтелемъ 235
2. Вызовъ свидѣтелей 245
3. Объ очныхъ ставкахъ и присягѣ свидѣтелей. 251
а) Объ очной ставкѣ при свидѣтельствѣ 252
б) О присягѣ свидѣтелю 255
4. Порядокъ допроса свидѣтелей 261
Отдѣленіе VI. О повальномъ обыскѣ 280
Отдѣленіе VII. Объ очныхъ ставкахъ и объ оговорѣ 294

Разделы Правил, регламентирующие производство отдельных следственных действий

Так, на очной ставке следует спрашивать: у свидетеля – «является ли обвиняемый тем самым человеком, о котором он будет показывать?», а у обвиняемого – «не имеет ли он на свидетеля какого подозрения?» Также правилами предусмотрена возможность отвода свидетеля, если есть основания подвергать его показания сомнению.

Цель проведения очной ставки обозначена следующим образом: «…для объяснения противоречий и для взаимного уличения: подсудимых, доносителя, свидетелей и других прикосновенных к делу лиц» [1, § 294, стр. 83].

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Объ очныхъ ставкахъ и объ оговорѣ.

§ 294. Очныя ставки даются для объясненія противурѣчій и для взаимнаго уличенія: подсудимыхъ, доносителя, свидѣтелей и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ; и также для того, дабы удостовѣриться, что извѣтчики и свидѣтели знаютъ тѣхъ, которыхъ они заочно обвиняютъ. (Т. XV, Кн. II, ст. 271).

§ 295. Въ случаѣ необходимости можно требовать къ очной ставкѣ и такихъ доносителей, которые просили не объявлять ихъ именъ. Къ таковому объявленію именъ доносителей надлежитъ однакожь приступать не прежде, какъ донеся о томъ предварительно Правительствующему Сенату. (Т. XV, Кн. II, ст. 272).

Порядок и условия проведения очных ставок в Правилах подробно регламентированы

Правила предусматривают возможность проведения очной ставки не только между обвиняемым и свидетелем (потерпевшим), но и между свидетелями. Так, в параграфе 273 указано: «если свидетели противоречат между собою, то надлежит через очные ставки и прочие доказательства исследовать, чье показание справедливо». В крайних случаях очные ставки могут быть даны даже родителям с детьми, господам со слугами, когда они оказываются участниками в одном и том же преступлении. Оговоренному в соучастии, всегда должно давать очную ставку с оговорившим его преступником.

Согласно Правилам, после проведения очной ставки необходимо составить протокол: «Показания свидетелей должны быть немедленно записаны или самими ими, или кем-либо другим, но непременно при них и со слов их, при этом следователь должен наблюдать, чтобы они не были писаны по какому-либо образцу. Свидетельские показания подписываются самими свидетелями, если они знают грамоту, вместо безграмотных руку прикладывают их духовные отцы, или посторонние, кому они верят» [1, § 275-276, стр. 79].

Таким образом, предмет и объем правового регулирования вопросов проведения очной ставки согласно Правилам 1859 года ненамного уступает современной правовой регламентации данных вопросов. Из этого следует вывод о достаточно высоком уровне развития отечественной криминалистики и уголовного процесса в период подготовки к Судебной реформе 1864 года. Изученные Правила можно рассматривать как прообраз современного уголовно-процессуального кодекса. В тоже время обращает на себя внимание тот факт, что Правила содержат как строгие нормы процессуального характера, так и отдельные рекомендации о наиболее эффективных приемах и способах работы следователя, которые современная правовая наука относит к компетенции криминалистики. Кроме этого, изучение данного исторического документа позволяет сделать вывод о том, что уже в то время юристы разделяли правила производства отдельных следственных действий и правила расследования основных типичных видов преступлений, которые мы и в настоящее время относим к отдельным разделам криминалистики – криминалистической тактике и криминалистической методике.

Резюмируя этот краткий исторический экскурс, также считаем важным отметить, что полный текст упомянутых выше Правил, как и многих других исторических документов, в настоящее время стал доступен не только для узкого круга профессиональных историков, но и для всех, кому интересно изучение истории развития права и государства в России. Это стало возможным благодаря созданию Президентской библиотеки, включающей в себя электронное хранилище цифровых копий важнейших документов по истории российской государственности. По предложению Президента России В.В. Путина, впервые озвученному 26 апреля 2007 года в послании Федеральному Собранию, библиотека получила статус национальной и названа именем первого Президента России Б.Н. Ельцина.

По нашему мнению, обращение современных правоведов: как ученых, так и практиков, к историческим документам, позволяет обеспечивать преемственность в развитии отечественной правовой мысли и воспитывает их в духе достоинства и ответственности перед прошлым, настоящим и будущим России.

Литература

Правила и формы для производства следствий, составленные коллежским советником Е. Колоколовым, по Своду законов издания 1857 года / Е. Колоколов. Москва: В унив. тип., 1859. 225 с. Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/438784.

Л.В. Голоскоков

Время следствия: из прошлого в будущее

Аннотация. В статье на нескольких примерах известных ситуаций с состоянием преступности показано, как могут развиваться аналогичные ситуации в будущем, когда преступные сообщества будут применять искусственный интеллект для поиска и использования правовых лакун и извлечения долговременной преступной ренты, используя традиционное отставание правоохранительных органов. Даны рекомендации нашей науке начинать немедленно действовать на опережение и предотвращение негативных последствий далёких пока по времени негативных событий.

Ключевые слова: следствие, время, прошлое, настоящее, будущее, преступность, технологии, искусственный интеллект.

Размышляя о том, что должно представлять собой следствие и Следственный комитет Российской Федерации, если смотреть на следственную деятельность из недалёкого прошлого в будущее через известные даты: образование Следственного комитета Российской Федерации – 2011 год, современное его состояние – 2021 год, и пытаться увидеть, что будет через десять лет в 2031 году, нужно абстрагироваться от текучки современных дел и уловить более общие, глобальные тенденции.

Рассмотрение российских следственных органов через призму времени – из прошлого через настоящее в будущее предполагает необходимым найти те главные элементы деятельности, которые должны будут характеризовать эффективную работу Следственного комитета Российской Федерации в весьма мало предсказуемой ситуации 2031 года и последующего периода. Тем не менее, мы попробуем заглянуть в будущее, чтобы увидеть его неизбежные черты, которые всё-таки могут быть спрогнозированы научными методами.

Рассматривая статистику уголовных дел, можно увидеть цифры снижения преступности, а можно увидеть и совершенно другие процессы – уход преступности в иные сферы, в частности, в виртуальное пространство, где совсем не обязательно грабить и убивать жертву, чтобы отнять у неё собственность или деньги. И мы видим, что преступность сместилась в финансовую сферу виртуального пространства, где с помощью современных манипулятивных технологий и различных средств технического рода преступники похищают деньги и при этом остаются всё чаще не найденными и без наказания. Эти факты широко известны и подстёгивают новых искателей лёгких денег к преступлениям, а правоохранительные органы реагируют на такие события с большим запозданием в силу новизны дел, отсутствия технических знаний и технических возможностей по выявлению и пресечению новых видов преступлений. Очевидно, что когда такие средства появятся, преступность снова уйдёт далеко вперёд, используя новые технические средства, и такой круговорот событий, когда правоохранительные органы всё время и всё больше отстают, кажется неизбежным. Следуя логике описанного процесса, в скором времени можно будет задать вопрос о том, нужны ли в таком случае правоохранительные органы вообще, если они не успевают за преступниками, использующими с ускорением новые технологии.

Вместе с тем, в прошлом и настоящем можно найти маркеры, которые при соответствующих размышлениях могут дать нам возможность увидеть ситуацию будущего – через десять и более лет. Рассмотрим два таких маркера.

Первый состоит в том, что сегодня имеет место такое глобальное явления, как отток капитала из страны. В любой стране это обычное явление в сфере экономики и финансов, если такой процесс правильно отрегулирован правом и имеет место баланс притока и оттока капитала, необходимый для развития страны. В России процесс отрегулирован плохо, и происходит в основном отток капитала, наносящий стране большой ущерб, цифры которого хорошо известны из разных источников: Банк России, научные публикации, аналитика. Так, академик РАН А. Г. Аганбегян пишет, что «за период 2008-2020 гг. из страны утекло более 800 млрд долл. В 2019 г. – 27 млрд долл., а в 2018 г. – 63 млрд долл.» [1, с. 172].

Второй пример состоит в наличии явления рейдерства, которое наносит большой ущерб экономике, создаёт ситуацию нестабильности, когда бизнес находится в состоянии неуверенности в будущем, которое для него заканчивается ровно тогда, когда к нему приходят рейдеры. Что касается особенностей практической работы по учёту рейдерства, то С. С. Бурынин отмечает, что «органами Следственного комитета Российской Федерации осуществляется учёт преступлений рейдерской направленности, когда принимаются в расчёт лишь составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 170.1, 185.2, 185.5, 285.3 УК РФ, а в ходе осуществления рейдерских захватов имущества могут совершаться иные преступления, не охватываемые указанными статьями УК РФ» [2]. Отсутствие в Уголовном кодексе РФ статьи о рейдерстве, возможно, не самое плохое, что может быть, потому что явление рейдерства процветает в междисциплинарном поле и использует разнообразные механизмы, приёмы, методы для изъятия чужой собственности. Здесь есть лакуна в обширном поле разных отраслей права, а не только в УК РФ.

В обоих случаях имеют место большие пробельные поля в правовом регулировании, отсутствуют необходимые организационные мероприятия и должное управление на всех уровнях государства. В этих пробельных полях и действуют группы людей, которые используют ситуацию к своей выгоде и при этом наносят колоссальный ущерб стране и её гражданам. Почему мы назвали такие ситуации маркерами, указывающими будущее состояние государства и преступности в нём? Потому что две показанные ситуации были обнаружены соответствующими группами лиц давно в прошлом, продолжают действовать сегодня и, очевидно, продолжат свою деятельность в будущем. Лиц, которые извлекают из этих ситуаций большую прибыль, особенно не беспокоит ни государство, ни его правоохранительные органы, если не брать в расчёт мелкие и редкие неприятности, причиняемые правоохранительными органами отдельным лицам, однако, как системные долгоиграющие процессы, они остаются практически без изменений десятилетиями. Это устойчивые процессы, мало подверженные времени, спокойно и уверенно перемещающиеся из прошлого в будущее. Далее нужно отметить, что две благодатные ниши были обнаружены естественным интеллектом людей и продолжают существовать благодаря естественному интеллекту,

причём, очень высокому, развитому, обеспеченному деньгами, связями, коррупционными связями и прочим необходимым для ведения своей деятельности.

Однако появилась одна из технологий, где преступность может сделать очередной рывок, и называется она – искусственный интеллект. Сегодня считается, что искусственный интеллект нужно использовать для нужд правоохранительных органов, для обнаружения и расследования преступлений. Всё это так, но вековая практика показывает, что преступность использует новую технологию быстрее, чем правоохранительные органы. Если использовать два показанных нами маркера, то можно предвидеть ход преступной мысли, которая уже зреет сегодня и будет реализована завтра, если это не произошло уже вчера. Искусственный интеллект будет использован для того, чтобы найти в законодательстве те новые бреши, которые позволят так же долго, как описанных двух ситуациях, извлекать деньги, паразитируя на государстве и его гражданах бесконечно и в полной уверенности, что эти бреши не будут обнаружены правоохранительными органами, а если и будут когда-то обнаружены, искусственный интеллект заранее просчитает пути отхода на новые подготовленные такие же удобные позиции, где опять спрячет своих хозяев за новые вывески (или их запланированное отсутствие) права, экономики, финансов, которые будут найдены в существующем правовом поле или, может быть, будут созданы законодателем в будущем, что тоже сможет просчитать искусственный интеллект в пользу своих заказчиков.

Поле деятельности для искусственного интеллекта здесь огромное, практически безграничное, только успевай отбиваться от новых методов преступных посягательств, если их ещё удастся обнаружить.

Зная такие возможные ходы преступного сообщества, нужно заранее перестраивать структуру государства, права, экономики, финансов, систему правоохранительных органов на новых принципах превентивных, глубоко упреждающих действий, которые не свойственны пока правоохранительным органам, действующим в основном в парадигме прошлых столетий: есть преступление – вскрываем и расследуем, нет преступления – значит всё хорошо. Современная и будущая ситуация, как мы видим, может быть такова, что преступление *de facto* будет, но оно может не фиксироваться никакими органами, потому что *de jure* на бумаге (в кодексе или законе) его не будет, а ущерб от него будет. Как сейчас: рейдерства в УК РФ нет, а ущерб от него есть, оттока капитала в УК РФ нет, а ущерб от него колоссальный.

Это лишь один из вариантов использования искусственного интеллекта в целях создания новых преступных сообществ в новых и пока неизвестных нам направлениях преступной деятельности.

Отсюда вытекает, что следствие как вид деятельности, регулируемый современным законодательством, конечно, останется и будет выглядеть таким же через десять и двадцать лет, но оно должно приобрести ещё и совершенно новые черты будущего, которые должны заключаться в том, чтобы за десятилетия вперёд просчитывать ход мысли преступных сообществ и предотвращать их деятельность на дальних подходах. Однако к этому далёкому и, казалось бы, такому невероятно фантастическому сценарию нужно переходить уже сейчас и срочно,

потому что потом будет поздно. Современная же ситуация в науке правоохранительных органов и в Следственном комитете Российской Федерации пока не располагает к такому переходу в связи с отсутствием новой парадигмы государственного и правоохранительного мышления (на десятилетия опережающего преступность), отсутствием соответствующих целей, финансов, кадров и прочего.

В Следственном комитете Российской Федерации проделана работа по изучению искусственного интеллекта в ракурсе криминалистического изучения преступлений – А.А. Бессонов [3]. В свою очередь, М.А. Иващенко обратила внимание на то, что «на сегодняшний день важнейшим вопросом является прогнозирование возможных угроз преступного использования ИИ» [4, с. 16].

Есть данные о том, что пока мы изучаем, в это время идут хорошо профинансированные работы по использованию искусственного интеллекта для преступных целей в масштабах транснациональных корпораций, иностранных разведок и спецслужб, органов и организаций различного профиля и назначения, ведущих с нами гибридную войну давно и профессионально на полях законодательства, экономики, финансов, науки, образования и в других сферах. О масштабах подготовки в области гибридной войны в киберпространстве советник Министра обороны А. Ильиницкий пишет, что США осуществляют инвестиции в технологии электронной войны и искусственного интеллекта, против России развязывается масштабная гибридно-информационная война (прокси-война). Её инициатором выступают США. При поддержке Запада активизируется пятая колонна, сохраняется угроза радикализации как либеральной, так и националистической оппозиции. Цель этой гибридно-информационной прокси-войны состоит в том, чтобы повлиять на моральный дух и сплоченность нации, подорвать, «перенапрячь» экономику, политическую стабильность и волю к развитию, ослабить Российское государство [5]. По данным А. Ильницкого, их финансовые и людские ресурсы таковы: «Для ведения такой войны Пентагоном более десяти лет тому назад под кураторством военной разведки АНБ создано киберкомандование, статус которого ныне повышен до единого боевого. Это 6.000 (официально, по некоторым сведениям, таковых – 18.000) офицеров-интеллектуалов самого высокого технологического оснащения и материального обеспечения! Это настоящая киберармия, готовая воевать. Для «развязывания рук» этой и подобным ей структурам (напомню, американское разведсообщество включает 17 основных разведывательных служб) руководством США декларировано упрощение режима санкционирования кибероперацией, принята на вооружение концепция «перманентной информационной и киберактивности на передовых рубежах» за счёт перенесения борьбы на вражескую (читай Россию) «виртуальную территорию» [6]. Данный силовой, финансовый и организационный фактор противника является важным элементом опасности, который нужно учитывать.

Наша задача состоит в том, чтобы обозначить проблему использования искусственного интеллекта в преступных целях и обратить внимание на необходимость срочно приступить к её решению. Ограничиться инициативным изучением проблемы отдельными авторами и публикациями, значит не сделать ничего перед лицом необычайно мощной, сложной и скрытой угрозы.

Литература

1. Аганбегян А.Е. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222. – № 2. С. – 164–182.
2. Бурынин С.С. Уголовно-процессуальные проблемы противодействия рейдерству // Российский судья. 2019. № 5. С. 30–33. // СПС КонсультантПлюс.
3. Бессонов А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений. Монография. – М.: Проспект, 2021. – 816 с.
4. Искусственный интеллект в управлении следственными органами: монография / [С.С. Бурынин, М.А. Иващенко]; под ред. Ю. А. Цветкова – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 99 с.
5. Ильницкий А. Гибридные войны: вызовы, угрозы, уязвимости // Газета «Завтра». 14:33, 13 апреля 2020, [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/gibridnie_vojni_vizovi_ugrozi_uyazvimosti (дата обращения 16.04.2021).
6. Андрей Ильницкий: Суверенный ответ на глобальные угрозы, [Электронный ресурс]. URL: https://universe-tss.su/main/politika/russia/91843-andrej-ilnickij-suverennyj-otvet-na-globalnye-ugrozy.html (дата обращения 16.04.2021).

В.В. Горский

Психолого-педагогические и нравственно-этические основы деятельности следователя в трудах профессора Г.Ф. Горского

Аннотация. Статья посвящена 50-летию выхода монографии профессора Воронежского государственного университета Геннадия Фёдоровича Горского «Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР». В работе подчеркивается актуальность высказанных полвека назад научных идей и практических предложений по совершенствованию организации и деятельности следственного аппарата на современном этапе развития.

Ключевые слова: следственный аппарат; научная организация труда; педагогика, воспитание, психология, этика в деятельности следователя.

Среди многочисленных направлений, составляющих сферу научных интересов профессора Г.Ф. Горского, особое место занимают работы, посвященные разработке научных основ организации и деятельности следственного аппарата.

В 60-х гг. проводилось немало научных исследований, раскрывающих практическую деятельность следственного аппарата [2; 3; 4; 5; 6], но все они были посвящены в основном исследованию правовых норм, регулирующих практику и организацию деятельности следственных органов, анализу эффективности и особенностям предупредительной работы следственных органов, отдельным институтам предварительного следствия, прокурорскому надзору, теории и прак-

тике доказывания в ходе осуществления расследования по уголовным делам, процессуальному положению следователя и других участников предварительного расследования.

Полвека назад в 1970 г. в издательстве Воронежского университета вышла монография Г.Ф. Горского «Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР» [1]. Ценность данной работы состоит в том, что она поднимала и продолжает поднимать в настоящее время актуальные вопросы, связанные с правовым регулированием в области научной организации труда и управления в следственном аппарате. Автором с правовых позиций проведен научный анализ проблем организации следственного аппарата, подбора, профессиональной подготовки и использования следственных кадров, научной организации труда и управления, социальной роли следственного аппарата в деятельности по борьбе с преступностью, в формировании правовой политики и правосознания, преимуществ внедрения в практику деятельности следственного аппарата новейших достижений науки и техники, предложено правовое регламентирование этого внедрения.

Продолжая исследование данных проблем, Г. Ф. Горский в своих последующих работах (в т. ч. докторской диссертации) отдельно останавливается на изучении психологических основ деятельности следователя, профессиональной этики, педагогики, криминологических и социологических аспектов деятельности следственного аппарата, которые, по мнению ученого, входят в понятие научных основ организации и деятельности следственного аппарата. На рассмотрении данных вопросов остановимся подробнее.

Рассматривая психологические аспекты организации и деятельности следственного аппарата, автор определяет психологическую структуру деятельности следователя и следственного аппарата, психологическую характеристику личности следователя и других участников предварительного расследования, психологические особенности производства отдельных следственных действий и самого процесса доказывания, роль психологических факторов в выполнении задач, стоящих перед предварительным следствием. Большое практическое значение, по мнению Г.Ф. Горского, имеют психологические аспекты исследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, способа совершения преступлений, мотива преступлений.

Особое внимание Г.Ф. Горский уделял психологическим особенностям взаимоотношений следователя с другими участниками следственного производства (оперативными сотрудниками, членами следственных бригад, прокурором, экспертами, специалистами, обвиняемым, защитником и др.)

Среди психологических особенностей взаимоотношений следователя с другими участниками следственного производства более подробному анализу подвергнуты психологическая диагностика причастности обвиняемого к преступлению, прогноз поведения, характера и степени противодействия обвиняемого мероприятиям следствия, работа в условиях ограниченной и противоречивой информации, диагностика и мотивация лжи и ложных признаний, психологический выбор моментов производства отдельных следственных действий, коллизии оценок данных расследования следователем, прокурором, защитником, экспер-

том, соотношение типовых рекомендаций тактики и методики расследования и индивидуального стиля работы следователей, психологическое влияние организации и процессуальной процедуры расследования, атмосферы следственного производства.

Исследуя этические аспекты в научной организации труда и управления в следственном аппарате, Г.Ф. Горский предложил разделить задачи профессиональной следственной этики на четыре основные группы: вытекающие из специфики профессионально-групповой принадлежности; особенностей взаимоотношений с участниками уголовно-процессуальной деятельности; осуществления доказывания; деятельности по управлению следственным аппаратом. Автор подверг специальному анализу вопросы об этических обязанностях следователя в отношении обвиняемого, о правовой и моральной оценке преступления, об этическом подходе к личности свидетеля, об использовании в доказывании нравственных источников доказательств. Все основные этические качества личности и следственной деятельности генерируются автором в обобщенном понятии следственного такта.

Г.Ф. Горский отмечает, что профессиональная этика является мощным противодействием к возникновению профессиональных деформаций у следователя, включая такие крайности, как подозрительность, черствость, подсознательная склонность к более быстрому восприятию изобличающих обстоятельств, ошибки односторонности и предвзятости, равнодушия к людским судьбам, переживаниям, чувствам. Этика противодействует косности и рутине, она предопределяет творческий подход к делу, глубину анализа, исключает ремесленные шаблоны и штампы в расследовании, применении закона, оценки деятельности отдельных людей.

В научной организации труда и управлении узкопрофильными коллективами, особенно такими, которые выполняют сложные социально-политические задачи, важное значение, по мнению Г.Ф. Горского, приобретают этические проблемы управления людьми-профессионалами, изучение факторов их поведения, трудовой, политической, духовной активности. В связи с чем, автор освещает вопросы создания нравственного климата в следственном коллективе, этики профессионального поведения в служебной и неслужебной сфере, кодификации этических правил.

Автор особо отмечает, что специфическую часть предмета профессиональной этики составляют оценка труда самими следователями, общественным мнением, анализ и уяснение нравственных принципов предварительного расследования и этических оснований применения норм права и тактических приемов расследования, влияния этики на обеспечение процессуальной и служебной дисциплины и ответственности работников следственного аппарата.

Говоря о педагогических аспектах в научной организации труда и управления в следственном аппарате, Г.Ф. Горский подчеркивает, что воспитательная функция предварительного следствия – это одна из самых сложных и трудоемких, малозаметных и не скоро ощутимых функций следственной деятельности. Большое практическое значение имеет раскрытие конкретных методов осуществления воспитательной деятельности следователя и элементов педагогиче-

ского потенциала следственного аппарата. Данный вопрос, указывает автор, имеет самое непосредственное отношение к научной организации труда и управления, ибо воспитание невозможно осуществить без хорошей организации следственного дела. Полнота и объективность, оперативность и качество расследования по конкретным делам в сочетании с высоким уровнем культуры, деловой квалификации, юридических знаний и политической зрелости кадров следственного аппарата в значительной мере определяют воспитательную роль предварительного следствия.

Г.Ф. Горский акцентирует внимание читателей на том, что воспитательная функция, осуществляемая следователем, имеет двойственный характер. Она заключается в обеспечении процесса воспитания и перевоспитания самого обвиняемого в ходе производства отдельных следственных действий и предварительного расследования в целом, в воспитательном воздействии на других лиц с целью укрепления правопорядка, законности, морали, предупреждения возможных эксцессов и правонарушений.

Названные положения, безусловно, не потеряли своей актуальности и по сей день. Профессиональная подготовка современных следователей не может считаться полноценной, если в ее содержание не входит изучение педагогических, психологических и этических основ деятельности следователя, научной организации труда и управления в следственном аппарате.

Литература

1. *Горский Г.Ф.* Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970. 208 с.
2. *Звирбуль В.К.* Деятельность следователя по предупреждению преступлений: дис. канд. юрид наук. М., 1963. 196 с.
3. *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами. М., 1966. 156 с.
4. *Михайлов В.А.* Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 1968. 346 с.
5. *Онищук З.М.* Следователь в советском уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. Харьков, 1964. 302 с.
6. *Сманов К. Д.* Сущность и значение предварительного следствия в советском уголовном процессе:. дис. канд. юрид наук. М., 1965. 274 с.

Е.О. Игонина

Роль науки в практической деятельности следователя

Аннотация. Проблема снижения качества предварительного следствия и эффективности следственных действий свидетельствует о поверхностном изучении научных основ практическими работниками, в чьи задачи входит своевременное раскрытие и всестороннее расследование преступлений. Научные рекомендации обладают высокой практической значимостью, поскольку повышают эффективность деятельности компетентных органов в сфере предварительного следствия. Следственная работа складыва-

ется из междисциплинарного взаимодействия наук. Высоким профессионализмом отличаются следователи, ориентированные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения.

Ключевые слова: эффективность, наука, научная деятельность, следователь, расследование преступлений, уголовное дело.

На сегодняшний день криминализация общества увеличивается, о чем свидетельствуют возрастающие статистические показатели – коэффициенты преступности[1], соответственно первостепенной задачей правоохранительных органов является обеспечение интенсификации деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений. Проблема эффективности предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации в первую очередь определяется необходимостью достижения поставленных задач, установленных ст. 4 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ[2].

Опыт работы российских следователей в последние десятилетия свидетельствует о трудностях различного плана – информационных, материально-технических, правовых, управленческих и организационных, возникающих в борьбе с преступностью. Это обстоятельство актуализирует исследование проблем научной организации деятельности следователя, которая аккумулирует в себе вышеперечисленные аспекты [3, 129].

Оперативное раскрытие и качественное расследование преступлений – основные задачи, поставленные перед сотрудниками следственных органов. Цель науки – повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений с использованием максимальной ресурсной способности сотрудников.

Организация расследования и раскрытия преступлений представляет собой сложную и многоаспектную деятельность, обладающую межотраслевым характером. Говорить о единственном верном научном направлении, способствующем реализации вышеуказанных функций, представляется ошибочным, поскольку каждая наука отражает специфическую область знаний, которая при правильной оценке и анализе может быть продуктивно использована в следственной работе.

В рамках реализации вышеуказанных функций практическими работниками значительное внимание уделяется уголовному праву, являющемуся отраслью материального права, и уголовному процессуальному праву, регулирующему процессуальный порядок предварительного следствия и уголовного судопроизводства, исполнение норм материального права. При этом следующими по практической значимости следуют криминалистика и криминология, являясь юридическими науками они не только верно служат материальному и процессуальному праву, но и тесно взаимодействуют друг с другом. Криминалистика применяет аккумулированные данные криминологии о состоянии преступности, спосо-

---

[1] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения 19.03.2021)

[2] Федеральный закон от 28.12.2020 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Режим доступа: consultant.ru КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2021 (дата обращения: 19.03.2021).

бах совершения и об особенностях личности преступника. Предупреждение преступлений является одним из ведущих направлений криминологических исследований. Учение криминологии о предупреждении преступности активно используется следователями в практической деятельности. Индивидуальная профилактика совершения преступлений является одной из наиболее эффективной разновидности предупредительной деятельности. Тактически правильная построенная методика и своевременность проведения предупредительных мероприятий – одна из гарантий недопущения роста общественно-опасных преступных посягательств относительно защищаемых государством общественных отношений.

Достижения неюридических наук, таких как логика, статистика, социология, философия, психология, психиатрия, этика, также активно используются сотрудниками следственных органов при организации расследования преступлений. Например, криминалистическая тактика раскрывает вопрос планирования следственных действий, особенности планирования расследования отдельных видов преступлений и работу следователя в целом. Однако, вопрос планирования далеко не исчерпывается криминалистическим учением о планировании расследования, также упорядочиванием текущих и долгосрочных планов, последовательностью внедрения стратегических решений занимается логика стратегического планирования. Логика и следственная практика находятся в одной плоскости, поскольку зачастую в следственной работе при раскрытии преступлений следователями используется следующие логические методы: анализ, синтез, абстракция, дедукция, индукция, аналогия, гипотеза, моделирование.

Рациональный порядок использования системы научных знаний в следственной работе включает в себя тесное взаимодействие гуманитарных, естественных, социальных и технических наук, которое является одной из важных составляющих эффективности следственной деятельности.

На сегодняшний день активно развивающаяся научная деятельность прогрессирует не в ущерб практической деятельности следователей. В свою очередь практика является источником научного познания, его движущей силой. Практическая следственная деятельность дает познавательной (научной) деятельности необходимый фактический материал, подлежащий обобщению и теоретической обработке. Следственная практика и научные исследования находятся в тесной взаимосвязи, взаимное влияние способствует обогащению научных исследований, в то время как последние способствуют повышению качества следствия.

При оценке эффективности качества следственной деятельности недостаточно исходить из одной лишь констатации факта взаимосвязи научной и практической деятельности. В большинстве случаев качество расследования определяется профессиональными и личностными качествами следователя. Следователь должен обладать комплексом навыков, позволяющих ему проанализировать ситуацию, смоделировать преступление и раскрыть его. Процесс раскрытия преступления и установления личности правонарушителя зависит от уровня квалификации, профессиональных качеств и опыта следователя. Человек, занимающий эту должность, должен обладать такими интеллектуальными и психологи-

ческими качествами как стрессоустойчивость, самоорганизованность, дисциплинированность, ответственность, находчивость, умение анализировать, практическим мышлением.

Постоянное совершенствование своих знаний и повышение своего профессионального уровня, изучение научной литературы способствуют применению полученного знания в рабочей деятельности, в результате чего повышается квалификация сотрудника. Высокий уровень знаний и навыков способствуют профессионализму. Укоренившийся профессионализм каждого сотрудника ведомства способствует упорядочиванию деятельности, укреплению взаимодействия структурных элементов и как следствие отработанному механизму привлечения к уголовной ответственности виновных лиц в разумные сроки.

Профессионалы своего дела, как правило следователи с большим стажем и опытом следственной работы, относятся к следственной работе как к творческому процессу. Расследование – это искусство мыслить в нужном направлении и реализовывать задуманное. Но расследование – это особое искусство, так как оно впитало в себя достижения права, криминалистики, психологии, логики, риторики, этики, а также методов воздействия на личность [1, 11].

В следственной работе личность следователя, его знания, проницательность и эрудиция имеют решающее значение. Влияние личности следователя особенно велико и существенно уже потому, что расследование включает в себя межличностные отношения, индивидуальный облик следователя, чутье, интуицию, находчивость, такт и многие другие субъективные качества, которые выступают как реальные и действенные факторы юридического познания [2, 392].

Расследование уголовного дела – творческий процесс, поскольку не существует алгоритма проведения следственных действий по каждому конкретному уголовному делу. Следователь процессуально независим, он самостоятельно определяет порядок проведения следственных действий, тактику проведения допросов, порядок назначения экспертиз, самостоятельно ставит вопросы экспертам, исходя из своего опыта и уровня компетенции.

В различных ситуациях расследования, особенно носящих проблемный характер, следователь должен постоянно искать новые приемы и способы действия, что и придает его работе ярко выраженный творческий характер [4, 72].

Следует отметить, что суммирование знаний из различных наук и обобщение теоретических положений, позволяет интегрировать полученные знания в учение об организации расследования преступлений, которое в свою очередь позволяет практическому работнику владеть информацией о методиках и тактиках расследования преступлений, приемах и способах проведения следственных действий и применять их в практической деятельности.

Работа следователя не ограничивается уголовным и уголовно-процессуальным правом. Расследуя определенное уголовное дело, следователь изучает все обстоятельства совершения преступления, читает профильную литературу, методические рекомендации, касающиеся обстоятельств доказывания, труды научных работников. Опытный следователь – специалист широкого профиля. Например, при расследовании преступлений, совершаемых медицинскими работниками, междисциплинарный характер причинной связи, обязательной

для установления в данной категории дел, требует обращения следователя не только к юридической литературе, но и медицинской, а также основам философского учения о понимании причинно-следственной связи. Идентичное понимание причинно-следственной связи между следственными органами, экспертными учреждениями, судейским и научным сообществами отсутствует, что способствует ее широкому толкованию и дифференциации в понимании различными субъектами правоприменительной деятельности.

Любое уголовное дело – это результат противостояния следователя и защитника, где побеждает тот, чьи научные познания, навыки и опыт будут более мастерски сложены. В случае причастности лица к совершению преступления, но за недоказанностью его вины в виду неполного и вероятностного знания, лицо освобождается судом от уголовной ответственности и наказания.

Нам представляется, что фундамент успеха следственной работы закладывается планированием и оптимизацией трудовой деятельности с учетом мультинаучности и многоаспектности научного знания. Комплексный подход, в основе которого – научная организация деятельности и междисциплинарный характер следственной работы, позволит обеспечить эффективное расследование уголовных дел, и как результат – гарантировать обеспечение прав и свобод граждан.

Литература

1. *Боруленков Ю.П.* Расследование как искусство // Российский следователь. 2014. № 14. С. 10-13.
2. *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014, 392с.
3. *Можаева И.П.* Научная организация деятельности следователя: понятие и сущность // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1. С. 129-134.
4. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001. С. 72

Ю.Ф. Каменецкий

Задачи следственной профилактики

Аннотация. Рассмотрены сущность и содержание задач следственной профилактики, определены существующие между ними взаимосвязи, предложены рекомендации по их реализации, позволяющие оптимизировать профилактическую работу следователя и иных звеньев Следственного комитета Республики Беларусь, осуществляющих указанную деятельность. Предложен авторский подход к систематизации задач следственной профилактики, позволивший выделить их группы: правового регулирования, организационно-правовые и тактические.

Ключевые слова: задачи профилактики, следственная профилактика, следственная деятельность, предотвращение преступления, предупреждение общественно опасных явлений.

Задачи следственной профилактики (далее – СП), несмотря на свою значимость для теории и практики криминалистики, не подвергались комплексному исследованию применительно к современным реалиям [1, с. 19–22; 2, с. 16–17, 19; 5, с. 10–11; 6, с. 246–255; 7, с. 44–46; 8, с. 40–43; 11, с. 20–22].

В толковых словарях задача определена как то, что требует исполнения, решения [10]; вопрос, требующий нахождения решения по известным данным с соблюдением определенных условий [4]. Применительно к СП, которая является деятельностью людей, задача представляет собой разновидность установки, предваряющей и определяющей развертывание, воплощение в жизнь соответствующей психической деятельности следователей и иных ее субъектов. Она обеспечивает поиск решения следующих групп проблем: правового регулирования; организационно-правовых и тактических.

Для разрешения правовых проблем СП следует сформировать группу задач правового регулирования, обеспечивающую формирование правовых основ СП и оперативное совершенствование законодательства по устранению детерминант преступлений.

Безусловно, к основным задачам указанной группы следует отнести *мониторинг и разработку эффективного правового регулирования СП* как разновидности следственной деятельности, ее основ, базирующихся на соответствующих концепции и принципах. Выполнение указанной задачи направлено не только на определение роли и значения принципов уголовного права и уголовного процесса для теории и практики СП, но и закрепление правовых основ реализации профилактической функции в законодательстве о Следственном комитете. Мониторинг правового регулирования СП на системной основе обеспечивает повышение эффективности ее реализации посредством поиска и обеспечения следователей и иных субъектов СП продуктивным правовым инструментарием с учетом изменений общественных отношений в данной сфере.

Мониторинг и совершенствование законодательства по предотвращению преступлений, недопущению проявления новых и ликвидации существующих угроз правомерному поведению как одна из задач правового регулирования СП направлена на формирование правовой культуры, правосознания, обеспечение общей профилактики, выработку организационно-практических и законодательных мер предупреждения преступлений. Одним из результатов решения такой задачи является деятельность Следственного комитета по совершенствованию норм уголовного, административного и иного законодательства, введению ответственности за совершение деяний, которые при определенных обстоятельствах могут стать условием для наступления серьезных общественно опасных последствий, с которыми следователи сталкиваются в ходе ежедневной деятельности. Например, по инициативе Следственного комитета на основании практики расследования ряда уголовных дел и рассмотрения материалов проверок в уголовное законодательство введена ответственность за пропаганду к самоубийству в Интернете.

Организационно-правовые проблемы конкретизируются посредством одноименных задач, формирующих создание, функционирование и оценку эффективности деятельности системы субъектов СП.

Исходной задачей СП для указанной группы выступает организация системы субъектов СП, включающая определение ее звеньев, их компетенции и координацию их деятельности. Данная задача предполагает определение иерархически структурированной, дифференцированной по объему компетенций совокупности органов и подразделений Следственного комитета, их взаимосвязанных уровней и субъектов. Другими словами, она обеспечивает построение целой системы субъектов, реализующих СП, распределение прав и обязанностей между ними, роли каждого из субъектов в реализации профилактической деятельности.

Функционирование СП предполагает создание системы процессуального, методического, контрольно-организационного обеспечения. Данная задача направлена на разработку научно-теоретических и прикладных рекомендаций по оптимизации субординационных и функциональных связей между субъектами СП.

Одним из важнейших средств координации эффективного управления системой реализации СП является оценка и анализ эффективности СП. Указанная задача направлена на выработку единых подходов к разработке и оценке профилактической деятельности ее субъектов, повышению эффективности и оптимизации их результатов.

Тактические проблемы связаны с осуществлением, реализацией СП в ходе производства предварительного расследования. На разрешение этих проблем направлены тактические задачи, обеспечивающие эффективный поиск детерминант и профилактическое реагирование на них непосредственно в ходе досудебного уголовного производства.

Для осуществления такой деятельности практические сотрудники нуждаются в научно обоснованных комплексных рекомендациях, включающих *определение следственных ситуаций, которые требуют проведения профилактических мероприятий*. С одной стороны, накопленный практикой опыт следственной работы является основой для систематизации и выработки типичных следственных ситуаций в данной сфере, с другой – нуждается в глубоком научном осмыслении и проработке. Задача СП заключается в установлении существенных компонентов следственной ситуации, позволяющих раскрыть ее сущность, вычленить важные моменты, влияющие на определение дальнейших мер профилактического реагирования.

На основании типичных следственных ситуаций, требующих проведения профилактических мероприятий, решается тактическая задача по *выдвижению профилактических версий и планированию профилактической деятельности*. Следователь на протяжении всего досудебного уголовного производства должен уметь не только выдвигать комплекс версий о детерминантах расследуемого события, но и планировать проведение конкретных процессуальных и следственных действий, направленных на их проверку, что является неотъемлемой частью общего планирования расследования по уголовному делу.

Наиболее сложной тактической задачей СП является *поиск типичных следов преступления, обеспечивающих профилактическую работу*. Как обоснованно указывает А.Е. Гучок: «Модель развития преступления наряду с традиционно рассматриваемыми этапами должна включать стадию проявления определенных,

обусловленных фактов и условий, способных стимулировать формирование материальной структуры преступления» [3, с. 202]. Следовательно, актуальной проблемой является установление типичных следов преступления, образованных на указанной стадии. В то же время соответствующего развития данное научное направление в криминалистике не получило, а следственная практика остается без рекомендаций по оптимальному поиску типичных следов, указывающих на причины и условия, способствующие преступлению. В связи с этим решение указанной задачи тесным образом связано с научным и методическим обеспечением СП.

Следовая картина, свидетельствующая о детерминантах преступления, обеспечивает реализацию такой задачи СП, как *принятие следователем тактических решений по осуществлению СП.* Обусловлено это тем, что следователь принимает конкретные профилактические меры, исходя из собранных доказательств по уголовному делу. При этом он выбирает наиболее приемлемый и эффективный вариант из комплекса криминалистических средств и методов.

Реализация профилактического решения следователя обеспечивается посредством *выработки и применения на практике совокупности соответствующих форм и методов СП*. В этом плане указанная задача может быть реализована посредством внедрения научно обоснованных рекомендаций по обеспечению процессуального руководства принятием процессуальных решений, оптимизации избрания мер пресечения, оперативности наложения ареста на имущество, возмещения ущерба, применения новых средств устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что задачи СП представляют собой разновидность установки, предваряющей и определяющей развертывание, воплощение в жизнь соответствующей психической деятельности следователей и иных ее субъектов. Исходя из проблем СП данные задачи классифицировать на задачи правового регулирования, организационно-правовые и тактические. К задачам *правового регулирования* СП относятся мониторинг и разработка эффективного правового регулирования СП (концепция, принципы деятельности); мониторинг и совершенствование законодательства по предотвращению преступлений, недопущению проявления новых и ликвидации существующих угроз; к *организационно-правовым* задачам СП – организация системы субъектов СП (определение их компетенции; координация их деятельности); обеспечение функционирования системы субъектов СП (создание системы процессуального, методического, контрольно-организационного обеспечения; координация эффективного управления системой реализации СП (оценка и анализ эффективности СП); к *тактическим* задачам СП – выдвижение профилактических версий и планирование профилактической деятельности; определение следственных ситуаций, которые требуют проведения профилактических мероприятий; поиск типичных следов преступления, обеспечивающих профилактическую работу; принятие следователем тактических решений по осуществлению СП; выработка и применение эффективных форм и методов СП.

Литература

1. Андреев, И.С. Профилактическая деятельность следователя при расследовании дорожно-транспортных происшествий: дис. … канд. юрид. наук / И.С. Андреев. – Минск, 1982. – 220 л.
2. Веренчиков, И.Р. Профилактическая деятельность следователя: криминалистический аспект : дис. … канд. юрид. наук / И. Р. Веренчиков. – Минск, 1990. – 164 л.
3. Гучок, А.Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления: дис. … д-ра. юрид. наук / А.Е. Гучок. – Минск, 2014. – 254 л.
4. Ефремова, Т.Ф. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.efremova.info/word/zadacha.html. – Дата доступа: 18.04.2019.
5. Зарипов, З.С. Профилактическая функция следственных подразделений органов внутренних дел : учеб. пособие / З. С. Зарипов. – Ташкент : ТВШ МВД СССР, 1980. – 68 с.
6. Иванов, И.И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояние, перспективы) : дис. … д-ра юрид. наук / И.И. Иванов. – СПб., 2004. – 418 л.
7. Лопушанский, Ф.А. Следственная профилактика преступлений: опыт, проблемы, решения / А. Ф. Лопушанский. – Киев : Наук. думка, 1980. – 212 с.
8. Махтаев, М.Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: монография. – М., 2001. – 272 с.
9. Махтаев, М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений : дис. … д-ра юрид. наук / М. Ш. Махтаев. – М., 2001. – 472 л.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под.ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : Изд.-во АСТ : Мир и Образование, 2017. – 736 с.
11. Сидорик, П. Н. Профилактическая деятельность следователя по делам несовершеннолетних : дис. … канд. юрид. наук / П. Н. Сидорик. – Минск, 1988. – 194 л.

В.Н. Карагодин

Влияние цифровизации на следственную деятельность

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния цифровизации на качественные изменения преступности в нашей стране, на использование в преступной и посткриминальной деятельности цифровых технологий. Подобные изменения обусловливают специфику механизма следообразования названных видов деятельности, которая должна учитываться в теории и практике предварительного расследования.

Ключевые слова: компьютерные преступления, социальные сети, цифровые следы, автоматизация поисковой и организационной деятельности следователя.

Как известно, плоды человеческого прогресса некоторые субъекты используют не только во благо, но и во вред окружающим. Так и новейшие цифровые технологии стали применяться в преступной деятельности. Выделяются посягательства, в способах которых действия по реализации названных технологии являются основным элементом. Эти действия обоснованно делятся на связанные с получением неправомерного доступа к компьютерной информации, последующим извлечением её и использование в корыстных или иных целях; фальсификацией данных и передачей распоряжений по незаконному использованию программного продукта, находящегося в ведении других лиц, и т.п. [3, с. 30]

Можно выделить действия по сбору различной информации, необходимой для выбора и реализации конкретного способа посягательства. Это может быть использование электронных средств слежения за потенциальной жертвой вымогательства, мошенничества, убийства, иных видов преступлений. Для подбора жертвы преступления, могут изучаться сведения, размещённые в различных базах, данных, обсуждаемые в частной переписке на форумах. Кроме того, некоторые субъекты вступают в контакт с другими пользователями электронной связи, оказывают на них манипулятивное воздействие, чтобы добиться поведения, предусмотренного преступной целью.

Компьютерная информация изучается и для собирания сведений об обстановке, в которой планируется совершение преступления. В ряде случаев для этого необязательно посещать участки местности, здания, помещения, намеченные для совершения преступления. Достаточно ознакомиться с размещаемыми в электронных сетях и СМИ рекламными роликами, публикациями об указанных объектах, а также с материалами осуществляемого поблизости видеонаблюдения.

Анализируемые технологии применяются и при реализации основного элемента способа преступления - действий, непосредственно направленных на достижение цели посягательства.

Эти действия по передаче информации с целью оказания воздействия на людей, управления определенными процессами, завладения денежными средствами, причинения вреда в электронной среде и т.п.

Цифровые средства и технологии могут использоваться для фиксации обстоятельств преступного события, а также для передачи вербальной, письменной, фото, видеоинформации о совершаемом преступлении.

Конечно же цифровые технологии используются и для сокрытия, совершаемого или оконченного преступления.

Широкое распространение получили разнообразные методы сокрытия причастности к совершаемому и оконченному преступлению конкретных лиц. Виртуальная среда, позволяет сохранять в тайне данные о личности его участников. Эти благоприятные для уклонения от уголовной ответственности обстоятельства используются и субъектами преступлений рассматриваемого вида. Кроме того, они реализуют и другие довольно многочисленные и разнообразные приёмы и способы сокрытия преступлений [1, с. 79-81].

В научно-методической литературе практически не упоминается о возможности использования цифровых технологий для оказания противодействия расследованию в посткриминальный период. Прежде всего, некоторые субъекты противодействия стремятся получать в электронных сетях и СМИ информацию о ходе и направлении расследования, степени осведомленности следствия об обстоятельствах преступления.

Достаточно широкое распространение получило использование анализируемых технологий неправомерного давления на следователей, органы расследования и прокурорского надзора с целью принятия ими незаконных и необоснованных решений по уголовным делам о резонансных преступлениях. Реализация подобных способов противодействия заключается в дезинформации пользователей электронными сетями и СМИ относительно обстоятельств и характера расследуемого деяния, необоснованности привлечения в качестве подозреваемого (обвиняемого), нарушений, якобы допускаемых органами расследования, возможной причастности к преступлению других лиц.

Подобное использование цифровых технологий субъектами преступлений и лицами им содействующими в оказание противодействия досудебному производству потребовали от следствия ответных шагов. Нельзя не признать, что органы расследования в целом успешно справились с задачей разработки и освоения методик расследования преступлений, связанных с использованием цифровых технологий, приёмов и средств собирания, проверки и оценки доказательств о такого рода преступлениях. При этом нужно заметить, что в ряде случаев органам расследования приходилось и сейчас приходится действовать в условиях отсутствия продуктивных рекомендаций по преодолению проблем, возникающих в реальных ситуациях.

В современных условиях важное значение приобретает своевременное реагирование на появление новых видов и способов преступлений рассматриваемой группы. В этих целях необходимо, прежде всего, своевременное информирование представителей теории и практики расследования о появлении новых видов указанных посягательств. Целесообразно создание баз данных о такого рода преступлениях с обеспечением доступа к ним учёных, ведущих исследования в этом направлении, и следователей, осуществляющих производство по уголовным делам о подобных фактах.

Существующая в настоящее время база данных учетов преступлений в том числе по способу их совершения не дает возможности получения всей необходимой информации. К сожалению, объём обобщаемых в указанных учетах сведений недостаточен для использования в теоретических исследованиях и практике расследования преступлений.

Автоматизированные базы данных могли бы формироваться путем сплошного перевода в цифровую форму всех материалов уголовных дел о названных деяниях и хранении в специальных массивах уполномоченных государственных органов. При необходимости эта информация могла бы обрабатываться и извлекаться в соответствии с потребностями теоретического исследования или расследования в реальной ситуации.

Как уже упоминалось с серьезными трудностями сталкиваются следователи и субъекты оперативно-розыскной деятельности при установлении неизвестных субъектов преступлений такого рода.

В настоящее время имеются примеры использования средств компьютерной техники для выявления неустановленного субъекта преступления. Однако в большинстве случаев они используются лишь как носитель искомых данных или как средство передачи информации с целью склонения субъекта к выполнению действий, которые его разоблачат.

Например, сотрудники оперативно-розыскных органов осуществляют мониторинг информации, размещенной в сетях с целью выявления объявлений о реализации наркотиков. Обычно та или иная информация размещается на определенных сайтах и в мессенджерах. Мониторинг осуществляется путем просмотра всех имеющихся объявлений. При обнаружении признаков зашифрованного сообщения, оперативный работник от имени приобретателя вступает в переписку с дистрибьютором.

Одновременно проводится снятие информации с технических каналов, принимаются меры к установлению логинов, паролей, mac-адресов владельца компьютера, используемого для переписки. Затем принимаются меры к установлению места, где расположены указанное средство и лица, которые им пользовались. За ними, а также за местами закладок и наркотических средств, денег за их приобретение организовывается наблюдение. Субъекты, извлекшие названные объекты, задерживаются.

Иногда оперативные сотрудники размещают объявления о реализации запрещенных объектов в целях задержания скупщиков и реализаторов значительных по объему партий. Содержание иных элементов этой операции не отличается от ранее описанной.

Объединяет эти операции то, что компьютерная техника используется в качестве вспомогательного средства связи. Основной же функцией ЭВМ является решение познавательных задач, поиск релевантной для раскрытия и расследования преступлений информации.

Представляется, что в следственной практике назрела потребность в автоматизированных поисковых средствах, позволяющих обнаруживать и отбирать имеющиеся в электронных сетях данные релевантные для уголовного судопроизводства. В настоящее время для обнаружения признаков преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники, используются в основном обычный мониторинг. При этом следователь сам определяет границы поисков, то есть сайты, чаты, форумы, на которых может содержаться интересующая его информация. Указанные границы определяются произвольно без учета данных об особенностях поведения и свойствах личности субъекта преступления. При проведении поисков подобным образом велика вероятность того, что останутся непроверенными разделы электронных сетей, содержащие искомую информацию.

Кроме того, такой метод отличается значительной степенью субъективности. Следователь, отбирая информацию, руководствуется исключительно личными представлениями о признаках искомых объектов. Программа автоматизирован-

ного отбора, несомненно, должна основываться на гораздо большем массиве изученных признаков искомых объектов.

Оптимальным вариантом выглядит разработка программ автоматизированного поиска, не требующего постоянного визуального контроля субъекта, его осуществляющего.

По сути своей автоматизированный поиск представляет собой распознавание текстовых, графических, звуковых, вербальных, смысловых и иных образов фиксируемых, хранящихся, обрабатываемых, передаваемых и воспроизводимых с помощью цифровых технологий [2, с. 126].

Разработка программ автоматизированного поиска требует совместных усилий специалистов в области программирования, теории криминалистики и практических работников расследования.

На первом этапе возможно создание программ выявление признаков отдельных видов преступлений, способов и субъектов их совершения. Наверное, начинать нужно с разработки программ, которые могут использоваться в ходе расследования наиболее распространенных и сложных для раскрытия преступлений. Эти программы должны быть гибкими, позволять осуществлять поиски искомых объектов по различным признакам, проверки вывода об обнаруженном совпадении.

Ещё более острая потребность ощущается во внедрении современных цифровых технологий в организационную деятельность следователя. Эти технологии используются достаточно большим количеством следователей и сейчас. Так, значительная их часть использует компьютерную технику для календарного планирования, хранения печатных форм бланков процессуальных документов, составления, размножения протоколов следственных действий, процессуальных актов и иной служебной документации.

Оптимальным вариантом внедрения цифровых технологий в организацию труда следователя является создание для него автоматизированного рабочего места [4, с. 21]. Представляется, что в АРМ должен быть нормативно-правовой раздел, содержащий данные об уголовно-правовой характеристике отдельных деяний, особенностях их квалификации, судебной практике рассмотрения уголовных дел об отдельных видах преступлений, а также сведения об уголовно-процессуальных правилах проведения отдельных видов процессуальных действий, типичных проблемах, возникающих при их реализации и т.п.

В этом же разделе целесообразно размещение правовых актов, регламентирующих порядок прохождения службы. Возможно наполнение и другими данными о нормативном регулировании деятельности следователя в целом и отдельных ее направлений.

Во втором разделе возможно размещение научно-методических материалов, содержащих практические рекомендации по проведению отдельных следственных действий в условиях различных ситуаций, а также по осуществлению расследования отдельных видов преступлений и т.п.

Третий раздел целесообразно предназначить для оказания помощи следователю в оценке сложившейся ситуации, построении и планировании проверки версий, выполнения поисковых мероприятий.

Наконец, должен быть и раздел, предназначенный для оказания следователю помощи в выполнении организационных и вспомогательных мероприятий: по планированию, контролю за исполнением намеченных планов, составлению процессуальных документов и т.п.

Возможно выделение и других разделов, и функций АРМ следователя.

Изложенные предложения конечно же не исчерпывают всех возможностей цифровизации следствия, но представляются не только более актуальными, но и выполнимыми в ближайшее время.

Литература

1. Бутенко О.С. Методы сокрытия криминалистически значимой информации с использованием ЭВМ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Сб. научн. Трудов. Выпуск 2. / Под ред. Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина. М. 2013. С. 78-82.
2. Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции. В 3 частях. – Часть 3. М., 2019. – 448 с.;
3. Россинская Е.Р. Проблемы собирания криминалистически значимой информации при расследовании некоторых серийных преступлений и преступлений прошлых лет / Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной научно-практической конференции. (Москва, 16 марта 2017 года) / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2017. С. 28-33.
4. Электронные носители информации в криминалистике: монография / под ред. докт. юрид. наук О.С. Кучина. М., 2017. – 300 с.

А.С. Колесова

Становление и развитие военно-юридического образования в России

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию военно-юридического образования в России в разные временные этапы. В ней рассматривается исторический очерк начала специального юридического образования в России. История становления и развития военно-юридического образования в России насчитывает почти 150 лет. Раскрываются определенные этапы его зарождения.

Ключевые слова: юридическое образование, армия, учебное заведение, офицер, военные прокуроры, военный юрист, военная юстиция, судебное право, расследовать, военно-юридическое образование.

Начало процесса становления и развития военно-юридического образования в России было обусловлено появлением в XVIII веке регулярной армии и флота, и учреждением в связи с этим специальных военных судов. Для надлежащего исполнения должностей аудиторов, войсковых фискалов и прокуроров требовалось юридическое образование и умение расследовать воинские преступления.

Начало военно-юридическому образованию в России было положено созданием самостоятельного учебного заведения для подготовки военных юристов – Аудиторской школы, которая была преобразована в Аудиторское училище[1].

Подготовка юридически образованных офицеров начала осуществляться в офицерских классах при Аудиторском училище, которое было переименовано в Военно-юридическое училище. А офицерские классы были переименованы в академию, однако академия еще не получила организационной самостоятельности и продолжала находиться при Военно-юридическом училище [5, с. 25].

На основании Положения, утвержденного Александром II, была создана Военно-юридическая академия для военных и гражданских слушателей с 3х-летним сроком обучения. Одновременно было упразднено Военно-юридическое училище.

С приходом в марте 1911 года к руководству Главного военно-судного управления генерал-лейтенанта Макаренко Александра Сергеевича центральный аппарат, военные прокуроры и следователи на местах стали больше уделять внимание методике и тактике расследования и предупреждения преступлений, использованию научных познаний, специальных приемов и средств для сбора, фиксации и исследования доказательств.

С этой же целью впервые в России в Александровской Военно-юридической академии создается самостоятельная кафедра уголовной техники и с 1911 года начинает преподаваться курс «Уголовной техники, научно-технических приемов расследования преступлений».

Непростой была судьба военно-юридического образования после 1917 г. После декрета о создании Красной Армии, при Народном Комиссариате по военным делам в 1918 г. было образовано Главное управление военно-учебных заведений. В отношении Александровской военно-юридической академии немедленно последовали самые решительные меры. Народный комиссар по военным делам уведомил начальника Главного военно-судного управления – Главного военного прокурора Апушкина В.А. об упразднении Александровской военно-юридической академии.

В годы гражданской войны отсутствовали какие-либо специальные школы или курсы для подготовки советских военных юристов. В то время как для подготовки других кадров Красной Армии даже в самые напряженные дни гражданской войны создавались различные школы и курсы, а для подготовки военных юристов ничего не было организовано, хотя почти весь состав реввоентрибуналов и военных следователей не имел специальной юридической подготовки.

Этот пробел в организации советской военной юстиции, хотя бы частично восполняла такая форма обмена опытом и подготовки кадров, как введение специального института практикантов военных следователей. Например, в 1919 г. на Восточном фронте впервые была организована подготовка работников органов военной юстиции в виде создания института практикантов военных следователей. Приказом Реввоенсовета Восточного фронта № 851-1919 г. при следственной части реввоентрибунала фронта была учреждена подготовительная

[1] Положение о Аудиторской школе от 26 марта 1832 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. VII. № 5253, № 5731.

практическая школа военных следователей и было утверждено специальное положение об этой школе.

Школа состояла из практикантов при военных следователях реввоентрибунала, которые назывались помощниками военных следователей. Срок подготовки был установлен 3-х месячный, при этом первые два месяца помощник военного следователя работал под непосредственным наблюдением военного следователя, к которому он был прикомандирован. По истечении двух месяцев помощник военного следователя работал уже самостоятельно, под непосредственным руководством заведующего следственной частью реввоентрибунала фронта. Кроме практической работы по расследованию отдельных уголовных дел под руководством военных следователей, для помощников военных следователей было организовано чтение лекций по судопроизводству, по вопросам следственного производства и судебного разбирательства [3. с. 129, 132].

С 1920-1944 гг. началась подготовка юридических кадров для органов военной юстиции на кафедре судебного права Военно-юридической академии РККА (далее – ВЮА), а также появились первые научные работы по военным аспектам. Например, при всех военно-хозяйственных курсах распоряжением Главного управления военно-учебных заведений были открыты особые отделения по 100 человек для подготовки делопроизводителей военных судов и лиц, производящих дознание.

Однако, до 1936 г. органы советской военной юстиции продолжали в основном комплектоваться лицами, окончившими гражданские юридические учебные заведения. И лишь начавшийся в 1935 г. переход к устройству РККА полностью на кадровой основе и существенное увеличение численности армии обусловили потребность в значительном контингенте подготовленных военных юристов. Для решения этой задачи в 1936 году Постановлением ЦИК СССР было принято решение о создании при Всесоюзной правовой академии Военно-юридического факультета РККА.

В Военно-юридической академии РККА была создана кафедра судебного права, в рамках которой преподавались в числе других юридических дисциплин криминалистика, судебная медицина и судебная психология.

Первым начальником кафедры судебного права был назначен полковник юстиции, доктор юридических наук, профессор Сергей Александрович Голунский. Он известен как разносторонний ученый, внесший весомый вклад в уголовный процесс, теорию государства и права и криминалистику.

В связи с началом Великой Отечественной войны и эвакуацией Военно-юридической академии в октябре 1941 г. в Ашхабад проведение нормальных занятий было нарушено. Ограниченное количество учебных пособий, сокращение сроков обучения потребовало от командования, преподавателей и слушателей крайнего напряжения. Преподаватели кафедры судебного права оказывали помощь фронту. Многим гражданским юристам, призванным в РККА, «Библиотечка военного юриста» оказала существенную помощь в их работе в условиях Великой Отечественной войны [2; 4; 7].

Большое значение имело в 1942-1943 гг. направление преподавателей кафедры судебного права в действующую армию, где они оказывали помощь практи-

ческим работникам органов военной юстиции и собирали материал для дальнейших научных исследований.

Возвращение Военно-юридической академии из Ашхабада в Москву в конце 1943 г., приток в образовательное учреждение значительных научных сил, увеличение контингента слушателей создали благоприятные условия для развития военно-юридических наук. В 1943 г. С.А. Голунский был переведен на дипломатическую работу, а начальником кафедры судебного права был назначен профессор М.С. Строгович.

Характерной особенностью обучения в Военно-юридической академии являлось разнообразие форм обучения. В Академии применялись классные занятия, работы научных кружков, различные конференции, викторины, было организовано участие обучающихся в экспертных работах, посещение специальных музеев и др. Очень полезными для слушателей и преподавателей были ежемесячные конференции, на которых обсуждались уголовные дела, интересные по фабуле. Организатором конференций чаще всего выступали профессора кафедр. Они же и проводили конференции с участием практических работников органов военной юстиции. Участие в конференциях принимали и следователи по важнейшим делам Главной военной прокуратуры [6].

Конец 40-х и начало 50-х годов 20 века для Военно-юридической академии были периодом расцвета, когда учебная, научная и организационная работа всего коллектива академии отличалась высокими показателями.

В 1956 г. произошло реформирование Военно-юридической академии и образование Военно-юридического факультета Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Неоднократные реорганизации военно-юридического образования тяжело отразились на преподавании многих дисциплин [1].

В связи с реорганизацией в 1974 г. военно-юридического образования и включением Военно-юридического факультета в состав Военного Краснознаменного института изменился контингент обучаемых. У большинства из них отсутствовал не только войсковой, но и жизненный опыт, что не могло не отразиться на обучении и, самое главное, на практической деятельности выпускников.

Вместе с тем совершенствовалась методика обучения. В ходе занятий учебная информация максимально сочеталась с творческой активностью обучаемых. С этой целью практиковался деятельностный подход к обучению, который заключался, прежде всего, в создании на учебных занятиях обстановки, приближенной к тем условиям, в которых придется действовать будущему выпускнику. Качество и эффективность такой методики во многом зависели от материально-технического и дидактического обеспечения учебных занятий.

Распад Советского Союза, ухудшение экономического положения России, недостаточное финансирование и сокращение армии, постоянное реформирование системы военно-юридического образования имели негативные последствия и для всего военно-юридического образования. В этот сложный период шел массовый отток опытных преподавательских кадров, падал престиж военной службы. И только к 2000 г. негативные тенденции были преодолены.

В настоящее время военно-юридическое образование в России со светлыми преданиями о прошлом и с надеждой на преуспевание в будущем, готово к новым свершениям в деле подготовки военных юристов.

Литература

1. *Винокуров А.Ю., Колесова А.С.* К 100-летию военного вуза: кафедра криминалистики военного университета (от Александровской военно-юридической академии до наших дней) // Вестник военного права. 2019. № 3. С. 7 – 20.
2. *Голунский С.А.* Допрос на предварительном следствии. – Ашхабад: ВЮА, 1942. – 120 с.
3. *Гусев Л.Н.* Советская военная юстиция в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920) / под ред. Д.С. Карева. – М.: ВЮА, 1951. – 195 с.
4. *Кубицкий Ю.М.* Осмотр места происшествия по уголовным делам. – Ашхабад, 1942.
5. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-юридическая академия (1866-91 гг.). Краткий исторический очерк. – СПб., 1891. – 193 с.
6. *Маликов С.В., Винокуров А.Ю., Кузнецов М.С., Шапков С.А.* Развитие криминалистической науки в процессе подготовки военных юристов (1859-2006 гг.). М.: Военный университет, 2006. 166 с.
7. *Никифоров В.М.* Обыск. – Ашхабад, 1943. – 76 с.

К.А. Корсаков

Возможно ли алгоритмизировать деятельность в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы понятий алгоритм, криминалистический алгоритм и аргументируется вывод о невозможности криминалистической алгоритмизации деятельности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: криминалистика, деятельность, уголовное судопроизводство, криминалистический алгоритм.

Слово «алгоритм» в последний период истории широко распространено в разговорной речи, публичных выступлениях, в выражениях: «алгоритм здоровья», «алгоритм успеха», «алгоритмы развития», «алгоритм поведения», приобретает новые значения и смысловые оттенки. В криминалистическую терминологию оно также вошло как термин без устоявшегося определения.

Как правильно отмечает В.А. Светочев, «заимствуя те или иные термины из других наук и интегрируя их в криминалистику, мы не должны сводить это к простому «переложению», внедряя их в научный инструментарий путем актуализации, адаптации и апробации для нужд криминалистики, во избежание неточностей и противоречивости толкования при их конечном использовании, в рамках одной понятийной системы - криминалистической науки - один и тот же

термин должен трактоваться идентично, и его двусмысленное толкование недопустимо» [5, с. 21]. Подчеркнем, в прикладной науке тем более недопустимо, каждый термин должен отображать свою сущность и соответствовать своему внутреннему содержанию.

Нельзя не согласиться и с мнением А.С. Шаталова, что, «пережив расцвет во второй половине XX века, отечественная криминалистика, как и многие другие юридические науки, сейчас пребывает в кризисном состоянии, превратившись в арену лингвистических споров своих последователей. Несмотря на их усилия, она не отвечает в полной мере изменившимся потребностям следственной и судебной практики» [12, с. 156].

На наш взгляд, направление развития криминалистики, определяемое как «алгоритмизация», «программирование», требует, как минимум, анализа, причем не на уровне «лингвистики», а на уровне понятийном, в чем и лежит основное затруднение в развитии этого направления и адаптации самого понятия «алгоритм» и «программа» в их интерпретациях в криминалистике.

Понятие алгоритма зародилось в математике, затем было заимствовано кибернетикой и перешло в информатику. Ни в одной из этих наук оно не претерпело изменений.

Наиболее известные словесные определения алгоритма даны А.Н. Колмогоровым и В.А. Успенским: «это всякая система вычислений, выполняемых по строго определённым правилам, которая после какого-либо числа шагов заведомо приводит к решению поставленной задачи» (А.Н. Колмогоров) [2, с. 3]. «Под алгоритмом понимают точное предписание, задающее вычислительный процесс, ведущий от начальных данных, которые могут варьировать, к искомому результату» (В. А. Успенский) [11, с. 186].

Применительно к деятельности с заменого термина «вычисление» на «деятельность» свойства алгоритма остаются неизменными.

Надо отдать должное попыткам дать алгоритмам криминалистическое определение и ввести данное понятие в криминалистику. Большинство из них сводиться тому, что криминалистический алгоритм – это определенная последовательность действия, обеспечивающая эффективное решение задач [1, с. 217; 3, с. 46; 9, с. 36; 8, с. 11-12; 7, с. 10; 14, с. 305-306 и др.], что, в общих чертах, соответствует определению алгоритма в математике.

В.А. Светочев, выявив несоответствие термина алгоритм, употребляемого в криминалистике его понятию и определению, предложил термин «процессуально-криминалистический алгоритм», и сделал вывод, что «процессуально-криминалистический алгоритм - это научно обоснованное и апробированное практикой предписание, задающее на основе системы правил порядок и последовательность процессуальных, оперативно-розыскных, организационных и иных действий (операций, комбинаций) субъекта в определенных условиях конкретной следственно-судебной ситуации, четкое выполнение которых обеспечивает решение конечных и промежуточных задач уголовного судопроизводства» [5, с. 21]. Но в основу также заложена определенная последовательность.

При этом отметим, что определенная неизменная последовательность действий для достижения конкретной цели присуща любой деятельности, и в част-

ности, осуществляемой в уголовном судопроизводстве. Это проистекает из физических, логических законов и закономерностей.

Присутствуют и другие мнения, например, А.С. Шаталов полагает, что «криминалистический алгоритм - это правило, сформулированное при помощи понятийного аппарата (языка) и научных рекомендаций криминалистики, определяющее процесс переработки субъектом расследования исходных данных в искомые результаты» [5, с. 114]. Но оно не имеет каких-либо свойств, признаков понятия «алгоритм».

К формальным свойствам алгоритмов включают следующий ряд общих требований:

«Дискретность (разделённость на части) и упорядоченность. Алгоритм должен состоять из отдельных действий, которые выполняются последовательно друг за другом.

Детерминированность (однозначная определённость). Многократное применение одного алгоритма к одному и тому же набору исходных данных всегда даёт один и тот же результат.

Формальность. Алгоритм не должен допускать неоднозначности толкования действий для исполнителя.

Результативность и конечность. Работа алгоритма должна завершаться за определённое число шагов, при этом задача должна быть решена.

Массовость. Определённый алгоритм должен быть применим ко всем однотипным задачам» [4; с. 10; 11, с. 539-540].

Рассмотрим указанные свойства алгоритма относительно процессуальной и криминалистической (познавательно-доказательственной) деятельности в уголовном судопроизводстве.

Дискретность. В УПК РФ присутствует множество правил и требований последовательного совершения определенных действий, например, производство допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний (Глава 26 УПК РФ), порядка подготовительной части судебного заседания (Глава 36 УПК РФ) и другое. Однако, заранее определить комплекс, разнообразие последовательность и содержание следственных, процессуальных и иных действий не представляется возможным, поскольку они определяются в зависимости от конкретной следственной (судебной) ситуации.

Детерминированность. Положения Закона применяются ко всем случаям расследования и рассмотрения уголовных дел и всегда дает один из указанных в Законе результатов. При этом исходные данные, количество и качество информации, в каждом конкретном случае индивидуальны и от них зависит количество, разнообразие последовательность и содержание совершаемых действий.

Формальность. Закон, как правило, не допускает неоднозначности толкования действий для исполнителя. В то же время исчерпывающего перечня приемов и множественность методов, методологий осуществления деятельности, индивидуальность следственной (судебной) ситуации не допускают однозначности действий исполнителя.

Результативность и конечность. Законом закреплена определенная обобщенная последовательность деятельности, которая приводит к решению указанных в

Законе целей и задач и не предусмотрены иные процедуры. Но, традиционно рекомендуемые комплексы, перечни и последовательности совершения определенных действий, применение приемов и методов не несут исчерпывающий и неизменный характер, поскольку определяются особенностями конкретного дела и следственной (судебной), постоянно изменяющейся, ситуации.

Массовость. Положения Закона применяются ко всем однотипным целям и задачам расследования и судебного рассмотрения, производства отдельного следственно действия и тому подобное. Между тем, задачи, которые необходимо решить для достижения целей, определяются в соответствии со складывающейся индивидуально следственной (судебной) ситуации на определенный момент времени.

Такое, достаточно поверхностное, рассмотрение соотношения свойств алгоритма и положений УПК и деятельности, осуществляемой в уголовном судопроизводстве, все-таки дает возможность для утверждения о наличии в последнем комплексов алгоритмов различной категории обобщенности, преследующее достижения определенных целей и решения конкретных задач, одновременно дает основания для вывода о невозможности создания алгоритмов деятельности в соответствии с их сущностью, а значит и использования данного термина в качестве основного понятия, но дает основания использовать его в качестве вспомогательного, такого как «алгоритмическое», «алгоритмоподобное», «алгоритмичность [6, с. 27]».

К сожалению, вышеуказанные авторы, и не только они, упустили существование классов задач, которые невозможно разрешить, используя алгоритм, характеризуемая как «алгоритмическая неразрешимость» - «свойство некоторых классов корректно поставленных задач, допускающих применение алгоритмов, при этом задачи каждого из этих классов в принципе не имеют какого-либо общего, универсального алгоритма решения, ни ветвящегося алгоритма полного разбиения класса на подклассы. Алгоритмическая неразрешимость имеет принципиальное значение для психологии мышления, теории познания и обучения, из неё следует, что основные компоненты деятельности человека (планирование, выполнение, контроль результатов, коррекция) не могут быть построены на алгоритмической основе, хотя и могут включать в качестве вспомогательных те или иные алгоритмические процедуры и требует творчества: способ её решения не выводится из более общего известного типового метода, а изобретается. Полный успех здесь не может быть гарантирован никакими методами, означает свободу выбора и объективную необходимость творческого поиска» [4].

Именно к таким классам задач относятся задачи, разрешаемые в уголовном судопроизводстве, даже в том случае, если в деятельности для их разрешения усматривается определенная последовательность действий. Их механическое выполнение не ведет к решению творческих задач, и достижению целей судопроизводства, а лишь обеспечивает объективизацию результатов.

Перефразировав высказывание А.С. Шаталова, можно утверждать, что столетиями накапливающаяся в криминалистике система знаний, методов и средств осуществления деятельности, ее потенциал позволяет решить данную проблему

[12, с. 156]. В нашем представлении разрешение проблемы заключается в программировании деятельности, что требует отдельного рассмотрения.

Литература

1. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. - 333 с.
2. Колмогоров А.Н., Успенский В.А. К определению алгоритма // Успехи математических наук. 1958. Т. XIII. Вып. 4 (82). С 3-28. URL: http: //lpcs.math.msu.su/~uspensky/bib/Uspensky_1958_UMN_Kolmogorov_Opredelenie_algoritma.pdf (дата обращения 15.02.2021)
3. Марочкин Н.А., Асташкина Е.Н. Алгоритмизация - эффективный метод оптимизации расследования преступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 2 (20). С. 45-49.
4. Поддьяков А. Н. Алгоритмическая неразрешимость. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 18.01.2021). URL: https://gtmarket.ru/concepts/7335 (дата обращения 15.02.2021)
5. Светочев В.А. Понятие и сущность процессуально- криминалистического алгоритма // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (36). 2014. С. 21-22.
6. Светочев В.А. Понятие и сущность процессуально-криминалистической программы // Вестник калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2015. № 1 (39). С. 26-29.
7. Семьина Н.Б. Основы планирования и программирования следственной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. - 200 с.
8. Сливинский К.О. Алгоритмизация деятельности следователя: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. - 214 с.
9. Соловьева О.М. Криминалистическая алгоритмизация следственных действий: Дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2001. - 157 с.
10. Теория алгоритмов и математическая логика. URL: https://elearning.sumdu.edu.ua/free_content/lectured:5de5178bb62ca7a97fe35cba8b92d1b337ee8101/latest/7145/index.html (дата обращения 15.02.2021).
11. Успенский В.А. Труды по нематематике. С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям. В 2 т. М.: ОГИ, 2002. - Том 1. - 584 с.
12. Шаталов А.С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 155–172.
13. Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис… доктора юрид. наук. М., 2000. - 411 с.
14. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений. М.: Издательство «Юстицинформ», 2006. - 464 с.

В.Г. Лосева
П.Д. Осипов

Особенности организации и деятельности правоохранительных органов по расследованию киберпреступлений

Аннотация. В последние годы наблюдается рост числа киберпреступлений, но исходя из судебной практики в Российской федерации успешно расследуются только преступления, сопряженные с авторским правом. Из этого можно сделать вывод что МВД не справляется с порученными им обязанностями из-за нехватки и недостаточной квалификации кадров. Для более эффективной работы представляется возможным создание управления по расследованию киберпреступлений на базе центрального аппарата СК РФ.

Ключевые слова: киберпреступления, информационная безопасность, преступления в сфере высоких технологий, раскрытие киберпреступлений, преступления в сфере компьютерной информации.

В последние годы набирают популярность такие киберпреступления, как мошенничество и вымогательство с использованием информационных технологий, хищение персональных данных, кибершпионаж, кибербуллинг и нарушение авторских прав [9, 7]. Нами было проанализировано 87 приговоров по уголовным делам в сфере компьютерной информации за 2019 г. По нашим данным, больше всего было преступлений, касающихся нарушения авторских прав (25,9%), на мошенничество и вымогательство приходится 8,05% дел, и на хищение персональных данных и нарушение тайны переписки тоже 8,05%. Уголовных дел о преступлениях, связанных с кибершпионажем или кибербуллингом, обнаружено вообще не было. Становится очевидным, что МВД России, к компетенции которого относится выявление и расследование таких преступлений, с этой задачей не справляется. Отчасти виной тому - недостаток специального образования. К примеру, было выявлено, что всего 5% следователей имеют вдобавок к юридическому еще и образование в сфере информационных технологий; компьютером на уровне «продвинутого пользователя» владеют 37% следователей (здесь стоит заметить, что это минимально возможный уровень, при котором пользователь может понять суть киберпреступления); компьютерные курсы для сотрудников правоохранительных органов прошли всего 21% следователей [6, 46]. Совершенно очевидно, что при таком уровне образования расследование серьезных преступлений в сфере компьютерной информации почти невозможно.

Как начиналась борьба с преступлениями в киберсреде в РФ? 6 декабря 1991 г. был представлен проект Закона РСФСР «Об ответственности за правонарушения при работе с информацией» [4, 51], который предусматривал введение в действующий УК РСФСР норм, устанавливающих ответственность за совершение компьютерных преступлений.

Также о проблемах с компьютерной преступностью начали говорить в 1992 г. Именно тогда начал свое функционирование постоянно действующий межведомственный семинар «Криминалистика и компьютерная преступность»,

который был организован в рамках координационного бюро по криминалистике при НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Экспертно-криминалистического центра МВД России [10].

Постановлением Верховного Совета РФ от 23.09.1992 № 3524-1 «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных”» предлагалось внесение изменений в Гражданский, Уголовный кодексы РСФСР и другие законодательные акты, связанные с данной темой. В 1994 г. был разработан проект закона о внесении дополнений в УК РСФСР, которым устанавливалась ответственность за ряд противоправных действий в сфере компьютерной информации.

Дальнейшее упоминание об уголовной ответственности за киберпреступления появилось в 1996 г. в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ. В связи с этим на базе бывшего «Управления Р» в МВД РФ было создано специальное оперативно-розыскное подразделение. В 1998 г. управление было расширено до Управления по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий (УБПСВТ). В его составе выделялись три подразделения:

- Отдел по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации;
- Отдел по борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаций;
- Отдел по борьбе с незаконным оборотом радиоэлектронных и специально-технических средств [1].

Поначалу штат этих отделов составляли сотрудники с техническим образованием, однако они не были способны постигнуть все юридические тонкости. В 2000 году их заменили на сотрудников с юридическим образованием, и ситуация условно улучшилась.

Однако, в 2002 году данное управление все равно было сокращено и переведено в Бюро Специальных и Технических мероприятий при МВД РФ, и это то самое управление, которое сейчас называют «Отдел К». Структура деления на три подразделения внутри одного управления в Отделе К сохранилась.

Что касается следствия, в 1997 году при Следственном комитете МВД РФ были созданы отделы по борьбе с экономическими преступлениями и преступлениями в сфере компьютерной информации. Они тесно контактировали с существовавшими тогда отделами ОБЭП и К.

В 1998 году Волгоградская академия МВД РФ впервые выпустила специалистов, условно пригодных к работе в данных отделах — это были специалисты программы «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации».

Далее в 2002 году произошел переход УБПСВТ в Бюро специальных технических мероприятий при МВД России, о котором говорилось ранее. На данный момент эти подразделения называются Отделами «К», структура которых совпадает со структурой трех подразделений УБПСВТ [1].

Первый резкий всплеск киберпреступности в Российской Федерации произошел с 1997 г. (33 преступления) по 2005г. (10214 преступлений) [3, 416]. Пик роста приходится на 2009 г., когда было зарегистрировано 11636 преступлений.

На данный момент задачами Отделов «К» являются:

1. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сфере компьютерной информации, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2. Проведение поисково-аналитических мероприятий в сети «Интернет»;

3. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сети Интернет, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

4. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сетях проводной и сотовой связи, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

5. Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом РЭС и СТС, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

6. Профилактическая работа по предупреждению совершения киберпреступлений [1].

Если брать данные статистики на 2007 год, полученной из Главного информационного центра МВД России, то вот что мы имеем: за последние 10 лет количество киберпреступлений выросло в 22,3 раза и продолжает расти, ежегодный размер материального ущерба от киберпреступлений составляет 613,7 млн.р., средний ущерб, причиненный потерпевшему от одного компьютерного преступления, равен 1,7 млн.р., а средний показатель количества уголовных дел, по которым производство приостановлено, составляет 43,5%. Из последнего видно, что Управление «К» МВД было не в силах справиться со своей задачей [5, 6].

В мае 2017 года В.В. Путин утвердил Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. В ней впервые была подчеркнута важность защиты информационной безопасности страны. Ученые считают, что появление этой стратегии означает движение к полному отказу от заимствования Российской Федерацией зарубежных информационных технологий и создания своего собственного пути [9, 8]. Однако, учитывая исторический опыт, подобная стратегия может привести к полному краху информационной безопасности как таковой в нашей стране.

В июле 2020 года Председатель СК России Александр Бастрыкин провел оперативное совещание по вопросам расследования киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. На совещании он отметил, что в 2019 году уровень киберпреступности увеличился почти в 2 раза по сравнению с 2018 годом: зарегистрировано 294409 преступлений, то есть на 68,5% больше [7].

Понятие «компьютерная информация» расшифровывается в прим. 1 к ст. 272 УК и гласит, что под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Председателем СК России подписан приказ о создании в составе Главного следственного управления нового подразделения - отдела по расследованию

киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий, сообщает сайт СК РФ [8].

На данный момент руководителем отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий на базе СК РФ является Константин Комрада. В январе 2021 года в своем интервью он рассказал о том, что новое подразделение будет расследовать преступления общеуголовной направленности, в частности, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних, носящие террористический или экстремистский характер, преследующие цель хищения денежных средств граждан и организаций, причиняющие ущерб бюджетной системе государства, а также о том, что одним из обязательных условий трудоустройства в данный отдел является наличие необходимой квалификации в сфере информационных технологий [2].

На данный момент для более эффективной работы представляется возможным создание управления по расследованию киберпреступлений на базе центрального аппарата СК РФ. Внутри него предлагается создать следующие отделы:

– Отдел по борьбе с киберпреступлениями, носящими террористический или экстремистский характер;
– Отдел по борьбе с киберпреступлениями в финансовой сфере;
– Отдел по борьбе с киберпреступлениями, посягающими на половую неприкосновенность несовершеннолетних;
– Отдел по борьбе с киберпреступлениями в сфере персональных данных;
– Отдел по борьбе с изготовлением и оборотом порнографических материалов в сети Интернет;
– Отдел по борьбе с продажей наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет.

Литература

1. Борьба с киберпреступностью [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://71.мвд.рф/Dejatelnost/Borba_s_kiberprestupnostju (дата обращения: 25.10.2020)
2. Интервью руководителя отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий СК России Константина Комарды ИА "ТАСС" [Электронный ресурс] - режим доступа: https://sledcom.ru/press/interview/item/1529946/ (дата обращения: 24.03.2021)
3. Коробеев А.И., Дремлюга Р.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 416-425.
4. Курушин В.Д., Минаев В.А. Компьютерные преступления и информационная безопасность // М.: Новый Юрист, 1998. С. 51.
5. Максимова Е.А., Бердник М.В. и др. Вопросы работы с компьютерными преступлениями на этапе расследования // NBI-technologies, 2017. № 3. С. 6-13.

6. Нестерович С.А. Проблемы расследования киберпреступлений, которые стоят перед сотрудниками следственных органов // Вестник науки и образования, 2018. № 8. С. 46-49.
7. По ту сторону монитора [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://rg.ru/2020/07/10/v-sk-rasskazali-o-rassledovanii-kiberprestuplenij.html, дата обращения: 28.03.2021
8. Председатель СК России провел рабочую встречу с заведующей кафедрой судебных экспертиз МГЮА имени О.Е. Кутафина Еленой Россинской [Электронный ресурс] - режим доступа: https://sledcom.ru/press/events/item/1422292/ (дата обращения: 7.10.2020)
9. Шаталов А.С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2018. № 3. С. 7-15.
10. Электронный патруль [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rg.ru/2009/10/16/nurgaliev.html (дата обращения: 25.10.2020).

Иван Д. Милич

Об учётах лиц, совершивших уголовные правонарушения

Аннотация. Автор указывает на основные особенности постановки на криминалистический учёт лиц, совершивших уголовные правонарушения. Лицо, поставленное на учёт, также может понести определенные правовые последствия. Таким образом, государство (государственные органы) имеет возможность контролировать этих лиц.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, учёт, физическое лицо, несовершеннолетние лица, юридическое лицо.

В Республике Сербия каждое лицо, совершившее уголовное правонарушение ставится на определенный учёт. На какой учёт будет поставлено лицо, совершившее уголовное правонарушение, зависит от того, является ли оно физическим или юридическим лицом, совершеннолетним или несовершеннолетним правонарушителем, а также от того, совершает ли оно особые уголовные правонарушения. Таким образом, в РС ведётся несколько видов учёта лиц, совершивших уголовные правонарушения.

Каждый учёт ведётся конкретным компетентным органом (полицией, судом или администрацией по исполнению уголовных санкций). Осужденные лица удаляются из соответствующих баз данных через определённое количество лет. Но есть и такие осуждённые, которые никогда не снимаются с учёта, – это люди, у которых не может быть чистого прошлого. Сведения из базы данных могут быть предоставлены компетентным органам при определенных условиях. Лицо, приговорённое к определённыму виду наказания или осуждённое за совершение определённого уголовного правонарушения, также может пострадать от юридических последствий осуждения (которые отражаются, например, в увольнении или невозможности найти работу). Безусловно, данные об

осуждённых лицах помогают следственным органам в выявлении и доказывании правонарушений.

А) **Уголовная регистрация, проводимая в соответствии с Уголовным кодексом**[1] (ст. 102 УК РС). Это самый старый вид учёта лиц, совершивших уголовное правонарушение. К ним относятся все совершеннолетние лица, совершившие уголовные правонарушения, независимо от того, какое уголовное правонарушение они совершили и какая санкция, предусмотренная Уголовным кодексом, к ним была применена. В первую очередь в базу данных заносятся сведения о правонарушителе, уголовном правонарушении и наложенной санкции. Осуждённые, приговорённые к «более мягкому наказанию» или лишению свободы на срок до трёх лет, по должности снимаются с учёта по истечении определённого периода времени. Чем мягче санкция или чем короче срок тюремного заключения, тем меньше лет потребуется, чтобы правонарушитель был удалён из базы данных. Например, данные о судебном предупреждении удаляются в течение одного года со дня вступления приговора в законную силу при условии, что лицо не совершило нового преступления. С другой стороны, лицо, приговорённое к лишению свободы на срок от *одного до трех лет*, снимаются с учёта в течение десяти лет со дня отбытия, истечения срока наказания или помилования при условии, что лицо не совершило нового уголовного преступления. Правонарушители, приговорённые к лишению свободы на срок от трёх до пяти лет, могут быть реабилитированы судом (удалены из базы данных), если они не совершат новое уголовное преступление в течение десяти лет со дня отбытия наказания, истечения наказания или помилования. Этот процесс инициируется по заявлению осуждённого. Лица, приговорённые к лишению свободы на срок более пяти лет, никогда не снимаются с этого учёта. Учёт ведётся полицейским управлением (полицией) по месту рождения осуждённого.

Б) **Учёт несовершеннолетних правонарушителей**. Санкции, соответствующие их возрасту, также применяются к несовершеннолетним лицам, совершающим уголовные правонарушения (которым исполнилось четырнадцать лет на момент совершения уголовного правонарушения и которым не исполнилось восемнадцать лет). К несовершеннолетним могут быть применены воспитательные меры, они могут быть приговорены к тюремному заключению для несовершеннолетних, а также им могут быть назначены защитные меры, предусмотренные Уголовным кодексом, за исключением запрета на выполнение профессиональной деятельности или служебных обязанностей – Закон о несовершеннолетних лицах, совершивших уголовное преступление, и их уголовно-правовой защите[2] (п. 1 ст. 9 ЗМ). В связи с этим ЗМ предусматривает, что учёт назначенных воспитательных мер и приговоров к лишению свободы несовершеннолетних ведётся судом первой инстанции. В РС возникла проблема, заключающаяся в том, что

---

[1] Уголовный кодекс Республики Сербия. „Официальный вестник Республики Сербия", № 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019.

[2] Закон о несовершеннолетних лицах, совершивших уголовное преступление и их уголовно-правовой защите. „Официальный вестник Республики Сербия", № 85/2005 Далее – ЗМ.

процесс ведения этого учёта регулировался специальным положением, которое решением Конституционного суда РС было признано несовместимым с Конституцией. Таким образом, в настоящее время не существует положения, регулирующего ведение учёта более подробно, что открывает множество вопросов.

В) **Специальный учёт лиц, совершивших определённые уголовные преступления**. В 2013 году в РС был принят Закон о специальных мерах по предотвращению уголовных правонарушений против сексуальной свободы в отношении несовершеннолетних лиц[1], который регулирует ведение специального учёта осуждённых, совершивших определённые уголовные правонарушения против половой свободы в отношении несовершеннолетних лиц. Учитывая, что этот закон применяется только к совершеннолетним преступникам, совершившим уголовные преступления, это означает, что на учёт ставятся только совершеннолетние правонарушители. Каждое осуждённое лицо, занесённое в эту базу данных, обязательно ставится и на криминалистический учёт, который ведётся в соответствии с УК (следовательно, оно будет занесено в две базы данных). Эта база данных хранится Управлением по исполнению уголовных санкций, что означает, что в неё заносятся все осуждённые лица, которые были осуждены в РС за совершённое уголовное правонарушение, к которому применяется ЗПМ. Данные из этой базы никогда не удаляются. Важно отметить, что в эту базу заносятся и данные, важные для опознания осуждённого, - данные о наличии у осужденного определённых особых примет (врождённые особенности, татуировки и т.п.), а также данные о профиле ДНК осуждённого. Эти данные очень важны для следственных органов с точки зрения выявления и доказывания уголовных преступлений, как с точки зрения определения того, совершили ли указанные лица новое уголовное правонарушение, так и с точки зрения исключения их из круга подозреваемых.

Г) **Учёт юридических лиц, совершивших уголовные правонарушения.** До 2008 года юридические лица в РС не могли привлекаться к ответственности за уголовное правонарушение (а только за проступки и преступления в сфере экономической деятельности)[2]. В 2008 году в РС был принят Закон об ответственности юридических лиц за уголовные правонарушения[3], который вводит уголовную ответственность юридических лиц. Каждое осуждённое юридическое лицо ставится на специальный учёт, который ведётся судом первой инстанции, на территории которого назначено местонахождение отечественного юридического лица, то есть местонахождение представительства или филиала иностранного юридического лица. В зависимости от суммы наложенного штрафа осуж-

---

[1]Закон о специальных мерах по предотвращению исполнения уголовных правонарушений против сексуальной свободы в отношении несовершеннолетних лиц // "Официальный вестник Республики Сербия", № 32/2013. Далее – ЗПМ.

[2] О б ответственности юридических лиц см. Милич И. Ответственность юридических лиц за караемые законом деяния в Республике Сербии // Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею института (г. Донецк, 25 октября 2019 г.) / ГУ «Институт экономических исследований»; науч. ред. Н.В. Шемякина. – Донецк, 2020. С. 375-385.

[3] Закон об ответственности юридических лих за уголовные правонарушениям // «Официальный вестник Республики Сербия», № 97/2008.

дённое юридическое лицо снимается с учёта по должности через определённое количество лет или может быть реабилитировано по решению суда через определённое количество лет, но юридические лица, оштрафованные на «крупную сумму», не могут быть удалены из этой базы данных.

Считаем, что было бы оправданным устранение некоторых недостатков (которые считаются реликтом прошлого) в положениях, регулирующих ведение учёта. Также необходимо принять постановление, которое будет регулировать ведение учета несовершеннолетних лиц, совершивших уголовное правонарушение. Следует отметить, что в РС, кроме вышеуказанных учётов, ведутся другие учёты лиц, совершивших уголовное правонарушение, а также лиц, совершивших проступок[1]. Наконец, необходимо подчеркнуть, что в РС есть другие оперативные / криминалистические учёты, на которые ставятся не лица, совершившие преступление, а лица, в отношении которых существует «подозрение» в том, что они совершили преступление.

Литература

1. Закон об ответственности юридических лих за уголовные правонарушения, "Официальный вестник РС", № 97/2008.
2. Закон о специальных мерах по предотвращению исполнения уголовных правонарушений против сексуальной свободы в отношении несовершеннолетних лиц, "Официальный вестник РС", № 32/2013 сокр. ЗПМ.
3. Закон о несовершеннолетних лицах, совершивших уголовное преступление и их уголовно-правовой защите, „Официальный вестник РС", № 85/2005 сокр. ЗМ.
4. Милич Иван, Всегда ли уголовное преступление самое тяжкое правонарушение? (I часть), Сборник трудов Юридического факультета в Нови Саде, 3/2016. стр. 937-955; Милич Иван, Всегда ли уголовное дело самое тяжкое правонарушение? (II часть), Сборник трудов Юридического факультета в Нови Саде, 3/2017. стр. 405-415.
5. Милич Иван, Ответственность юридических лиц за караемые законом деяния в Республике Сербии, Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею института (г. Донецк, 25 октября 2019 г.) / ГУ «Институт экономических исследований»; науч. ред. Н.В. Шемякина. – Донецк, 2020. стр. 375-385.
6. Уголовный кодекс, "Официальный вестник РС", № 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019.

[1] О проступках в Республике Сербия см.: Милич И. Всегда ли уголовное преступление самое тяжкое правонарушение? (I часть) // Сборник трудов Юридического факультета в Нови Саде. 2016. № 3. С. 937-955; Милич И. Всегда ли уголовное преступление самое тяжкое правонарушение? (II часть) // Сборник трудов Юридического факультета в Нови Саде. 2017. № 3. С. 405-415.

Е.П. Олифиренко

Некоторые особенности межведомственного взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации с органами иных правоохранительных ведомств

Аннотация. В представленной статье рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия сотрудников Следственного комитета Российской Федерации с представителями других правоохранительных ведомств. Затронуты вопросы межведомственного взаимодействия в процессе расследовании преступлений экстремистского и террористического характера, в том числе связанные с деятельностью следственно-оперативных групп, исполнения отдельных поручений следователя, международным сотрудничеством. Автором были внесены отдельные предложения, направленные на совершенствование межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: Следственный комитет, правоохранительные органы, межведомственное взаимодействие, оперативно-розыскная деятельность, террористический акт, экстремистская деятельность.

Одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов, в том числе Следственного комитета Российской Федерации, является противодействие противоправным деяниям террористического и экстремистского характера. Следственный комитет Российской Федерации, являясь федеральным государственным органом, осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства, а также иные полномочия, установленные федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации[1].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации генерал юстиции А.И. Бастрыкин в своем интервью, отметил, что благодаря напряженной и самоотверженной работе следователей и криминалистов СК России за последние пять лет в суд было направлено более 400 уголовных дел о преступлениях террористической направленности и более 1,2 тыс. по преступлениям экстремистского характера [1]. Так, только за период с января по настоящее время текущего года сотрудниками СК РФ в тесном взаимодействии с сотрудниками других правоохранительных органов установлены и изобличены лица, принимавшие участие в подготовке и совершении актов террористического характера, а именно [5]:

22 января задержан последователь радикального ислама, готовившего теракт в Башкирии. Преступник планировал вооруженное нападение на сотрудников правоохранительных органов.

17 февраля на юге России были задержаны участники исламской организацию «Ат-Такфир валь-Хиджра», готовившие атаки на Северном Кавказе, в том числе в Карачаево-Черкесии, Крыму, Краснодарском крае и Ростовской области.

4 марта стало известно о задержании россиянина за подготовку теракта на объекте энергетики Калининградской области, у преступника изъяты «материа-

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 21.11.2019) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

лы оскорбительного содержания в отношении российских органов исполнительной и законодательной власти».

11 марта в Советском районе Махачкалы республики Дагестан был введен режим контртеррористической операции для задержания сторонника международной преступной организации, открывшего огонь по сотрудникам силовых ведомств.

17 марта в Адыгее задержали сторонника запрещенной террористической группировки «Исламское государство» за подготовку теракта, в ходе спецоперации были обнаружены компоненты самодельной бомбы с поражающими элементами, флаг «Исламского государства» и карта Майкопа «с объектами террористических устремлений».

19 марта в Геленджике и Ярославле задержали участников украинского молодёжного радикального неонацистского сообщества «М.К.У.». В местах их проживания были изъяты нацистские материалы, холодное оружие, а также средства связи, содержащие инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств и огнестрельного оружия.

1 апреля был предотвращен теракт в Тверской области, подготавливаемый уроженцем одной из республик Центрально-Азиатского региона. Боевик «Исламского государства» планировал нападение на один из объектов топливно-энергетического комплекса.

2 апреля в Алтайском крае задержали местного жителя, сторонника украинской националистической организации, который планировал провести «акции устрашения» против местного населения и выходцев из Центрально-Азиатского региона. Его целями были объекты массового скопления мусульман и органы государственной власти. В ходе допроса задержанный рассказал о намерении взорвать мечеть в Барнауле.

5 апреля 2021 года предотвращен теракт в Кисловодске. Задержан ранее судимый гражданин России, который готовил нападение на сотрудников правоохранительных органов с использованием самодельных взрывных устройств.

Раскрытие и успешное расследование подобных преступлений невозможно без организованной соответствующим образом совместной деятельности следственных и других правоохранительных органов – прежде всего МВД и ФСБ России. Традиционными формами взаимодействия являются: исполнение поручений следователей по уголовным делам и материалам проверок о проведении отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; привлечение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность к работе следственных групп; участие сотрудников органов дознания в производстве следственных действий, в том числе в качестве специалистов; производство экспертных исследований в экспертных подразделениях МВД и ФСБ, и др. [3, 130].

Кроме того, в целях противодействии террористической деятельности активно используются такие формы взаимодействия, как планирование совместных следственных операций и координированных действий, создание и организация работы следственно-оперативных и аналитических групп, проведение совместных научно – методических и учебных занятий и др.

Анализ практики межведомственного взаимодействия по раскрытию и расследованию преступлений террористического характера выявил ряд проблем, понижающих эффективность взаимодействия и требующих оперативного разрешения. Так, наиболее распространенной формой взаимодействия следователей и сотрудников оперативных подразделений является создание следственно-оперативных групп, а поскольку преступления террористической направленности относятся к подследственности как Следственного комитета, так Федеральной службы безопасности, отсутствие возможности создания следственных групп с привлечением следователей других ведомств, не соответствует потребностям правоприменительной практики.

Также важно отметить межрегиональный характер деятельности террористических формирований, что обусловливает необходимость дачи поручений о производстве следственных и оперативно-розыскных действий на территории других регионов и для организации надлежащего взаимодействия и контроля за исполнением поручений следователь должен лично присутствовать на месте происшествия.

Особую сложность при расследовании уголовных дел данной категории порождает использование участники преступных формирований информационно-телекоммуникационной сети Интернет, с помощью которой осуществляется вербовка новых членов, размещается текст и видеоматериалы призывов к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, производится финансирование терроризма. В практики расследования имеют место ситуации, при которых участники данного преступления даже не знакомы между собой и поддерживали связь посредством современных средств коммуникации.

Продолжает оставаться актуальными вопросы усиления взаимодействия следователей СК России с соответствующими подразделениями МВД и ФСБ России, а также расширение использования современных достижений цифровой криминалистики, которые позволяют провести тщательное изучение и анализ «электронных следов» и в кратчайшие сроки установить участников преступной группы.

Представляется, что эффективному решению вопросов взаимодействия дознание, следствия и правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, препятствует несовершенство законодательного регулирования отдельных вопросов, в частности: использование в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности, несоответствующих реальной ситуации, а также отсутствие полномочий следователя знакомиться с материалами оперативно-розыскной деятельности и осуществлять контроль за исполнением данных поручений и т. д. По мнению отдельных теоретиков и практиков, к которому мы присоединяемся, эти положения закона требуют соответствующей корректировки [3, 128]. Небезынтересными представляются предложения о законодательном закреплении важной роли следователей-криминалистов, которую они фактически играют в организации взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений, особенно на первоначальном этапе расследования преступлений, представляющих повышенную общественную опасность [4, 134].

Таким образом, общность задач, стоящих перед следственными и иными правоохранительными органами, в том числе осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений террористического характера обусловливает необходимость теснейшего взаимодействия между ними, путем совершенствования форм и методов сотрудничества, поиска оптимального соотношения деятельности органов предварительного следствия и дознания.

Литература

1. *Бастрыкин А.И.* Выступление на совместном заседании коллегии Следственных комитетов Армении, Белоруссии и России [Электронный ресурс]. URL: http://tass. ru/proisshestviya/4215747 (дата обращения: 01.04.2021). – Текст: электронный.
2. *Комарда К.П.* Интервью руководителя отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1529946/?print=17 (дата обращения: 03.04.2021). – Текст: электронный.
3. *Ложис З.З.* Организация взаимодействия органов следствия и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: проблемы и пути их решения (Москва, 13 декабря 2018 года) / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 126–132.
4. *Майков С.Ю.* К вопросу о роли следователей-криминалистов в организации взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: проблемы и пути их решения (Москва, 13 декабря 2018 года) / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 132–138.
5. Случаи предотвращения терактов на территории России в 2020-2021 годах [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210304/terakty-1599881015.html?in=t (дата обращения: 01.04.2021). – Текст: электронный.

К.С. Плахота

Искусственный интеллект в деятельности правоохранительных органов: сегодня, завтра

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования современных информационных технологий, включая искусственный интеллект, в деятельности правоохранительных органов; на примере зарубежного опыта показаны проблемные вопросы их применения в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: высокие технологии, искусственный интеллект, правоохранительные органы, следственная практика, преступления будущего, Интерпол, расследование преступлений.

Научно-технический прогресс предоставил обществу обширные возможности, однако его достижения, в том числе в области информационных технологий, с опережением используются преступностью. В настоящее время эффективность деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий во многом зависит от освоения их сотрудниками возможностей цифровизации. Преступные группы, организации, сообщества активно используют искусственный интеллект для совершения «преступлений будущего», которые на сегодняшний день стали настоящим. Борьба с современной преступностью похожа на борьбу с многоголовым монстром: «когда ему отрубают одну голову, обязательно вырастут еще две, которые умнее и коварней, чем раньше». В связи с этим правоохранительная деятельность требует активного и скорейшего внедрения высоких технологий.

В июле 2018 года Интерполом совместно с Межрегиональным научно-исследовательским институтом ООН (НИИ ООН) по вопросам преступности и правосудия в г. Сингапуре был организован форум, посвященный вопросам искусственного интеллекта и робототехники. В июле 2019 года этими же организациями в целях расширения использования высоких технологий в правоохранительной деятельности организовано второе Глобальное совещание. 10.10.2019 года в Российской Федерации утверждена национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года. Активные разработки, связанные с искусственным интеллектом, ведутся во многих странах, таких как Россия, США, Япония, Германия. С 3 по 5 декабря 2020 года в онлайн режиме была проведена международная конференция по искусственному интеллекту и анализу данных («Artificial Intelligence Journey 2020»); в работе которой приняли участие 87 стран, в том числе и Российская Федерация. Президент Российской Федерации В.В. Путин принял участие в конференции в режиме видеоконференцсвязи, в своем выступлении он отметил: «…нужно научиться управлять искусственным интеллектом, он - основа для нового рывка в развитии человечества»[1].

Искусственный интеллект (ИИ) способен на многое: от написания статьи в журналистике (компания Yahoo! Использует ИИ для подготовки простых документов о спортивных мероприятиях и выборах), использования беспилотных автономных автомобилей (Тесла, Яндекс), поиска по фото в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» людей в социальных сетях, слежение за людьми с помощью геолокации, которую сообщает их смартфон и до расследования сложных серийных преступлений за несколько дней. Примером последнего является расследование серийных убийств, совершенных Зодиакальным маньяком в США. Зодиак, как он себя прозвал, совершал серийные убийства с

[1] 04 декабря 2020 года Владимир Путин в режиме видеоконференции принял участие в основной дискуссии конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey (AI Journey 2020) на тему «Искусственный интеллект — главная технология XXI века» // https://www.youtube.com/watch?v=39lENEyhuTs.

1970-х годов, по данным полиции на его «руках» от 5 до 37 жертв (последняя цифра сообщена в письмах самим Зодиаком). Зодиак не старался скрывать свою личность (однако она так и не была установлена) от полиции и даже писал письма (в том числе в редакции газет), однако зашифрованные. И лишь 11 декабря 2020 года (спустя 51 год) программист Дэвид Оранчак с помощью компьютерной программы смог расшифровать послание, в котором маньяк сообщал, что собрал необходимое количество рабов (убитые им жертвы) для загробной жизни.

Так компьютерные программы, построенные на ИИ с глубоким обучением способны на основании анализа определенных данных (данные с камер видеонаблюдения, данные о месте нахождения и проживания преступников) способны спрогнозировать места совершения преступлений. Однако еще раз отметим, что для этого требуется массивный объем данных, в противном случае это просто предположение.

Компания «PredPol» утверждает, что, используя результаты анализа преступлений прошлый лет можно предсказать возможность совершения будущего преступления, а также где и когда оно может произойти. Алгоритм такого прогноза помогает полиции усиливать бдительность в соответствующих районах[1].

Развитие программ, прогнозирующих возможное время и место совершения преступления следует рассматривать в контексте разработок по программе «Умный город», включая распознавание лиц (на улицах, вокзалах, аэропортах, транспорте и т.д.). При этом основным средством получения соответствующей информации являются камеры видеонаблюдения. В Москве по всему городу установлено более 204 000 видеокамер, в том числе внешних систем видеонаблюдения, более 102 900 видеокамер установлено на подъездах, более 6 000 видеокамер установлено в местах массового скопления граждан, «более 5 000 преступлений, в т.ч. особо тяжких, раскрыто в 2020, при расследовании 70% преступлений используется городская система видеонаблюдения»[2]. В Нью-Йорке существует единая система сбора и анализа данных, включающая сотни тысяч камер, которая способна по видео-аудио и вибродатчикам опередить противоправное деяние, а также факт применения огнестрельного оружия. Подобные системы имеются в Сиднее, Пекине, Берлине, Сингапуре.

Система видеонаблюдения способствует предупреждению совершения значительного количества преступлений, а также более эффективному раскрытию совершенных преступлений[3]. А учитывая, что некоторые из камер способны зафиксировать не только информацию о движении преступника по городу, но и его внешность (а при наличии камер, различающих биометрические параметры – личность), деятельность сотрудников правоохранительных органов становится в

---

[1] Omkar Sabnis, Sukant Khurana. Artificial Intelligence and Data Science are changing Crime Investigation and Prevention // [Электронный ресурс]: URL - https://towardsdatascience.com/artificial-intelligence-and-data-science-are-changing-crime-investigation-and-prevention-62a6e6f15283

[2] Департамент информационных технологий города Москвы URL: https://video.dit.mos.ru/

[3] Майданский О. Государство и безопасность // Альманах Искусственный интеллект №3, 2019. С.116.

разы эффективнее. Однако данные технологии имеются далеко не во всех городах России.

В России в качестве «пилотного» проекта наиболее крупные объекты транспортной инфраструктуры (четыре региональных аэропорта, два морских порта, железнодорожный вокзал) были оснащены биометрическими камерами способными распознавать лица. Лица граждан сканировались системой и сравнивались с лицами граждан, находящихся в розыске. При совпадении сотрудникам, обеспечивающим безопасность приходит оповещение.

Справедливо замечание И.В. Тишутиной, что у правоохранительных органов имеется множество информации: о преступлениях и преступниках, из различных баз данных (пулегильзотека, «Папилон»), однако вся собранная информация не оцифрована и не автоматизирована. Соответственно, на первое место выходит не объем данных, которыми располагают правоохранительные органы, а наличие в их распоряжении интеллектуальных платформ анализа и прогнозирования на основе больших данных[1].

В правоохранительных органах существует множество баз данных, однако информация, поступающая с камер видеонаблюдения, до сих пор не компонуется в специальной базе данных. Между тем анализ видеозаписей позволил бы находить совпадения в поведении и внешнем облике лиц, что позволило бы раскрывать преступления «по горячим следам». Например, в США существует программа распознавания граждан по фрагментам татуировок (данная программа была разработана в 2014 году ФБР совместно с Cyrcadia и Cure Metrix)[2].

В докладе Европола 2017 года было отмечено, что использование возможностей современных информационных технологий позволяет правоохранительным органам добиваться серьезных успехов в борьбе с организованной преступностью, тем не менее, даже при высоком качестве материально-технической базы и программно-аппаратного обеспечения, их потенциал не реализуется из-за низкого уровня компьютерной грамотности полицейских во многих случаях заметно уступающего её уровню у преступников[3]. В данном случае необходимо обеспечить подразделения МВД России соответствующими специалистами, которые бы повысили грамотность сотрудников правоохранительных органов в области цифровизации.

Преимущества использования в деятельности правоохранительных органов ИИ не вызывают сомнений. И, по нашему мнению, высокие технологии должны внедряться в деятельность оперативных работников, следователей, экспертов, криминалистов. Однако ИИ, на примере робота, никогда не сможет заменить следователя, адвоката, судью, поскольку для работы в данной сфере нужны та-

---

[1] Тишутина И.В. Использование возможностей искусственного интеллекта в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. В сборнике научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 334-339.

[2] Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта/ Под ред. В.С. Овчинского. – М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. С.53-54.

[3] Доклад Европола «Оценка серьезных угроз организованной преступности в 2017 г.» // https://www.europol.europa.eu/

кие качества как человечность, высокий уровень эмпатии, справедливость и способность к анализу. А сможет ли ИИ объяснять свои выводы, оптимизировать ситуации? Ответить на этот вопрос нам предстоит в ближайшем будущем.

Я.П. Ряполова

Модернизация стадии возбуждения уголовного дела в контексте перехода на электронный формат российского уголовного судопроизводства[1]

Аннотация. В статье освещены дискуссионные аспекты внедрения электронного формата приема, регистрации и обработки сообщения о преступлении, рассматриваются перспективы развития электронного взаимодействия между участниками уголовно-процессуальных правоотношений на данном этапе, а также связанный с этим вектор трансформации деятельности следственных органов. Делается вывод об ожидаемом переходе (замене) на электронный формат максимально возможного объема составляемых и обрабатываемых уголовно-процессуальных документов при условии сохранения в текущих условиях альтернативной (письменной, традиционной) формы их закрепления в материалах проверки.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, следственные органы, сообщение о преступлении, электронный документооборот, цифровизация.

Цифровизация уголовного судопроизводства по праву призвана занять место одного из значимых направлений реализации уголовно-правовой, а значит и уголовно-процессуальной политики в условиях наступательного воздействия информационно-коммуникационных и цифровых технологий на общественные отношения.

Эпидемия коронавирусной инфекции определила новую повестку обсуждений в научных кругах о необходимости внедрения и апробации новых технологических решений в уголовно-процессуальную деятельность и скорейшего перехода российского уголовного судопроизводства в электронный формат [1, 13]. Тенденция отказа от бумажного уголовного дела в пользу цифровых технологий позволила авторам, исследующим эту тему, занять различные позиции: от опасений, связанных с возвышением цифровизации, до крайней формы ее реализации – замены следователей и других представителей юридической профессии роботами [12, С.26].

Применительно к стадии возбуждения уголовного дела прогрессивными видятся идеи внедрения электронной формы подачи сообщения о совершенном или подготавливаемом преступлении, а также введения автоматизированного порядка приема, регистрации, обработки сообщений о преступлениях [9, С. 97; 14, С. 110].

На начальном этапе досудебного производства возможность привнесения «цифровых элементов» в уголовно-процессуальную деятельность имеет особое значение: данная стадия скоротечна, в силу чего любое высвобождение временных ресурсов правоохранительных органов за счет внедрения компьютеризиро-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

ванных программ приема, регистрации и обработки информации о преступлениях способствует сокращению неоправданных перерывов в ходе документального (бумажного) оформления поступившего сообщения о преступлении, общения с заявителями, передачи сообщений по подследственности вместе с собранными материалами, в ходе реализации ведомственного контроля и пр. Благоприятные последствия такой модернизации следует увязывать также с объективизацией криминальной статистики и ожидаемым снижением нарушений учетно-регистрационной дисциплины, исключением возможности утраты и уничтожения материалов проверки.

Вместе с тем высказанные идеи требуют обстоятельного изучения и определения теоретической и организационной основы для изменений подобного рода в рамках УПК РФ.

На сегодняшний день существующая практика говорит нам о преобладании ведомственного подхода, когда цифровые технологии «вписываются» в общую работу того или иного ведомства [3, С. 64] в системе правоохранительных органов (система электронного документооборота в органах внутренних дел, автоматизированный информационный комплекс «Надзор», инициативные разработки Следственного комитета РФ, например, автоматизированная система уголовно-правовой статистики и информационная система «Электронный паспорт уголовного дела» и некоторые другие, в различных Главных управлениях Следственного комитета, а порой и отдельных региональных следственных управлениях в той или иной мере используются дополнительные программные средства оптимизации прохождения документов, ориентированные на уточнение именно своих специфических задач [2, С.53; 5, С.103]). Положительным моментом при таком подходе можно считать то обстоятельство, что зрелость IT-технологий, доступных нашим следственных органам и всей правоохранительной системе, позволяет говорить о готовности к введению электронных форм взаимодействия между различными ведомствами и гражданами при приеме и рассмотрении заявлений о преступлении.

Идея электронного документооборота на этапе рассмотрения сообщения о преступлении заключается в создании программного обеспечения (платформы), позволяющего упростить процесс документирования следственными органами порядка приема, регистрации и дальнейшего производства по сообщениям о преступлениях, обеспечить возможность создавать электронные документы, подписывать их посредством электронно-цифровой подписи, хранить и предоставляться уровневый доступ к имеющимся материалам проверки уполномоченным пользователям для осуществления ведомственного контроля и повышения эффективности прокурорского надзора.

Электронный формат обработки первичной информации о преступлении предполагает проведение ряда организационно-обеспечительных процессуальных действий [11, С. 87] с помощью электронных технических средств (прием и регистрация заявления о преступлении в электронном форме, загрузка сканированного образа письменных документов, заполняемых следователем на данном этапе, для формирование «электронного досье» по материалам проверки в целях предоставления полного доступа к ним субъектам контроля и надзора на данном

этапе, заполнение и подписание итоговых процессуальных документов в электронной форме, направление их заявителю, руководителю и прокурору, по подследственности, совершенствование форм организационного контроля в системе следственных органов, например, дача указаний (согласование, визирование) руководителем следственного органа также в электронной форме, автоматическое распределение материалов проверки между подчиненными следователями исходя из средней нагрузки, отслеживание контрольных сроков доследственной проверки и пр.). При этом нет определенности в выборе качественного решения о способах аутентификации электронных документов, которые будут поступать от рядовых заявителей: закрепление возможности подписания документов посредством электронной цифровой подписи [8, С. 223] означает настоятельную необходимость поиска доступных способов ее получения для всех заинтересованных граждан.

Считается, что цифровизация уголовного судопроизводства предполагает полный отказ от бумажной формы уголовно-процессуальных документов [7, С. 86], наиболее прогрессивной в этом отношении страной является Сингапур, где судопроизводство полностью осуществляется без бумажных носителей [6, С.29]. Рискнем предположить, о полноценном переходе на полностью электронный формат досудебного производства говорить все-таки преждевременно. В контексте эволюционного подхода к цифровизации [12, С.26] мы придерживаемся точки зрения о поэтапном перестроении режимов ввода и вывода процессуально значимой информации о преступлении в электронный формат; целесообразности сосуществования достаточно продолжительный период альтернативных моделей (электронная и письменная) формирования повода для возбуждения уголовного дела [10, С. 311]. К тому же вызывают вопросы сама возможность закрепления в электронной форме информации о предметах и документах, поступивших к следователю или дознавателю и могущих стать впоследствии вещественным доказательствами, ведь заменить их виртуальными аналогами не представляется возможным [4, С. 18], значит реальная «физическая» часть будущего уголовного дела никуда не денется.

Система уголовного судопроизводства как информационная система обладает сложными и переменными входными данными, с неповторяющимися действиями и задачами, а также «сервисами» с профессиональными, индивидуализированными выходами, поэтому нельзя возводить в абсолют возможности сплошной автоматизации данных процессов посредством заполнения унифицированных электронных форм, объективно существует проблема вероятных «сбоев» каждый раз, когда потребуется обновление программного обеспечения вследствие существенных изменений в законодательстве или организационной системе следственных органов. По-прежнему открыт вопрос так называемого «цифрового неравенства», когда для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий. Ввиду этих и других обстоятельств «доступность» бумажных файлов и бумажных рабочих процедур на этапе обработки первичной информации о преступлении должна быть сохранена.

Таким образом, в контексте рассуждений о стратегических целях модернизации стадии возбуждения уголовного дела в условиях воздействий технологического фактора на систему уголовного судопроизводства можно говорить о переходе (замене) на электронный формат максимально возможного объема составляемых и обрабатываемых уголовно-процессуальных документов при условии сохранения в текущих условиях альтернативной (письменной, традиционной) формы их закрепления в материалах проверки.

Литература

1. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени// Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36 С.5-15.
2. Бычков В. В., Вепрев С. Б. Электронный документооборот в следственной деятельности: проблемы и пути их решения //Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №. 4 (19). С.50-54.
3. Воскобитова Л. А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших //Lex Russica. – 2020. – №. 4 (161). С. 53-68.
4. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? //Вестник экономической безопасности. – 2019. – №. 1. С. 15-25.
5. Канунник А. И., Сергеева Т. А. Проблемы и перспективы использования электронного документооборота в Следственном Комитете Российской Федерации //Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – №. 3 (31). С. 101-106.
6. Костенко Р. В. В начале пути цифровизации российского уголовного судопроизводства //Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – №. 4. – С. 28-33.
7. Малышева О. А. Особенности доказывания, осуществляемого следователем, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – №. 10 (74). С.82-88.
8. Марковичева Е. В. К вопросу о внедрении в российский уголовный процесс электронного уголовного дела //Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. – 2019. – С. 220-224.
9. Масленникова Л. Н. Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий //Труды Академии управления МВД России. – 2019. – №. 1 (49). С. 93-98.
10. Масленникова Л.Н. К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном судопроизводстве //Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – №. 1. С. 309-312.
11. Ряполова Я.П. Понятие и виды процессуальных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 4 (37). С. 85-90.

12. Семенцов В. А. Цифровизация отечественного уголовного судопроизводства: эволюционный подход //Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – №. 3. – С. 24-28.
13. Спесивов Н. В., Титов А. А. Пандемия covid-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства //Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – №. 3 (134). С193-200.
14. Усачев А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №. 8 (60). С.100-111.

М.Ф. Силонова

Новые аспекты расследования преступлений суицидальной направленности, совершаемых в сфере информационных технологий

Аннотация. В статье рассматриваются новейшие элементы цифровизации преступлений суицидальной направленности. Речь идет о новой волне призывов подростков к совершению самоубийств, посредством современных социальных сетей, и иных платформ, содержащих вредоносный и запрещенный контент. В том числе затрагивается тема использования мессенджеров, которые ранее в данном контексте не рассматривались.

***Ключевые слова*:** подростковые самоубийства синий кит, суицидальный контент, группы смерти, соцсети, TikTok.

Стремительное развитие информационных технологий и технических средств, неизбежно влечет за собой их противоправное применение в криминальной сфере. Лавинообразно растет количество преступлений, совершенных с использованием всевозможных электронных устройств с возможностью выхода в сеть Интернет. Это, безусловно, усиливает обеспокоенность общества, и главным образом - проникновение преступной деятельности в социальные сети. Чаще всего речь идет о мошеннических действиях, но, по нашему мнению, пристальное внимание следует обратить и на преступления суицидальной направленности, совершаемые посредством информационных технологий.

Как известно, в 2017 году посредством принятия Федерального закона Российской Федерации от 07.06.2017 № 120-ФЗ были внесены изменения в ст. 110, регламентирующую ответственность за доведение до самоубийства. Кроме того, были внесены две новые статьи: ст. 110.1, которая предусматривает ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению, а также ст. 110.2, регламентирующая ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства[1].

[1] Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению" от 07.06.2017 № 120-ФЗ URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41969 (дата обращения 04.03.2021).

Катализатором к данным изменениям уголовного законодательства послужил общественный резонанс, вызванный статьей «Группы смерти (18+)», вышедшей в «Новой газете» в мае 2016 г [1]. В ней сообщалось о существовании в социальных сетях неких групп, в социальных сетях, содержащих суицидальный контент, и об их администраторах, вовлекавших подростков в опасные игры, которые в дальнейшем могли привести к суициду. К этому моменту правоприменителю стало ясно, что имеющейся статьи 110 УК РФ недостаточно, ибо противоправные действия подобных сообществ и их администраторов под действие указанной статьи не подпадали. И уже через год новые составы были внесены в Уголовный кодекс РФ.

Нет никаких сомнений в том, что массовость и опасная общедоступность в сети Интернет «групп смерти», стала одной из причин роста числа суицидов не только среди несовершеннолетних, но и среди некоторых категорий взрослых людей. Согласно данным, предоставленным организацией Savanta, 55% российских родителей считают, что их дети проводят слишком много времени в интернете, но в то же время 58% признают, что могут сказать то же самое о себе [2].

Изучение статистики, рассмотренных в суде уголовных дел, за первые несколько лет с момента введения правовых норм суицидальной направленности в УКРФ, имеющейся в свободном доступе, указывает на ничтожно малое их количество. Таким образом в 2017 году, за доведение до самоубийства по ч.1 ст. 110 УКРФ было осуждено 15 человек, в 2018 году - 14 человек по ч.1 ст. 110, и 2 человека по ч.2 ст., а в 2019г. По той же статье, по ч.1 судом признаны виновными 9 человек, а по ч.2 – 10. Далее, за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, по ст. 110.1 УКРФ в 2018 году трём осужденным были внесены обвинительные приговоры по ч. 3, и одному человеку по ч.5. В 2019 году по той же статье, но уже по части 1 был осужден один человек, по ч. 3 и 5 – по 2 человека. Что же касается статьи 110.2 УК РФ, предусматривающую ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, то за 2018 и за 2019 гг. и только по ч. 2 вынесено по 1 обвинительному приговору [3].

Это связано со сложностью доказывания подобных преступлений, а также с высокой степенью их латентности. Ведь для того, чтобы создавать подобные группы нет необходимости регистрировать свое настоящее имя или иные данные. Изменение IP-адреса компьютера также не является большим затруднением. Более того, после развернувшейся активной борьбы на законодательном уровне с сайтами, содержащими суицидальный контент, путем их закрытия, основатели подобных групп просто создавали новые буквально на следующий день.

Необходимо признать, что по сей день «группы смерти» до конца не ликвидированы и они продолжают вести свою противоправную деятельность. При этом злоумышленники действуют очень изощренно и подчас даже более оперативно, чем отечественные правоохранители. Пока создавались специальные подразделения, проводилось обучение по борьбе с киберпреступностью на определенных платформах, таких как «ВКонтакте», организаторы «синих китов» сначала перешли на использование скрытых сетей, недоступных для общего пользования,

именуемые «даркнет»[4], затем, на какое-то время перешли в «Instagram», а потом и вовсе плотно погрузились во всевозможные мессенджеры.

На сегодняшний день существует огромное количество различных каналов, содержащих суицидальный контент, в популярном мессенджере Telegram [5]. Через них анонимные кураторы точно также продолжают вести свои опасные игры с участниками, давая им различные задания, и постепенно подводя их к финальному шагу – самоубийству.

А вот в начале марта 2021 г., в Москве и других городах России прошла волна дискуссий в различных средствах массовой информации, а также в сообществах и родительских чатах, на тему того, что среди подростков появилась новая форма агитации к совершению самоубийств. Обсуждалось, что в чрезвычайно популярной социальной сети под названием TikTok, распространяются призывы совершить массовый акт самоубийства среди подростков. Более того, был даже назначен конкретный день – 3 марта 2021 года.

Ситуация в Москве приняла достаточно масштабный оборот, когда Департамент науки и образования инициировал рассылку с предупреждением о предстоящей устрашающей акции. «Для того, чтобы предостеречь родителей, школы направили сообщения в родительские чаты с предупреждением и просьбой уделить особое внимание детям в этот период», — объяснили в ведомстве.

Далее к ситуации уже подключились депутаты Государственной Думы. Вице-спикер Ирина Яровая направила просьбу в Следственный комитет найти «организаторов призывов к детскому суициду». На что Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин незамедлительно поручил провести проверку, потребовав «принять исчерпывающие меры по оперативному пресечению противоправных действий и установлению злоумышленников» - сообщила официальный представитель СК РФ Светлана Петренко [6].

Роскомнадзор, со своей стороны, также отметил, что ими были зафиксированы подобные видео, распространяющиеся в TikTok. А Замглавы РКН по Центральному федеральному округу Николай Макаренко сообщил, что по состоянию на 22:00, 25 февраля, подобные ролики совокупно набрали больше 430 тысяч просмотров, а ближе к назначенной «дате» их количество увеличилось почти втрое.

Следует отметить также, что представители самой социальной сети TikTok отреагировали предельно оперативно и заявили, что самостоятельно начали блокировать посты об «акции массового суицида», а также удалять контент, «который изображает, пропагандирует, нормализует или прославляет самоубийства» [7].

На сегодняшний день выяснить, удалось ли злоумышленникам добиться ожидаемого результата в своих преступных деяниях или нет, является затруднительным. Однако сам прецедент снова остро поднял вопрос о том, что преступность в сфере информационных технологий представляют серьезную опасность для одной из самых незащищенных категорий нашей страны – ее несовершеннолетних граждан.

Так, например на встрече с участниками общероссийской акции взаимопомощи «Мы вместе» президент РФ Владимир Владимирович Путин, отвечая на во-

прос про ситуацию с побуждением подростков к совершению самоубийства посредством соцсетей, ответил достаточно жестко: «Одно дело - когда сидит в Интернете такой крутой Рэмбо: толкает девчонку или пацана с крыши прыгать. Он выстраивает целую концепцию, подводя к этому. Как только полиция зашла — в штаны наложил в прямом смысле этого слова! Ублюдок такой сидит! Букашка, раздавить его не жалко! Девочек, пацанов подталкивает к суициду и при этом выстраивает работу таким образом, что на этом еще и зарабатывает» [8].

Как справедливо заметил глава государства, помимо нездорового интереса к причинению подростками себе смерти, подобные администраторы преследуют также и меркантильный интерес. Что лишь повышает уровень общественной опасности творимых ими злодеяний.

В связи с этим, мы полагаем, что при расследовании уголовных дел по склонению и содействию к совершению самоубийства, а также организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, важным пунктом является тщательное исследование всех доступных источников информации, которыми пользовались погибшие в результате суицида лица. Помимо личных дневников и разного рода переписок в социальных сетях, также важно досконально изучить переписки во всевозможных мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Viber и др.), а также уделить пристальное внимание какой контент создавал он сам, о чем писал на своих страницах (а их как правило несколько) в соцсетях и т.п. В особенности, если в вышеперечисленных источниках обнаружена какая-либо информация, содержащая информацию, связанную с самоубийствами.

Преступления суицидальной направленности, особенно совершаемые в сфере информационных технологий, требуют к себе повышенного внимания и с научной точки зрения, так как на сегодняшний день отсутствуют необходимые методические рекомендации по всестороннему и тщательному расследованию подобных преступлений, предусмотренных ст.ст. 110, 110.1 и 110.2. УК РФ. Более того, разработка групповой методики их раскрытия и расследования внесла бы свой вклад в решение этой нетривиальной и остроактуальной проблемы.

Список источников

1. Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) // Новая газета. 16.05.2016. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604 (дата обращения: 04.03.2021).
2. «Лаборатория Касперского»: более половины российских родителей считают, что не только их дети, но и они сами проводят в сети слишком много времени // Каперский. 01.11.2019. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2019_laboratoriya-kasperskogo-bolee-poloviny-rossiyskih-roditeley-schitayut-chto-ne-tolko-ih-deti-no-i-oni-sami-provodyat-v-seti-slishkom-mnogo-vremeni (дата обращения: 04.03.2021).
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

1. Данные судебной статистики // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461 (дата обращения: 04.03.2021).
4. Кочегаров П. «Мне нравилось их контролировать». Исповедь куратора «групп смерти» Лайф. 26.06.2018 // Режим доступа: https://life.ru/p/1128255 (дата обращения: 04.03.2021).
2. http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461 (дата обращения: 04.03.2021).
5. Риа Новости "Синий кит": почему ужесточение закона не останавливает "группы смерти». Риа Новости. 20.06.2020. // URL: https://ria.ru/20200620/1573186152.html (дата обращения: 04.03.2021).
6. Тасс. Бастрыкин поручил провести проверку в связи с призывами к суициду среди детей в соцсетях. Тасс. 02.03.2021// URL: https://tass.ru/obschestvo/10818717.
7. Мингазов С. TikTok рассказал о работе соцсети по удалению контента о самоубийства. Форбс 03.03.2021 URL: https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/422449-tiktok-rasskazal-o-rabote-socseti-po-udaleniyu-kontenta-o-samoubiystvah (дата обращения: 05.03.2021).
8. Путин назвал ублюдками и букашками людей, призывающих к суицидам в интернете// Комерсантъ 04.03.2021 URL: https://www.kommersant.ru/doc/4713280 (дата обращения: 05.03.2021).

М.А. Сильнов

Цифровые технологии в доказывании и некоторые проблемы их использования при расследовании преступлений

Аннотация. В статье исследуются вопросы использования при расследовании преступлений цифровых технических средств в целях обнаружения и фиксации следов преступления, и некоторые аспекты обеспечения допустимости результатов соответствующих следственных действий.

Ключевые слова: криминалистическая техника и тактика, предварительное расследование, собирание доказательств, цифровые технологии в уголовно-процессуальном доказывании.

Технический прогресс ворвался во все сферы человеческой деятельности и серьезно изменил их привычное содержание. Эра цифровизации вторглась и в весьма закрытую, консервативную область государственной компетенции - сферу борьбы с преступностью. Новые способы получения криминалистической информации конкурируют с традиционными методами, насчитывающими порой более сотни лет [1, 3-18].

Активно обсуждаются практиками и представителями научного сообщества возможности использования в уголовно-процессуальной деятельности электронных уголовных дел [2, 95-101], принципы и алгоритмы автоматизации процесса квалификации преступлений [3, 5-10], другие направления применения систем искусственного интеллекта [4, 3-12].

Вызовы времени столь стремительны, что порой не оставляют законодателю и правоприменителю пауз «на раскачку», заставляя внедрять новые технологии в уголовно-процессуальную деятельность [5, 56-59].

Но все же остается немало вопросов к исполнению органами предварительного расследования требований уголовно-процессуального закона, регулирующих ставший уже традиционным порядок применения дополнительных средств фиксации при производстве следственных действий, которые уже более двух десятилетий осуществляются *в цифровом формате, под которым понимается* — тип сигналов и форматов данных в электронике, использующих дискретные состояния (в отличие от аналогового сигнала, использующего непрерывные изменения сигнала) [6, 5-9].

Результаты проведенных автором настоящей работы в разные годы исследований [7, 77-85] показали чрезвычайную распространенность нарушений процессуального порядка проведения фотографирования, аудио– записи и видеосъемки в процессе предварительного расследования.

Так, к наиболее типичным ошибкам следователей следует отнести: ненадлежащее разъяснение прав участникам следственного действия, привлечение в качестве понятых сотрудников правоохранительных органов, а равно одних и тех же лиц на постоянной основе, указание на производящего съемку специалиста как на участника следственной группы и неразъяснение ему прав и обязанностей, частая постановка наводящих вопросов, производство следственного действия без крайней необходимости в ночное время и другие подобные нарушения [7, 84].

Стоит отметить, что видеозапись в указанных случаях служит не закреплению следов преступления, как полагают следователи, а удостоверяет факт грубого нарушения предписаний УПК[1].

Следователям стоит иметь в виду, что при наличии заявленного в суде ходатайства со стороны заинтересованных лиц о просмотре таких “видеосюжетов”, могут возникнуть самые серьезные сомнения не только в их допустимости, но и в законности собственно протоколов следственных действий, приложением к которым они являются.

Поэтому следователям и руководителям следственных подразделений следует точно соблюдать требования ст.166, 189, 190, 192, 217 УПК, определяющих условия и порядок фотографирования, а также применения аудио–, видеозаписи при производстве следственных действий.

Предписания закона на практике в основном исполняются, хотя следователи часто грешат повторением за допрашиваемым той части его показаний, которую считают значимой для дела. Кроме того, прерывая видеозапись по каким-либо часто техническим причинам, следователи не оговаривают их и время, в которое это происходит, а равно не производят соответствующих записей в протоколе следственного действия. Но наиболее распространенный характер носят нарушения, связанные с окончанием производства следственного действия. Так, по его окончании, видео– или аудиозапись зачастую не воспроизводится участни-

[1] См.: Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2009 № 52-о09-10сп.

кам и соответственно они фактически лишаются права сделать уточнения и дополнения к записи и заявления, удостоверяющее ее правильность [7, 85].

Нетрудно предположить, что подобные нарушения, могут также подставить в суде под сомнение допустимость полученных доказательств или даже повлечь их исключение из дела.

В системе средств процессуального доказывания как бы особняком стоят следственные действия: «Контроль и запись переговоров» - ст.186 УПК, «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» - ст.186-1 УПК[1]. Данные процессуальные действия никак не подпадают под традиционное определение следственных, поскольку они не выполняются следователем (дознавателем) и не характеризуются его познавательной активностью [8, 33-38].

Роль следователя при этом сводится лишь к вынесению постановлений о производстве этих действий и приобщению к делу их результатов. Однако ответственные должностные лица, технический порядок реализации указанных средств доказывания в законе не предусмотрены, что часто не позволяет выявить отличий данных средств процессуального доказывания от схожих оперативно-розыскных мероприятий: «Просушивание телефонных переговоров» (ч.1 п.10 ст.6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») и «снятие информации с технических каналов связи» (ч.1 п.11 ст.6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), что на практике приводит к сложностям при выборе надлежащих средств процессуального доказывания и способов обеспечения достоверности их результатов.

Очевидно, что существует необходимость более детальной проработки в Законе или на уровне постановления Правительства РФ вопросов, касающихся круга должностных лиц, технических средств и порядка их использования при производстве указанных следственных действий.

Вместе с тем, мы рекомендуем в рамках возбужденных уголовных дел использовать способы собирания доказательств, установленные ст. 186 и 186-1 УПК, поскольку производство соответствующим им оперативно-розыскных мероприятий хотя и не противоречит действующей редакции ст.89 УПК РФ, но может повлечь жалобы со стороны защиты.

Указанными вопросами не исчерпывается круг непростых задач, связанных с применением надлежащих средств доказывания, которые наше технологичное время ставит на повестку дня перед органами, осуществляющими предварительное расследование. Но важно понимать, что от их оперативного решения напрямую зависит эффективность производства следственных действий.

Литература

1. *Торвальд Ю.* Век криминалистики. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
2. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95-101.

[1] Введена Федеральным законом от 01.07.2010 № 143-ФЗ.

3. *Аликперов Х.Д.* Электронная технология определения меры наказания («Электронные весы правосудия») / Предисл. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2020. – 170 с.
4. *Девятков В.В.* Системы искусственного интеллекта / Гл. ред. *И.Б. Фёдоров.* – М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2001. –352 с.
5. *Сильнов М.А., Герман А.С.* Практика применения видеоконференц-связи в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 56 - 59.
6. *Ярышев С.Н.* Цифровые методы записи видеоинформации. – СПб: НИУ ИТМО, 2012 – 86 с.
7. *Сильнов М.А.* Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии). – М.: МЗ-Пресс. 2001. – 112 с.
8. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М., 1981. – 127 с.

М.Ю. Степушов

Некоторые особенности предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью

Аннотация. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконной банковской деятельности, проявляются в предмете доказывания, включая размер преступного дохода. Другая отличительная особенность расследования этих преступлений состоит в специфике формирования уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности. В число неотложных следственных действий по этим уголовным делам входят обыски и выемки, а также допросы подозреваемых. Судебные экспертизы имеют важное значение для окончательного установления размера дохода участников незаконной банковской деятельности.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, оперативно-розыскная деятельность, предварительное следствие, уголовно-процессуальное доказывание, доказательства.

В виду сложности раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, производство предварительного следствия по уголовным делам об этих преступлениям осуществляется наиболее квалифицированным следователями. Так, в Нижегородской области следствие по данной категории уголовных дел ведется только следователями следственной части ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

Особенности предварительного следствия по уголовным делам данной категории обусловлены предметом доказывания, который, в свою очередь, имеет в своей материально-правовой основе юридические составы преступлений, предусмотренные статьей 172 УК РФ. Важным для привлечения к уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность является такой элемент объективной стороны юридического состава, предусмотренного статьей 172 УК РФ, как «получение дохода в крупном размере»: 2 млн 250 тыс. рублей. Этот элемент объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 172 УК РФ, должен быть установлен в ходе доследственной проверки. В

дальнейшем, если будут установлен «особо крупный размер», другие квалифицирующие признаки незаконной банковской деятельности, обвинение будет изменено на основании ч. 2 ст. 172 УК РФ.

Однако, при отсутствии размера дохода, установленного в ч. 1 ст. 172 и примечании к статье 170^2 УК РФ, уголовного дело не может быть возбуждено, даже если выяснены признаки незаконной банковской деятельности. Более того, сложилась практика устанавливать наличие дохода от незаконной банковской деятельности в крупном размере еще на этапе «реализации» результатов оперативно-розыскной деятельности путем регистрации в Книге учета сообщений о преступлениях (КУСП) соответствующего рапорта оперуполномоченного. Это вопрос решается с участием следователя и с привлечением специалистов экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Нижегородской области.

Расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельности, предполагает тесное взаимодействие следственного и оперативного аппаратов. Эти преступления раскрываются оперативным путем. Результаты таких негласных оперативно-розыскных мероприятий, как как прослушивание телефонных и иных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, скрытое наблюдение позволяют получить информацию, которая становится основой для формирования следователем уголовно-процессуальных доказательств. Многочисленные примеры из следственной практики подтверждают эту закономерность. Так, например, по уголовному делу № 552009, были получены и представлены затем в качестве доказательств обвинения результаты скрытого наблюдения, проведенного в офисе организации, служившей «обнальной площадкой»[1].

После возбуждения уголовного дела проводится комплекс неотложных следственных действий, направленных на реализацию результатов ОРД и фиксацию следов преступной деятельности. Эти следственные действия, включая обыски, выемки, допросы подозреваемых, проводятся при оперативном сопровождении сотрудников Управления экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭБиПК) ГУ МВД России по Нижегородской области. Так, в ходе обыска по уголовному делу № 11701220089000250 удалось зафиксировать ведение преступной деятельности, обнаружить и изъять предметы и документы, скопировать информацию с электронных носителей, имеющую доказательственное значение[2].

Важные доказательства удается получить допросами. Подлежащих немедленному допросу лиц можно разделить на такие виды: (1) подозреваемые в совершении преступлений, (2) лица, осуществлявшие регистрацию фиктивных организаций, изготовлению факсимиле подписей директоров этих организаций, спе-

---

[1] Уголовное дело № 552009 по обвинению Я.Д.А, М.В.В., М.В.А., З.И.Б., В.М.О., Ю.В.С., Б.А.Ю, К.Ю.В., П.Д.Щ., П.Г.А., Б.А.Д., Д.А.А., К.С.А., Г.А.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

[2] Уголовное дело № 11701220089000250 по обвинению Ш.Д.П., В.В.Ю., Ч.И.С., Ш.О.А., В.Т.В., Х.К.Ю., Е.Е.В., П.П.Б., Т.И.П., Д.С.А., Г.О.Н., О.Е.И. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

циалистов, обеспечивающих техническую эксплуатацию офисного оборудования и пр., (3) сотрудники территориальных инспекций Федеральной налоговой службы, (4) лица, являющиеся клиентами незаконного обналичивания или транзитирования денежных средств.

Характерным моментом расследования этих дел является задержание подозреваемых в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, сроком на 48 часов. В этот срок требуется провести максимальный объем следственных действий с подозреваемыми: допросы, следственные осмотры изъятого, очные ставки, а также осмотр (прослушивание) с участием лиц, подозреваемых в незаконной банковской деятельности, результатов ОРМ «прослушивание телефонных переговоров». В этот период под воздействием доказательств и всей обстановки подозреваемые склонны к даче признательных доказательств, что позволяет далее закрепить их следственным путем. Так, по уголовному делу № 11801220089000289 в ходе первоначальных допросов подозреваемых с участием их защитников были получены их признательные показания, которые в последующем легли в основу обвинения, несмотря на то, что некоторые из обвиняемых в ходе следствия пытались менять свою позицию[1].

Следственные действия, проводимые после первоначального (в порядке статьи 100 УПК РФ) предъявления обвинения, призваны закрепить, проверить ранее полученные доказательства. В их число входит осмотр электронных документов, электронных носителей информации с целью обнаружения доказательств того, что субъектами велась незаконная банковская деятельность.

Проведение судебно-бухгалтерской экспертизы по этим делам обязательно. Этим подводится научное, экспертное основание под выводы следствия. Круг вопросов, который ставится перед экспертами главным образом касается суммы доходов, полученных участниками незаконной банковской деятельности. В следственной и судебной практике правоохранительных органов Нижегородской области устоялся такой стандарт заключения этой экспертизы, в котором превалирует упор на цифровую составляющую и избегание экспертом любых выводов, которые можно трактовать как правовую оценку.

Таким образом, можно говорить о следующих особенностях расследования и раскрытия преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью. Во-первых, это тесное взаимодействие следственного и оперативного аппаратов. Это взаимодействие начинается еще на этапе реализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Предварительная оценка следователем этих результатов предшествует регистрации рапорта оперуполномоченного в КУСП. В ходе доследственной проверки и тем более в стадии предварительного расследования следователь является своего рода процессуальным руководителем сотрудников УЭБиПК, ставя перед ними задачи, поручая производство следственных действий и пр. Во-вторых, очень важна специализация следователей на расследовании данной категории преступлений. Она обеспечивает эффективность указанного взаимодействия. В-третьих, со стороны руководства следственного органа необходима тщательная подготовка к реализации результатов оперативно-

[1] Уголовное дело № 11801220089000289 о совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ // СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области.

розыскной деятельности действий путем проведения неотложных следственных действий, в ходе которых фигуранты незаконной банковской деятельности должны быть задержаны с поличным и изобличены обысками и допросами.

А.М. Темриева
А.А. Бояркина

Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве: от законодательной идеи к процедурному воплощению

Аннотация. Сегодня коррупция поразила практически все сферы. В статье отмечается, что борьба с коррупцией невозможна без уменьшения коррупционных факторов в сфере уголовного судопроизводства. Антикоррупционные стандарты рассматриваются, как составная часть правового статуса сотрудников следственных органов. В антикоррупционном аспекте оценивается необходимость реформирования следственных органов.

Ключевые слова: антикоррупционные стандарты, коррупция, следственные органы, реформирование, уголовное судопроизводство.

Коррупция была и продолжает оставаться глобальной проблемой, которая затрагивает практически все сферы, в том числе уголовное судопроизводство. Серьезная роль отводится созданию и закреплению в законодательстве антикоррупционных стандартов, так как перманентно действующие запреты и ограничения образуют основу системы антикоррупционной работы. Как неоднократно отмечал А.И. Бастрыкин: «Одной из самых серьезных угроз безопасности государства является коррупция, поэтому борьба с коррупцией выступает в качестве приоритетного направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации»[2].

На международном уровне для государственных должностных лиц разработаны базовые рекомендации. Так, к документам, закрепляющим антикоррупционные стандарты, следует отнести Конвенцию ООН против коррупции[1], Модельный Закон «Об основах законодательства об антикоррупционной политике»[2] и т.д. Кроме того, для эффективного предупреждения и противодействия коррупции в части 3 статьи 5 Конвенция ООН против коррупции закреплен ориентир для государств-участников на периодическое проведение оценки действующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности.

---

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31.10.2003) // СЗ РФ. 2006. №26. Ст. 2780.

[2] Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (принят постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 15.11.2003 № 22-15) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2004. № 33.

Пункт 5 статьи 7 Федерального закона «О противодействии коррупции»[1] среди основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции называет введение антикоррупционных стандартов, в частности установление для соответствующей области социальной деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающие предупреждение коррупции в данной области.

Антикоррупционные стандарты кроме предусмотренных федеральным законодательством ограничений, запретов и дозволений устанавливают в отношении государственных служащих систему этических правил. Нормы служебного поведения государственных служащих содержатся в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»[2] и Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих[3].

Российское антикоррупционное законодательство начало складываться в начале 90-х годов XX века. Изначально антикоррупционные стандарты рассматривались лишь как законодательная идея. Первой попыткой воплощения идеи стал проект Федерального закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике»[4], предусматривавший систему антикоррупционных гарантий, ограничений и запретов, направленных на обеспечение наиболее эффективного предупреждения коррупции в проблемных сферах. Кроме того, до принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» в некоторых субъектах Российской Федерации осуществлялись попытки введения антикоррупционных стандартов [7, с. 49].

По мнению А.А. Тарасова, антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве – это совокупность вытекающих из принципов уголовного судопроизводства научно обоснованных правил, обеспечивающих антикоррупционную направленность нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. В сфере уголовного судопроизводства антикоррупционные стандарты обеспечивают своевременное выявление и предотвращение фактов коррупции; устанавливают ограничение произвольного и бесконтрольного злоупотребления властными полномочиями недобросовестным правоприменителем; направлены на сокращение негативных последствий коррупции по конкретному уголовному делу [5, с. 155].

В монографии под редакцией Т.Я. Хабриевой отмечается, что «нормативная регламентация уголовно-процессуальной деятельности изначально предусмот-

---

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть 1). Ст. 6228.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 12.08.2002 № 885 (в ред. 16.07.2009) «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // СЗ РФ. 2002. № 33. Ст. 3196.

[3] Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 №21) // Бюллетень «Официальные документы в образовании». 2011. № 36.

[4] Проект федерального закона № 216592-3 от 19.06.2002 «Основы законодательства об антикоррупционной политике» // Режим доступа «СОЗД» https://sozd.duma.gov.ru/bill/164749-3

рена для добросовестного правоприменителя, а процессуальная форма как таковая является разветвленным комплексом гарантий правосудия, прав и законных интересов граждан» [3, с. 191]. Но на практике могут возникать ситуации, создающие для правоприменителя возможность и условия для коррупции. Это подтверждает наличие в уголовном судопроизводстве коррупционных рисков, в частности, связанных с несовершенством некоторых положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (например, перенасыщенность норм оценочными понятиями, размытыми сроками и т.д.).

Противоречие, бессистемный характер и необоснованное дублирование антикоррупционных норм являются проблемой не только уголовного судопроизводства и не только сотрудников следственных органов, но и служащих и должностных лиц иных видов государственной службы. Например, понятие «конфликт интересов» на сегодняшний день не имеет однозначного понимания и закрепления. В отличие от части 1 статьи 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» часть 1 статьи 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[2] данное понятие раскрывает более детально, определяя конкретнее круг лиц, с которыми связано понятие личной заинтересованности и т.д.

Данное положение и другие аналогичные нормы позволяют говорить о важности систематизации антикоррупционного законодательства. Одним из способов решения данных проблем может быть его кодификация. Разработка кодифицированного акта в сфере антикоррупционного законодательства позволила бы в едином нормативном правовом акте: упорядочить основные термины и прийти к их однозначному пониманию; установить перечень лиц, обязанных руководствоваться в своей деятельности антикоррупционными стандартами; создать систему антикоррупционных обязанностей, запретов, ограничений и т.д.

На первом месте в борьбе с коррупцией должны быть ее профилактика и внедрение предупредительных мер, а не устранение последствий и наказание виновных коррупционеров, хотя это также является важной составляющей. Для этого необходимо улучшать систему отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы, создавать систему, которая позволит своевременно выявлять склонных к коррупции лиц. В Следственный комитет Российской Федерации уже проводит существенную работу по профилактике коррупции в своих рядах, реализуя установленные антикоррупционные стандарты. Согласно приказу Следственного комитета Российской Федерации от 2 сентября 2015 года №74[3] работники, замещающие отдельные должности на основании трудового догово-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. от 24.02.2021 № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть 1). Ст. 4921.

[2] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. 08.12.2020) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[3] Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 02.09.2015 № 74 «О распространении на работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Следственным комитетом Российской Федерации, ограничений, запретов и обязанностей, установленных для федеральных государственных служащих» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 1. 2016

ра в организациях, созданных для выполнения функций Следственного комитета Российской Федерации, также обязаны соблюдать данные ограничения, запреты и обязанности.

А.И. Бастрыкин в рамках борьбы с коррупцией отмечает необходимость реформирования правоохранительных органов. Председатель Следственного комитета Российской Федерации важнейшим шагом к такому реформированию видит создание Объединенного следственного комитета, в состав которого, помимо Следственного комитета Российской Федерации вошли бы следственные органы Министерства внутренних дел [1, с. 12].

Создание единой службы расследование не является новеллой для российского государства. В 1859 году Н.И. Стояновский – выдающийся судебный деятель, юрист, товарищ министра юстиции, действительный тайный советник – стал во главе комиссии, которая занималась разработкой проекта разделения предварительного следствия и полиции. Данный проект был направлен на передачу следственной части в судебное ведомство. Н.И. Стояновский в пояснении к записке отметил: «Власть следственная есть часть судебной власти» [4, с. 271].

По мнению Цветкова Ю.А., современный этап является переходным для следственных органов, и образование Следственного комитета Российской Федерации стоит рассматривать только как часть реформы [6, с. 35].

Сегодня можно встретить разные мнения ученых и правоведов относительно данной проблемы, среди которых следует выделить основные аргументы в пользу необходимости объединения органов следствия:

– работа единого следственного органа позволила бы изменить современный ведомственный подход к работе органов предварительного следствия, что повысит уровень ответственности за качество оперативно-розыскных мероприятий;

– автономность единого следственного органа позволит более детально и объективно подходить к проведению всех необходимых процессуальных действий в рамках тех или иных уголовных дел. Тем самым появится возможность в рамках единого следственного органа организовать работу специализированной структуры по противодействию коррупции, где в рамках одного ведомства была бы собрана вся полнота полномочий, включая контрольные, информационно-аналитические, оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные.

Таким образом, антикоррупционные стандарты – это часть общих стандартов поведения лиц, осуществляющих уголовное производство. Основным назначение данных стандартов является разработка, применение и усиление норм поведения для честного и надлежащего исполнения государственных функций для обеспечения правильного понимания служащими своих обязанностей и этических правил, регулирующих их деятельность. Создание Централизованного аппарата, объединяющего следственные органы всех силовых ведомств в одной системе, будет способствовать ужесточению управленческого и исполнительного аппарата, что непосредственно повлияет на эффективность работы всей структуры, а также эффективному воплощению антикоррупционных стандартов.

Литература

1. Бастрыкин А. И. Противодействие коррупции как приоритетная сфера деятельности российского государства // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения. 2014.
2. Без оглядки на статус. Александр Бастрыкин: Противодействие коррупции идет системно и наступательно [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2020/11/10/bastrykin-protivodejstvie-korrupcii-idet-sistemno-i-nastupatelno.html (Дата обращения: 18.03.2021).
3. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2012. С. 688.
4. Сорокина Ю. В. Основные этапы реформы следственного аппарата и предварительного расследования в России 1860-1864 годов // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. №3. С. 270-277.
5. Тарасов А. А. Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2009. С. 158-160.
6. Цветков Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 33–38.
7. Цирин А.М. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 47-52.

Э.Б. Хатов

Анализ преступности: перспективы цифровизации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цифровой трансформации деятельности Следственного комитета Российской Федерации, связанные с внедрение новых технологий в анализ состояния преступности. На основе анализа нормативных актов и следственной практики, а также позиции руководства Следственного комитета сделан вывод о кардинально новых подходах к аналитической деятельности.

Ключевые слова: анализ, преступность, Следственный комитета, цифровизация, технологии, базы данных.

Активное применение цифровых технологий в деятельности правоохранительных органов является не только итогом их распространенности в обществе, но и ответом на их криминальное использование, что подтверждается данными об изменении структуры преступности в последнее десятилетие. Действительно, одной из реальных угроз охраняемым законом правам и свободам граждан, а также интересам общества и государства представляет именно преступность. При этом, как писал авторитетнейший криминолог И.И. Карпец, много лет руководивший Всесоюзным научно-исследовательским институтом проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР, 100 лет со дня рождения которого исполняется в 2021 году, преступность – явление вечное, при-

сущее любой формации и вплетенное в живую ткань общественного организма.[1] Следовательно, борьба с преступностью также является перманентной задачей государства, которая предполагает объединение усилий правоохранительных органов. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР А.И. Долгова, как исходный, необходимый элемент борьбы с преступностью совершенно справедливо рассматривала информационно-аналитическое обеспечение этой деятельности,[2] включающего обязательный анализ состояния преступности.

Поэтому, вопросы качественного, своевременного и достоверного анализа состояния преступности перманентно решают не только ученые-криминологи, но и в первую очередь практические работники. Указанная позиция нормативно подтверждается «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», согласно которому все правоохранительные органы осуществляют совместный анализ состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций развития.[3] Осуществляя уникальную функцию в сфере борьбы с преступностью, сотрудники Следственного комитета, занимают одно из лидирующих мест в ее анализе.

В чем суть анализа? Основанная на логике, эта работа позволяет, получить некоторую новую информацию из уже имеющейся, выявив содержащиеся в ней скрытые знания, уменьшив тем самым уровень неопределенности. При этом, в правоохранительной деятельности, «неопределенность – ключевое понятие теории и практики социального управления и в моделях принятия правоохранительным субъектом решений понимается как наличие нескольких возможностей исходов каждой альтернативы в деятельности по обеспечению безопасности общества от угроз преступности»[4].

Конечно, такой анализ – дело непростое. Тем более непросто прогнозировать состояние преступности. Следует учитывать огромные массивы информации, учесть которые, особенно используя компьютер только как калькулятор, может не каждый.

Достижение требуемого уровня аналитической поддержки организации деятельности всех звеньев системы СКР РФ в современный период по существу труднодостижимо без полноценного использования современных средств и методов комплексной обработки больших данных. Из-за этого создаются предпосылки риска принятия дефектных управленческих решений соответствующими руководителями различных органов правоохраны, а также государственных органов, куда поступает информация о состоянии законности и правопорядка.

Реализуя функции уголовного преследования, следователи постоянно получают различные сведения, отражающие состояние преступности

---

[1] См.: *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М. 1992. С. 91-92.

[2] Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005.С.91.

[3] П.5 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утв. Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 31.12.2019) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

[4] *Андреев Н.А., Коробов В.Б.* Стратегическое мышление в управлении правоохранительной сферой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2013. С. 88.

и правонарушаемости и анализируют их. Кроме того, согласно п.2. ст. 42 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «О Следственном комитете Российской Федерации», Следственный комитет обеспечивает предоставление в пределах компетенции первичных статистических данных в органы прокуратуры Российской Федерации для осуществления государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре в соответствии с Федеральным законом "О прокуратуре Российской Федерации".

Порядок такого анализа регламентирован отдельными приказами. В частности, приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 04.07.2011 № 104 «Об утверждении Типового положения о статистическом наблюдении в системе Следственного комитета Российской Федерации» требуется осуществлять анализ основных статистических показателей о состоянии преступности, результатах следственной работы и эффективности процессуального контроля (п.6).

В этой связи, своевременное и оперативное извлечение актуальной и достоверной информации в гигантском массиве разрозненных, нередко неподтвержденных или неполных данных и ее качественный анализ становится одной из важнейших задач практически во всех сферах деятельности Следственного комитета. Ее решение, по нашему мнению, возможно только за счет применения цифровых технологий, которые позволяют существенно оптимизировать процесс определения детерминирующих преступность факторов, делают реальным достижение предикативного анализа преступности.

Интернет, информационные системы, социальные сети, электронные мессенджеры стали не только частью повседневной жизни россиян, но и повсеместной практики правоохранительной и контрольной деятельности государственных органов [1]. К примеру, Председатель СК России в режиме видео-конференц-связи 02.04.2021 провел оперативное совещание по теме: «Проблемные вопросы организации работы территориальных следственных органов в социальных медиа», подчеркнув «это не только площадка для выражения мнения, но и источник информации, которым необходимо пользоваться как инструментом для повышения качества и эффективности работы следственных органов».[2]

В следственном комитете активно ведется работа по внедрению самых современных технологий. В частности, наиболее востребованным у следователей и следователей-криминалистов является сетевой аппаратно-программный комплекс для исследования мобильных устройств и устройств глобального позиционирования UFED ToucH.[3] Его применение позволяет извлекать, восстанавливать, расшифровывать и анализировать интересующую информацию о телефон-

---

[1] Хатов Э.Б. Состояние единого информационного пространства органов прокуратуры, иных правоохранительных, а также контрольно-надзорных органов и судов // Вестник Университета прокуратуры Рос. Федерации. № 3, 2019. С.39.

[2] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. https://sledcom.ru/news/item/1554027/ (Обращение от 05.04.2021).

[3] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации http://sledcom.ru/press/events/item/1483640/(Обращение от 05.04.2021).

ных вызовах, как по обычной телефонной сети, так и с помощью программ-мессенджеров, независимо от модели смартфона, иных устройств с функцией геопозиционирования, в том числе извлекать уже удаленные с устройства фото-видеоматериалы. Активно применяются самые современные технические приборы и устройства, позволяющие установить месторасположение скрытых видеокамер, а также локаторы, эхолоты, гидролокаторы, эндоскопы, беспилотники.

Однако, оперативному анализу состояния преступности может в определенной степени препятствовать нереализованная полностью потребность подключения следователей к государственным информационным системам, например СМЭВ. Не способствует этому и не всегда стабильное функционирование в районном звене ЕЗСПД[1], отдельных модулей ГАС ПС[2], проблем связанных с вводом информации, зависанием, сбоями при загрузке баз данных, которые не позволяют своевременно заполнить необходимые отчетно-аналитические формы портала ССТУ.РФ[3] а также получить оперативный доступ к базам данных правоохранительных и контролирующих и иных органов государственной власти, местного самоуправления. Так, чтобы избежать зависания, сбоев программного обеспечения, коллеги из отдаленных регионов Российской Федерации стараются осуществить загрузку необходимых данных в утренние или вечерние периоды времени, чтобы оптимально использовать разницу во времени.

Предусмотренное проектом цифровизации прокуратуры создание интерактивной карты преступности Российской Федерации с возможностью локализации очагов преступлений и правонарушений, определения параметров формирования очагов («тепловая карта преступности») вплоть до отдельной улицы и дома в любом населенном пункте также значительно повысит качество ее анализа. Размещенная в настоящее время на сайте crimestat.ru электронная карта преступности пока информирует о показателях преступности лишь на региональном уровне, дифференцируя регионы на несколько групп. Представляется, что указанные ресурсы будут доступны и в органах Следственного комитета.

Накопленный в течение нескольких лет опыт внедрения информационной системы ГАС ПС в прокуратурах пилотных регионов доказывает решаемость поставленных задач и подсказывает необходимость более широкого использования цифровых технологий, внедрения искусственного интеллекта.

Следователям также необходима возможность полноценного доступа к серверам, где хранятся записи с видеокамер, расположенных в общественных местах, в том числе Web-камерам.

Актуальными являются идеи о разработке ведомственных аналитических программ которыми можно будет управлять голосовыми командами, так называемых электронных помощников (электронных ассистентов),[4] возможности кото-

---

[1] Единая защищенная сеть передачи данных.

[2] Государственная автоматизированная система «Правовая статистика».

[3] Сетевой справочный телефонный узел - закрытый информационный ресурс, портал приема обращений граждан

[4] Хатов Э.Б. Перспективы информационно-аналитической деятельности прокуратуры в условиях цифровой трансформации / Реализация Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры в современных условиях: сб. материалов круглого стола (Москва, 11 июня 2019 г.) / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019.С.41, 44.

рых могут быть использованы не только заполнения стандартных бланков процессуальных документов, но и для оперативного и (или) предикативного анализа преступности.

Можно сделать вывод, что переход следственной деятельности на высокотехнологичные рельсы, а также координация деятельности по борьбе с преступностью с использованием «цифры», предусмотренные Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», открывает перспективы глубокой трансформации анализа преступности.

Цифровые технологии способны не только поднять на качественно новый уровень достоверность и эффективность анализа состояния преступности, но и существенно разгрузить от рутинной работы следователей и прокуроров, служебная нагрузка которых близка к предельной, следовательно, повысить эффективность их деятельности (КПД) в целом.

Литература

1. *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М. 1992. С. 91-92.
2. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2005.
3. *Андреев Н.А., Коробов В.Б.* Стратегическое мышление в управлении правоохранительной сферой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2013. С. 88.
4. Хатов Э.Б. Состояние единого информационного пространства органов прокуратуры, иных правоохранительных, а также контрольно-надзорных органов и судов // Вестник Университета прокуратуры Рос. Федерации. № 3, 2019.
5. Хатов Э.Б. Перспективы информационно-аналитической деятельности прокуратуры в условиях цифровой трансформации / Реализация Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры в современных условиях: сб. материалов круглого стола (Москва, 11 июня 2019 г.) / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019.

М.П. Шруб

Научная деятельность в Институте повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь: современное состояние и перспективные направления развития

Аннотация. В статье рассматривается организация научной деятельности в Институте Следственного комитета Республики Беларусь. Данная деятельность строится на плановой основе, с учетом профиля деятельности кафедр. Она направлена на повышение качества подготовки кадров для органов предварительного следствия и осуществляется в неразрывной связи с практикой расследования преступлений.

Ключевые слова: следственная деятельность, наука, образование, практика, досудебное уголовное производство, организационно-правовое и криминалистическое обеспечение расследования преступлений.

Научный подход в решении задач досудебного уголовного производства является залогом эффективной следственной деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов граждан. В развитие этой идеи, для повышения качества расследования преступлений посредством внедрения в образовательный процесс передовых научных разработок Указом Президента Республики Беларусь от 25 июня 2020 года № 244 создано учреждение образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь» (далее – Институт).

В соответствии с пунктами 10–12, 34–36 Устава Института, утвержденного приказом Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 14 июля 2020 г. № 148, научная деятельность (наряду с образовательной и воспитательной) является предметом его деятельности.

Одной из основных целей функционирования Института является научное обеспечение образовательного процесса и практической деятельности Следственного комитета, а основными задачами (среди прочих) – осуществление научной деятельности в области досудебного уголовного производства, обеспечение научного и методического сопровождения следственной работы.

В свою очередь, основными задачами научной деятельности Института являются:

решение актуальных комплексных проблем обеспечения национальной безопасности в части досудебного уголовного производства;

совершенствование образовательного процесса путем внедрения результатов научных исследований, привлечения слушателей Института к выполнению научно-исследовательских работ;

формирование и развитие научных школ, подготовка научных работников высшей квалификации; издание научно-практических журналов, сборников и иных научных изданий.

Научная деятельность в Институте осуществляется согласно планам научно-исследовательской деятельности. Соответствующие перспективный план и план на календарный год формируются исходя из тематики научно-исследовательских работ, предусмотренных межгосударственными, государственными, республиканскими и отраслевыми программами, заданиями органов государственной власти и управления, инициативой кафедр, рассматриваются на Ученом совете Института и утверждаются в установленном порядке.

Институт может проводить фундаментальные и прикладные научные исследования во взаимодействии с подразделениями Следственного комитета, иными военизированными организациями, Вооруженными Силами Республики Беларусь, другими войсками и воинскими формированиями Республики Беларусь, государственными органами, научно-исследовательскими учреждениями, учреждениями образования Республики Беларусь и иностранных государств на основе различных форм сотрудничества.

Постоянно действующим коллегиальным совещательным органом, осуществляющим управление в сфере научной деятельности Института, является Ученый совет, функционирующий на основании соответствующего Положения.

Институт обладает необходимой исследовательской базой и научным потенциалом, позволяющим качественно проводить научные исследования, обеспечивать освоение их результатов. Научная и инновационная деятельность осуществляется четырьмя структурными подразделения Института. В их числе три кафедры – управления органами предварительного следствия, организации предварительного расследования, тактико-специальной подготовки, а также отдел организации научной, международной и издательской деятельности.

Комплекс стоящих перед Институтом задач определяет тематику проводимых фундаментальных и прикладных научных исследований, которые формируются с учетом потребностей практических подразделений органов предварительного следствия. Основными направлениями фундаментальных научных исследований Института являются организационно-правовое и криминалистическое обеспечение деятельности Следственного комитета Республики Беларусь, а также информатизация следственной деятельности. В рамках указанных направлений с учетом интересов заказчика кадров (Следственного комитета) и потребностей следственной практики определяются ежегодные темы научно-исследовательских работ, выполняемых кафедрами Института по направлениям деятельности. С учетом профильной специализации Института тематика кафедральных исследования охватывает ряд направлений, основными из которых являются следующие:

актуальные проблемы уголовного права в контексте следственной деятельности;

современные тенденции развития уголовного процесса;

концептуальные направления криминалистического обеспечения предварительного следствия;

актуальные проблемы следственной профилактики;

совершенствования возможностей использования результатов судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам;

использование научно-технических средств и информационных технологий в расследовании преступлений;

организация и содержание профессионально-прикладной, тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников Следственного комитета;

развитие системы подготовки кадров для органов предварительного следствия и др.

С учетом специализации деятельности Института профессорско-преподавательского состав участвует в работе по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, противодействию коррупции, иных важных проектах государственного значения.

Создаваемые по результатам указанных исследований новшества (информационные модели преступлений, методики расследования, комплексы рекомендаций, опытные образцы и т.д.) направлены на внедрение в практическую деятельность органов предварительного следствия по расследованию преступлений, а также в образовательный процесс и нормотворческую деятельность.

Важным направлением деятельности Института, позволяющим внедрить результаты научно-исследовательской работы в следственную практику, а также ознакомить с ними широкую научную общественность, является издательская деятельность. Институт является выпускающим органом научно-практического журнала «Предварительное расследование», издаваемого два раза в год. Журнал включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, а также Российский индекс научного цитирования.

Важно подчеркнуть, что тематика проводимых в Институте научных исследований тесно связана с реализуемым образовательным процессом и фактически направлена на его обеспечение.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно отметить, что деятельность Института строится на основе системного единства трех составляющих: наука, образование, практика. При этом в обозначенной триаде наука, реализуемая по обозначенным выше направлениям, с одной стороны – основывается на передовых достижениях практики расследования преступлений, а с другой – является основой для совершенствование этой же практики через повышение качества образования. Она направлена на совершенствование приобретаемых обучающимися знаний, умений и навыков, и в конечном итоге – на повышения качества практической деятельности органов предварительного следствия.

Раздел IV. Модели уголовно-процессуальной деятельности следователя

А.С. Васнецова

Предупредительная деятельность следственных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму: теоретические и практические аспекты

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы профилактики и предупреждения преступлений террористической и экстремистской направленности. Анализируется работа следственных органов в данной сфере. Вносятся предложения по оптимизации научного обеспечения профилактики терроризма и экстремизма следственными органами.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, следственные органы, профилактика, предупреждение.

В соответствии с Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009), Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) и соответственно федеральными законами от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» профилактика терроризма и экстремизма является одним из направлений противодействия терроризму и экстремизму и стоит в одном ряду с криминологическим понятием «предупреждение». Предупреждение и профилактика терроризма и экстремизма выступают в качестве фундамента всей системы противодействия терроризму и экстремизму, направленной на защиту правопорядка, интересов Российской Федерации как внутри страны, та и на геополитической арене XXI вв.

Правовые основы профилактики правонарушений, в том числе террористической и экстремистской направленности, определяются Федеральным законом от 23.06.2016 № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 182-ФЗ).

С учетом общепринятого в научной литературе подхода *под профилактикой терроризма и экстремизма* следует понимать *целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации терроризма и экстремизма в целях недопущения вовлечения в террористическую деятельность новых лиц, совершения новых преступлений рассматриваемой направленности, расширения криминализации общественных отношений*.

В структуре предупреждения традиционно обозначаются три его ступени: общее, специальное и индивидуальное [1; с. 10], реализуемые при организации предупреждения и профилактики. В криминологической литературе предупреждение преступности и ее профилактика соотносятся как целое и его часть [4; с. 105-106], [9; с. 112-114].

В ходе профилактики терроризма и экстремизма осуществляются такие этапы как: 1) недопущение правонарушений (стоит в истоке генезиса противоправного

поведения, и характеризуется формированием первичных причин, условий, иных криминологически важных детерминант), 2) предотвращение преступных деяний (достигается на стадиях формирования, обнаружения умысла и приготовления к преступлению); 3) пресечение (реализуется на стадиях неоконченного и оконченного покушения на их совершение, а также в ситуациях многоэпизодной преступной деятельности). Поэтому меры профилактики в зависимости от ее стадии (этапа) значительно дифференцируются по субъектам, объектам, содержанию, тактике и стратегии их реализации [1; с. 4-11].

Анализируя многоаспектную деятельность следственных органов по профилактике (предупреждению) правонарушений террористической и экстремистской направленности, следует отметить, что она в основном осуществляется путем криминологической профилактики, т.е. представляет собой комплекс мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, в целях последующего на них воздействия заинтересованными органами власти. При этом надо учитывать, что объективное и всестороннее выявление причин и условий – наиболее сложная и весомая часть работы по противодействию терроризму и экстремизму, слабо регламентированное законодательно и недостаточно изученное наукой.

Следственные органы комплексно участвуют в раннем предупреждении преступлений террористической и экстремистской направленности путем выявления и воздействия в ходе предварительного следствия на причины и условия конкретного преступления, вынося соответствующие представления. Кроме того в масштабах страны следственные органы помогают субъектам противодействия формировать картину криминологической детерминации терроризма и экстремизма: бедность, социальные проблемы [5], незаконная миграция, религиозная рознь, ксенофобия, межнациональные конфликты [2; с. 5-10] и т.д.

Выявление, устранение, нейтрализация причин и условий, способствующих совершению преступлений террористической и экстремистской направленности, является важнейшим направлением деятельности следственных органов по предупреждению и пресечению терроризма и экстремизма, повышению результативности борьбы с ними [3; с. 5-6; 7]. В свою очередь, это требует постоянного мониторинга и комплексного изучения меняющихся криминогенных факторов терроризма и экстремизма, которые должны основываться, на всесторонней информационной, аналитической и прогностической работе, ее научном обеспечении.

Эффективная работа следственных органов в сфере профилактики и предупреждения терроризма и экстремизма строится в соответствии с положениями п. 4 ч. 4 ст.1 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», ч. 1 и 2 ст. 10, п. 9 ч. 2 ст. 6 ФЗ № 182-ФЗ и др.

Таким образом, качественная работа следователей по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических и экстремистских правонарушений, выступает в качестве ориентира для органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц в их деятельности по раннему предупреждению данного вида преступности.

Между тем, практика применения следователями полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 158 УПК РФ, характеризуется наличием определенных недостатков. Так, представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений террористической и экстремистской направленности, преимущественно вносятся в адрес начальников территориальных ОВД по месту жительства обвиняемого, а также в отдельных случаях главам муниципалитетов. При этом в круг субъектов противодействия терроризму согласно п. 7 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации входят уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, негосударственные организации и объединения, а также граждане, оказывающие содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении антитеррористических мероприятий.

В связи с этим полагаем необходимым усилить работу по научному обеспечению: разработки методических рекомендаций для следователей по осуществлению мероприятий по устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма и экстремизма.

Литература

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 4 – 11.
2. Капинус О.С. Сохранение межнационального согласия как одно из направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. М., 2018. № 5. С. 5-10.
3. Капинус О.С. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму: состояние и проблемы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С.5-6.
4. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология. – М., 1997. С. 105-106.
5. Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Абашина Л.А. Система мер предупредительного воздействия на преступность террористической направленности // Российский следователь, 2019, № 8 // Система КонсультантПлюс.
6. Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / Под ред. П.В. Агапова. М.: Проспект, 2019.
7. Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2017. С. 10.
8. Савченко А.А. Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине // Современное право. 2010. № 3. С.112-114.

Л.М. Володина

Начало уголовного преследования

Аннотация. Проблемы начала производства по уголовному делу, активно обсуждаемые учеными и практическими работниками, нередко обращены к вопросам эффективности проверочных действий, предшествующих принятию решения о возбуждении уголовного дела. Стадия возбуждения уголовного дела практически поделена на две части: в первой осуществляется оперативно-розыскная деятельность или деятельность СОГ, во второй происходит, по сути, дублирование действий, направленных на фиксацию доказательств, их формирование, в рамках узаконенных УПК процедур. История развития уголовного процесса свидетельствует: дознание всегда предшествовало предварительному следствию. Автор предлагает свое видение решения проблемы.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, порядок приема и регистрации сообщений, доследственная проверка, результаты ОРД.

Результатом проверочных действий, осуществляемых на стадии возбуждения уголовного дела, направленных на проверку первичной информации о совершенном или готовящемся преступлении, поступившей в органы предварительного расследования, является обнаружение признаков преступления, влекущим принятие соответствующего решения. «Уголовный процесс начинается лишь в силу определенного юридического процессуального акта уполномоченного на то органа. Этот акт констатирует, что имеются необходимые условия для того, чтобы по данному конкретному случаю органы следствия, прокуратуры и суда могли приступить к производству процессуальных действий, направленных на расследование и разрешение уголовного дела» [1, с. 66]. Применяемая в этой ситуации властным субъектом уголовно-процессуальная норма требует принятия решения, которое, являясь актом правоприменения, документально подтверждающим существование в прошлом конкретного события или действия (бездействия), и «породит» уголовно-процессуальные правоотношения. И вот здесь проявляет себя одно из противоречий действующего закона: *он не отвечает на вопрос о том, каков характер проверочных действий, предшествовавших принятию решения, имели ли место до него уголовно-процессуальные отношения*. Говоря образно, ответ на вопрос о том, что первично: яйцо или курица, дать невозможно… С какого момента начинается уголовное преследование?

Анализ практики дает основание утверждать, что ныне действующий УПК, регламентируя начальный этап производства по уголовному делу, не решил тех проблем, которые на протяжении многих лет стояли перед органами предварительного расследования, более того, породил новые проблемы. Согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – ноябрь 2019 г.: в порядке надзора за исполнением законов в досудебном производстве органами прокуратуры выявлено 3 877 847 нарушений; из них при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях – 2 711 405 нарушений; отменено 1 527 800 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Статистика свидетельствует: в 2019 году на 11% возросло число сообщений о преступлениях, раз-

решенных в срок от 3 до 10 суток (всего более 5 млн.). Еще большими темпами растет количество обращений, рассмотренных в срок свыше 10 суток (+20%, 437 тыс.)[1].

Нередко в юридической литературе в рамках анализа института возбуждения уголовного дела делается вывод о том, что таковой этап начал свое существование чуть ли не с принятием УУС 1864 г., поскольку нормы этого правового акта содержат регламентацию деятельности органов дознания по поступившему сообщению. Статья 254 Устава устанавливала: «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». Однако, важно обратить внимание на то обстоятельство, что в этом разделе Устава не содержалось упоминания о возбуждении уголовного дела, речь шла о производстве дознания для принятия мер, необходимых для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и пресечь действия подозреваемого, связанные с уклонением от следствия. Устав не устанавливал особых обособленных процедур, направленных на получение информации по результатам проводимых органами дознания проверочных действий, которые позволяли бы говорить об отдельно выделяемом в законе самостоятельном этапе уголовно-процессуальной деятельности.

В наше время так называемая доследственная проверка на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется практически оперативными службами, это общеизвестный факт, который не отражен сколько-нибудь внятно в нормах уголовно-процессуального закона в отличие от УУС 1864 г. Данные социологических исследований подтверждают это обстоятельство: большинство следователей (70,1%) отмечают, что проверку до возбуждения уголовного дела проводит оперативник; «новая информация или доказательства в уголовных делах после того, как они были возбуждены, появляется нечасто – не более чем в 30% дел, которые доходят до суда» [6, с.77; 81]. И это понятно: следователь не располагает инструментарием получения негласной информации об обстоятельствах дела, поиска подозреваемого, вещественных доказательств, трупа и т.п., поручая производство поисковых действий оперативным службам.

Передача материалов проверки следователю происходит в соответствии с общим правилом, установленным УПК, где нет даже общей ссылки на существующие ведомственные акты, регламентирующие эту процедуру. Сложность ситуации заключается в том, что часть такого рода материалов не содержит информации о предполагаемом лице, подозреваемом в совершении преступления. Согласно опросу, больше 50% следователей считают, что на момент возбуждения уголовного дела заподозренное лицо известно в менее чем четверти материалов, т.е. 75% дел требуют поиска подозреваемого [6, с. 79]. Такого рода дела, как правило, в последующем приостанавливаются, поиск подозреваемого вновь поручается органам, осуществляющим ОРД.

При обсуждении проблем стадии возбуждения уголовного дела концентрируется внимание на позиции сторонников отказа от нее как самостоятельного этапа

[1] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный источник] - Режим доступа: http:// genproc.gov.ru (дата обращения: 21.11.2020).

уголовного процесса. Доводы противников подобного реформирования начала уголовного процесса достаточно серьезны. Они касаются, во-первых, небезосновательных опасений, связанных с тем, что «отсутствие мотивированного решения о результатах рассмотрения сообщения о преступлении лишит заявителя возможности его предметного обжалования, а вышестоящего руководителя, прокурора и суд – возможности его надлежащей проверки по поступившей жалобе». Во-вторых, существует небеспочвенное мнение о том, что, «вынося необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела по недостаточно проверенным материалам, следователи получают своего рода «отсрочку», до отмены вынесенного постановления прокурором или начальником следственного органа» дающую возможность уйти от ответственности за нарушение сроков проверки [3, с. 96 - 97]. Кроме того, некоторый анализ состояния следственной практики стран, отказавшихся от стадии в рамках реформирования уголовного судопроизводства, дает основание говорить, что проблемы, которые предполагалось решить путем отказа от данной стадии, оказались нерешенными. Прежде всего речь идет об увеличении количества уголовных дел за счет отсутствия фильтра для проверки информации, которая не содержит сведений о событии преступления, что привело к их загруженности [2, с. 26]. С другой стороны, например, в Украине возникла практика «корректировки» подобной ситуации путем оперативного закрытия уголовных производств, чтобы не увеличивать Единый реестр досудебных расследований [4, с. 170].

Понимая важность своевременности начала производства по уголовному делу, может быть попытаться выверить преимущества отказа от стадии с одновременным реформированием начала производства, четко регламентировав начало производства, определив роль оперативно-розыскной деятельности и ее результатов в рамках уголовно-процессуального закона, отказавшись от условного, если не сказать лукавого, деления получаемой информации в ходе доследственной проверки, от последующего дублирования проверочных действий? Останавливает боязнь произвола властных субъектов? Однако, во-первых, уголовно-процессуальный закон должен четко закрепить требования к легализации получаемой оперативно-розыскной информации, заменив существующие ведомственные нормативные акты. Во-вторых, ныне существует институт судебного контроля, который в состоянии обеспечить законность деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, институт обжалования действий и решений властных субъектов. В-третьих, именно закон должен выработать четкий *алгоритм начального этапа уголовно-процессуального производства.* Прежде всего, уголовно-процессуальный закон должен урегулировать единый порядок приема и регистрации заявлений или сообщений, поступивших в правоохранительные органы. *Первым шагом в алгоритме предполагаемой процедуры должна быть регистрация поступившего сообщения, четко определенная уголовно-процессуальным законом, но не ведомственными актами.* Решение этой задачи в условиях развития цифровых технологий должно быть обеспечено *специально разработанной компьютерной программой*, позволяющей распределять поступающие сообщения на те, которые указывают на признаки преступления, и на иные сообщения, не подпадающие под эти характеристики. Установка про-

граммного обеспечения позволит отслеживать всю «цепочку» предпринятых должностными лицами процессуальных действий, связанных с приемом и регистрацией сообщений с последующей передачей информации по подследственности. Важно решить в законе и судьбу материалов, не содержащих информации о подозреваемом: она должна быть взята на особый контроль. Представляется, что регистрация заявлений и сообщений должна быть сосредоточена в органах прокуратуры. Целесообразность подобного решения вытекает из полномочий прокуратуры по осуществлению функции прокурорского надзора, требуют этого и полномочия прокурора как субъекта уголовного преследования, координирующего деятельность правоохранительных органов. *Следующим шагом в предлагаемом алгоритме должно быть решение следователя (дознавателя) о принятии материалов к своему производству, которое должно стать собственно началом производства расследования* [1, с. 234 - 235]. С этого момента следователь несет ответственность за результаты расследования, использует весь возможный арсенал предоставленных ему законом средств и способов получения доказательственной информации. Здесь, кроме того, важно осознать, что в основу отчетности органов предварительного расследования должно быть поставлено достижение приоритетной цели (назначения) уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов потерпевшего, обеспечение ему доступа к правосудию и возмещения вреда, причиненного преступлением.

Литература

1. *Володина Л.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М.: Изд. «Юрлитинформ». 326 с.
2. *Деришев Ю.В., Нурмагомбетов А.С.* Реформа досудебного производства по новейшему уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан //Научный вестник Омской академии МВД. 2015. № 3(58). С. 26 – 29.
3. *Ищенко П. П.* О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования. //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 89 – 99.
4. *Корж В.П.* Проблемы расследования преступлений в условиях нового Уголовно-процессуального кодекса Украины / Сб. Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 года). В 2-х частях. Часть 2. М.: Изд. ООО «Буки Веди», 2013. С. 170 – 174.
5. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1. М.: Изд. «Наука». 1968. 470 с.
6. *Титаев К., Шклярук М.* Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма. 2016. 191 с.

И.В. Глазунова

О модели теории следственной практики

Аннотация. Статья посвящена основным положениям авторской концепции модели следственной практики. Предложены авторские определения понятий следователя как участника досудебного уголовного производства, рассмотрения сообщения о возможном преступлении, следственной практики. Внимание уделено идее и обоснованию необходимости создания криминалистической теории и технологии уголовно-процессуальной деятельности следователя в сфере досудебного уголовного производства. Высказаны соображения о целесообразности переименования стадии возбуждения уголовного дела путем его замены понятием рассмотрения сообщения о возможном преступлении.

Ключевые слова: модель теории следственной практики, следователь, следственная практика, рассмотрение сообщения о преступлении, предварительное следствие, досудебное уголовное производство.

В современных условиях сколько-нибудь значительный успех в деле повышения эффективности следственной практики вряд ли возможен без активного, целенаправленного нормативно-правового и научного ее обеспечения высококачественными теоретическими и прикладными продуктами научно-исследовательского творчества ученых. Прежде всего, сказанное относится к разработкам специалистов в области науки уголовно-процессуального права и криминалистики. При всех хорошо известных юристам уголовно-правового профиля достижениях на ниве плодотворного взаимодействия юридической науки и правоприменительной практики на этом направлении, приходится констатировать, что далеко не все задачи, важные для повышения мастерства действующих, а также оптимизации процесса подготовки будущих кадров следственных органов, решены надлежащим образом.

В первую очередь, это замечание касается теоретической и прикладной криминалистики, определяемой В.А. Образцовым наукой о следователе и для следователя [5, с. 6]. Несмотря на сравнительно долгую историю верного служения криминалистов следственной практике, отечественным ученым до сих пор не удалось сформировать полноформатную, целостную, логически не противоречивую систему теории и технологии уголовно-процессуальной деятельности следователя.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что в криминалистике вообще отсутствует такой ее раздел, как общая теория данной науки. Благодаря фундаментальному вкладу выдающегося советского и российского криминалиста Р.С. Белкина и его единомышленников такая теория создана и продолжает конструктивно развиваться. Однако она в силу высокого уровня абстрагирования, свойственного такого рода системам научного знания, не дает и не может дать ответы на вопросы о специфике деятельности всех ее адресатов, в том числе глубинных закономерностях криминалистических основ следственной практики.

Ответы на существующие вопросы может и должна со временем дать теория и технология следственной практики как фундаментальная подсистема кримина-

листики. Пока же эта подсистема при всем торжестве достижений локального порядка находится, можно сказать, в «эмбриональном» состоянии. Отчасти это объясняется тем, что и в системе нормативно-правовых основ следственной практики не все обстоит безупречно, как может показаться на беглый, поверхностный взгляд. Здесь также имеются и свои нестыковки, «белые пятна» и «серые дыры» на грани добросовестных заблуждений и элементарных, глубоко не продуманных решений[1].

Традиционно начальная стадия досудебного уголовного производства в юридической литературе обозначается как стадия возбуждения уголовного дела. Нормативно-правовой модели данной стадии посвящен раздел 7 УПК РФ под одноименным названием. Как показывают результаты научных исследований, проведенных с нашим участием [1-4], пришло время для обновления указанных научных и правовой моделей.

Дело в том, что название «Возбуждение уголовного дела» не точно отражает содержание того, о чем говорится в отмеченном разделе, а также не в полной мере соответствует тому, что, как, для чего в действительности делает следователь в рамках данной стадии.

В связи с этим была высказана, обоснована и определенным образом реализована в печати идея о целесообразности замены указанного названия начальной стадии на стадию рассмотрения сообщения о возможном преступлении.

Наряду с этим сформулированы положения, связанные с пересмотром структуры и содержания анализируемого раздела УПК РФ, а также предложены авторские варианты определений понятия следователя, рассмотрения сообщения о возможном преступлении и следственной практики [3; 4].

1. **Следователь** – должностное лицо следственного органа, уполномоченное осуществлять рассмотрение сообщения о преступлении и производство предварительного расследования в форме предварительного следствия по уголовному делу.

2. **Рассмотрение сообщения о преступлении** – уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая следователем или другим правомочным должностным лицом либо органом в целях установления наличия или отсутствия признаков преступления у деяния, о котором сообщается, и принятия по результатам указанной деятельности одного из вариантов итогового процессуального решения, предусмотренного в части 1 статьи 145 УПК РФ.

3. **Следственная практика** (в узкосмысловом значении) – это процесс и результаты профессиональной активности следователей и других полномочных должностных лиц следственных органов, реализуемой в режиме, по правилам и методам уголовно-процессуального доказывания в целях установления истины и принятия адекватных ей итоговых процессуальных решений в сфере досудебного уголовного производства.

---

[1] Это, в частности, касается двух вариантов определения понятия следователя, содержащихся в п. 41 ст. 5 и в ч. 1 ст. 38 УПК РФ. Главным недостатком того и другого определения является то, что в них говорится о полномочиях следователя, касающихся только предварительного следствия по уголовному делу, и практически оставлена без внимания его деятельность на предыдущей стадии.

С учетом изложенного модель теории следственной практики в схематичном описании может быть представлена в качестве системы, состоящей из трех частей:

Часть первая – Общие положения (правовые и научные основы, назначение, принципы, закономерности, предмет, цели, задачи, технологии, основные понятия, классификации объектов, средств и методов их исследования, одинаково значимых для начальной и последующей стадий досудебного уголовного производства)[1].

Часть вторая – Учение об уголовно-процессуальной деятельности следователя в форме рассмотрения сообщения о возможном преступлении.

Часть третья – Учение об уголовно-процессуальной деятельности следователя в форме предварительного следствия по уголовному делу.

Общей задачей моделей того и другого учения является развитие знаний, содержащихся в Общих положениях, путем их интерпретации и конкретизации применительно к специфике каждой из вышеупомянутых форм профессиональной активности следователя.

В заключение следует отметить следующее. В арсенале научных основ современной следственной практики достойное место занимают такие фундаментальные продукты научно-исследовательской работы, как теория доказательств в уголовном процессе, общая теория судебной экспертизы, теория оперативно-розыскной деятельности. Автор выражает надежду на то, что в недалеком будущем в этом ряду свое место по праву займет теория уголовно-процессуальной деятельности следователя, необходимость в которой ощущается все явственнее.

Литература

1. *Глазунова И.В.* Криминалистическая теория распознавания. Интерпретация основных понятий// Закон и право. 2018. № 2. С. 25-30.
2. *Глазунова И.В., Образцов В.А.* Авторская концепция совершенствования нормативно-правовой модели первой стадии досудебного уголовного производства// Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 2 (54). С. 98-104.
3. *Глазунова И.В., Образцов В.А.* Авторская концепция совершенствования модели стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московской акаде-

[1] О криминалистических основах следственной деятельности см., например: Образцов В.А. Криминалистика: цикл лекций по новой программе курса. М.: Юрикон. 1994. 208 с.; Криминалистика/ под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 1995. 592 с.; Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. 206 с.; Ищенко Е.П., Образцов В.А. Криминалистика: учебник. М.: Изд-во ЭКСМО, 2007. 480 с.; Образцов В.А. Криминалистика: избранные труды: сборник научных трудов. М.: Проспект, 2017. 368 с.; Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. 294 с.; Алгоритм работы следователя при рассмотрении сообщений о преступлениях/ под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ, 2012. 144 с.; Проверка сообщений о преступлениях: процессуальные и криминалистические аспекты: учеб.-метод. пособие/ под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. 340 с.

мии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3 (25). С. 83-90.
4. *Глазунова И.В., Образцов В.А.* О новом подходе к интерпретации понятий следователя и следственной практики// Вестник военного права. 2020. № 4. С. 32-43.
5. *Корма В.Д., Миронова Е.А., Образцов В.А.* Процессуальная деятельность следователя как объект межотраслевого исследования. М.: Юрлитинформ, 2019. 216 с.

В.П. Горбачев

Прокурорский надзор за предварительным расследованием в Российской империи перед судебной реформой (1860–1864 г. г.)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы прокурорского надзора за предварительным расследованием в Российской империи перед судебной реформой 1864 года. Проанализировано правовое регулирование и фактическое состояние надзора за следствием, которое до 1860 года проводила полиция, а после этого – судебные следователи.

Ключевые слова: судебная реформа, прокурор, стряпчий, дознание, предварительное следствие, прокурорский надзор.

Судебная реформа, проведенная в Российской империи в 1864 году, прошла определённые подготовительные этапы, в ходе которых апробировались отдельные новые правовые институты. Одним из них являлся учреждённый в 1860 году институт судебных следователей. С учётом смены субъекта проведения предварительного следствия важным является выяснение характера изменений, которые произошли в прокурорском надзоре за предварительным следствием.

В дореформенный период главная руководящая и надзорная роль в уголовном процессе принадлежала не прокуратуре, а губернаторам. Они возбуждали уголовное преследование, принимали меры к раскрытию преступлений и осуществляли надзор за деятельностью полиции по расследованию преступлений[1]. В отличие от губернаторов у прокуратуры в уголовном процессе были ограниченные полномочия. Прокуроры и стряпчие должны были наблюдать за следствием, чтобы оно производилось беспристрастно, с возможной полнотой и скоростью. Прокуроры должны были ежемесячно представлять министру юстиции ведомости всех уголовных дел с указанием сведений об их движении и результатах разрешения[2].

Для исполнения своих надзорных обязанностей прокурорам и стряпчим было предоставлено право требовать представления им дел, личной присылки обвиняемого, взятия его под стражу и дополнения следствия[3]. А по некоторым катего-

[1] Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб., 1857. Т. 15. Кн. 2. Ст. ст. 583–585, 589. С. 126–128.
[2] СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. ст. 2476, 2480. С. 494; Т. 15. Кн. 2. Ст. ст. 139, 145, 166, 684. С. 28, 29, 33, 129.
[3] Там же. Т. 15. Кн. 2. Ст. 167. С. 33.

риям дел министерство юстиции обязало прокуроров и стряпчих требовать и наблюдать, чтобы обвиняемые были взяты под стражу [4, 26]. По делам, начавшимся по сообщениям стряпчих, допросы должны были производиться в их присутствии. Кроме того, уездные стряпчие должны были присутствовать при производстве следствия по наиболее важным делам[1].

Закон определял, что прокуроры и стряпчие «суть взыскатели наказания по преступлениям и вместе с тем защитники невинности»[2]. Поэтому они были обязаны наблюдать, чтобы, с одной стороны, не производилось «пристрастных допросов, бесчеловечных истязаний и притеснений невинности», а с другой, чтобы не было сокрытия преступлений и послабления им. Они должны были добиваться полного и беспристрастного проведения следствия. Уездные стряпчие обязаны были заботиться о том, чтобы обвиняемый воспользовался всеми законными способами защиты. Особому попечению стряпчих подлежали глухонемые обвиняемые и обвиняемые, которые не знали языка, на котором производилось следствие[3].

Однако фактическое состояние прокурорского надзора было неудовлетворительным. Бывший уездный стряпчий И. И. Оболенский признал, что многие прокуроры и стряпчие слабо знали свои обязанности или исполняли их небрежно и уголовные дела не изучали; поэтому учреждения, куда поступали эти дела для рассмотрения, нередко возвращали их для дополнения [5, 14–15]. Высшие правительственные чиновники наблюдение стряпчих и прокуроров за производством следствия также оценивали неудовлетворительно [6, 68–69]. Министр юстиции признал, что их наблюдение за производством следствия не достигало своей цели в основном потому, что они были слишком обременены другими занятиями [2, 15].

Законы от 8 июня 1860 года производство следствия по уголовным делам передали от полиции вновь учрежденным судебным следователям[4]. Они стали существенным шагом к судебной реформе, и в них впервые были отражены новые начала предстоявшего общего судебного преобразования [8, 109; 9, 60-об., 129-об.]. Из компетенции полиции было изъято проведение предварительного следствия, вместо которого на неё возложено проведение дознания, предшествовавшего следствию. Однако прокурорский надзор за полицейским дознанием не предусматривался. Полиция не была обязана информировать прокурора или стряпчего о начале дознания, оконченное дознание она передавала следователю, а дела, по которым не был установлен факт преступления, для проверки передавались в земский суд или городскую полицию по принадлежности[5].

Надзор за деятельностью следователей в разной степени был возложен одно-

---

[1] Там же. Т. 2. Ч. 1. Ст. 4094. С. 786; Т. 15. Кн. 2. Ст. ст. 146, 169, 191. С. 29, 33, 36.

[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 20. СПб., 1830. № 14392. Ст. 407. С. 283; СЗРИ. Т. 15. Кн. 2. Ст. 165. С. 32.

[3] СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. Ст. 2476. С. 494; Т. 15. Кн. 2. Ст. ст. 145, 166, 178, 727. С. 29, 33, 34, 137.

[4] Учреждение судебных следователей : Высочайше утверждено 8 июня 1860 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35890. С. 710.

[5] Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок : Высочайше утвержден 8 июня 1860 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35892. Ст. ст. 18, 20. С. 725–727.

временно на суды, прокуратуру и губернаторов. Закон наделил прокуратуру правом возбуждать уголовное преследование, а следователь по письменному требованию губернского прокурора и стряпчих обязан был приступить к следствию. Они же могли предложить для проведения следствия создать следственную комиссию. Однако надзорные полномочия прокуратуры были сформулированы недостаточно определённо. Если следователь приступил к следствию по своей инициативе, то об этом он должен был сообщить уездному стряпчему. Прокуроры и стряпчие имели право изучать материалы дела, однако только у следователя. Его письменную информацию о состоянии следствия они могли требовать только в случае, если дело расследовалось не в уездном городе и по нему поступила жалоба на неправильное задержание лица. Прокуроры могли давать следователям «предложения»[1]. Однако закон ничего не говорил о постоянном прокурорском надзоре за следствием, о праве прокурора и стряпчего присутствовать при проведении следственных действий. После окончания следствия следователь дело направлял непосредственно в суд и об этом должен был только сообщить уездному стряпчему[2]. О фактической роли прокурорского надзора за деятельностью судебных следователей косвенно может свидетельствовать тот факт, что в отчёте министерства юстиции за 1864 год, в котором дан общий обзор деятельности судебных следователей за все 5 лет существования этого института, обращено внимание на непосредственные отношения следователей с уездными судами и полицией, однако ничего не сказано об отношениях с прокуратурой и о прокурорском надзоре [9, 129–140-об.].

Суд имел больше надзорных полномочий, чем прокурора. Сущность проведенной реформы заключалась именно в том, чтобы изъять следственную часть из административной власти и подчинить её только судебной власти и министерству юстиции [7, 119-об.]. Непосредственный контроль за действиями судебных следователей осуществляла не прокуратура, а уездные суды [9, 136–137]. Следователь должен был сообщать в суд о задержании подозреваемых. Суд разрешал возникавшие при расследовании сомнения и затруднения. Поступившие к уездному стряпчему жалобы на следователя или отводы он должен был направлять в суд. Суды могли давать следователям «указы и предписания», передавать дела от одного следователя к другому. Они рассматривали жалобы на следователей, проверяли их действия, назначали доследование, останавливали производство следствия[3]. Надзор за ходом следствий и отчётность по ним министерство юстиции возложило также на уголовные палаты [8, 46].

Порядок наблюдения за действиями судебных следователей был определён специальной инструкцией министерства юстиции, направленной на места 25 июня 1863 года [8, 46-об.]. Следователи обязаны были ежемесячно сообщать уездным стряпчим краткие сведения о положении неоконченных следствий, по которым содержались арестанты. А уездные стряпчие обязаны были не менее одного раза в 2 месяца проверять по книгам и настольным реестрам движение

[1] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 1. № 35890. Ст. ст. 2, 5, 11, 14–16, 23, 25, 30. С. 712–716.
[2] Наказ судебным следователям : Высочайше утвержден 8 июня 1860 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. № 35891. Ст. 109. С. 724.
[3] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 1. № 35890. Ст. ст. 14, 16, 23, 24. С. 713–714.

дел у следователей и о всех выявленных упущениях и беспорядках докладывать губернским прокурорам[1]. Ревизии делопроизводства следователей проводили не только губернаторы, но и губернские стряпчие. Прокуроры должны были ежегодно представлять в министерство юстиции информацию о том, в каких уездах и участках губернскими стряпчими были проведены такие ревизии, а в каких участках они не проведены и причины этого[2].

С учётом изложенного дискуссионным представляется утверждение С. М. Казанцева и Ю. М. Горячковской о том, что Учреждение судебных следователей «ограничило прокурорский надзор, возложив надзор за следствием также на суд и на губернатора» [1, 108; 3, 129]. Однако суд и губернаторы надзор за следствием осуществляли и раньше, а полномочия прокуратуры законы 1860 года несколько расширили, предоставив ей право непосредственного возбуждения уголовного преследования.

11 сентября 1862 года установлен новый порядок наблюдения за ходом арестантских дел. На прокуроров и уездных стряпчих было возложено ведение списков всех арестованных лиц и «неослабное наблюдение за успешным ходом дел», по которым арестанты содержались сроком до одного года. Для действенности этого наблюдения прокурорам и стряпчим было предоставлено право «понуждать в установленном порядке» нарушителей, а в случае неисполнения их требований сообщать об этом в соответствующие инстанции для привлечения виновных лиц к ответственности. По истечении одного года со времени заключения под стражу губернские прокуроры обязаны были о каждом таком арестанте сообщать в министерство юстиции с кратким изложением хода расследования, причин медленности и мер, принятых для ускорения окончания дела. Министерство материалы о таких арестантах передавало обер-прокурорам соответствующих департаментов Правительствующего Сената, на которых с этого момента возлагалось наблюдение за успешным ходом таких дел. О всех замеченных упущениях и медленности в ходе арестантских дел обер-прокуроры обязаны были немедленно сообщать в Сенат для принятия мер побуждения и наложения взысканий на виновных лиц. По истечении двух лет со времени заключения арестанта под стражу обер-прокуроры обязаны были ведомости о таких делах 2 раза в год (к 1 января и 1 июля) представлять на усмотрение императора, который мог освободить арестованных[3].

Таким образом, до судебной реформы 1864 года прокурорский надзор за предварительным расследованием имел второстепенный характер: до 1860 года – по сравнению с губернаторским надзором, а после 1860 года – по сравнению с судебным надзором.

---

[1] Инструкция о порядке отчетности судебных следователей и надзора за ними. П. п. 3, 14 // Сборник циркуляров и инструкций … Приложения. С. 79, 81.

[2] Сборник циркуляров и инструкций … С. 137.

[3] Об изменении порядка наблюдения за ходом арестантских дел : Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 11 сентября 1862 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 38665. С. 70–71.

Литература

1. *Горячковская Ю. М.* Российская прокуратура и прокурорский надзор (дореволюционный период): монография. Белгород: Изд-во БУКЭП, 2016. 202 с. С. 108.
2. Замечания министра юстиции по проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам (от 10 декабря 1861 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд. 1 Б. Опись 1. Дело 82403.
3. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1993. 216 с.
4. О циркулярных предписаниях к руководству и исполнению Одесскому городовому стряпчему // Государственный архив Одесской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1451. 529 л.
5. Оболенский И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов. В 2 ч. Ч. 2. М.: тип. Александра Семена, 1855. 268 с. разд. паг.
6. Общая объяснительная записка к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. [СПб., 1861]. 169 с.
7. Отчет министерства юстиции за 1860 год // РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 71. [1861]. 141 л.
8. Отчет министерства юстиции за 1863 год // РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 80. [1864]. 118 л.
9. Отчет министерства юстиции за 1864 год // РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 83. [1865]. 177 л.

А.В. Ильяш

Обжалование следователем действий (бездействия) и решений прокурора: вопросы правового регулирования

Аннотация. В статье рассматриваются субъективные права следователя, связанные с осуществлением уголовного судопроизводства. Исследуются полномочия следователя по обжалованию некоторых действий (бездействия) и решений прокурора. На основании анализа уголовно-процессуальных норм и правоприменительной практики предлагается дополнить уголовно-процессуальный закон полномочиями следователя по обжалованию действий (бездействия) и решений прокурора по сообщениям о преступлениях и уголовным делам.

Ключевые слова: следователь, уголовное судопроизводство, право обжалования, уголовно-процессуальный закон, прокурор.

«Надо ставить вопрос, и мы сейчас это делаем – предоставить следователю право обжалования незаконных, с его точки зрения, решений прокурора в суде» [1]. Рассматриваемая тема не потеряла своей актуальности за десять лет, прошедшие с момента приведенного высказывания, поскольку за это время ничего не изменилось. Следователь не получил права обжаловать незаконные и необоснованные действия (бездействие) и решения прокурора.

В статье 19 УПК РФ содержится общая норма, регламентирующая возможность обжалования действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя исключительно в порядке, установленном УПК РФ. Этот порядок регламентируется главой 16 УПК РФ, где в статье 123 перечислены субъекты, чьи действия (бездействие) и решения могут быть обжалованы, а также субъекты, имеющие право на обжалование: участники уголовного судопроизводства и иные лица, в той части, в которой обжалуемые действия (бездействие) и решения затрагивают их интересы.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что обжаловать действия (бездействие) и решения могут только участники уголовного судопроизводства или иные лица лишь в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы[1].

Следователь не имеет личного интереса в ходе уголовного судопроизводства, он «выполняет функции государства в определенной социальной сфере» [2, с. 29]. По этой причине следователь не относится к субъектам, имеющим право обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора в контексте статьи 123 УПК РФ.

Уголовно-процессуальным законом следователю предоставлено право обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора вышестоящему прокурору, однако исключительно в случаях, предусмотренных законом (ч. 4 ст. 124 УПК РФ).

Так, в соответствии со статьей 221 УПК РФ следователь может обжаловать решение прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков вышестоящему прокурору.

К форме косвенного обжалования можно отнести и положения части четвертой статьи 39 УПК РФ, в соответствии с которой следователь имеет право давать письменные возражения на требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления и устранении иных нарушений федерального законодательства со стороны следователя.

В то же время прокурор имеет значительно большие полномочия по принятию решений, хотя и не затрагивающих личные права и интересы следователя, но в не меньшей степени влияющие на публично-правовую сферу деятельности последнего, чем решения, предусмотренные статьей 221 УПК РФ и частью четвертой статьи 39 УПК РФ, которые он вправе обжаловать. Так, в соответствии со статьей 37 УПК РФ прокурор обладает широким кругом полномочий по принятию подобных решений. Например, изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

---

[1] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 01.04.2021).

Кроме этого, согласно п. 3 ч. 1 ст. 211 УПК РФ прокурор вправе отменить постановление следователя о приостановлении предварительного следствия, части первой статьи 214 УПК РФ – постановление следователя о прекращении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию. Данный акт, в сущности, является формой дополнительного расследования.

Однако ни одно из указанных решений прокурора не может быть обжаловано вышестоящему прокурору, поскольку такие права следователя не предусмотрены УПК РФ.

В качестве иллюстрации следует обратиться к примерам из личного опыта автора, по инициативе которого неоднократно обжаловались решения районных прокуроров, принимаемые в рамках полномочий, предусмотренных пунктом двенадцатым части второй статьи 37 УПК РФ, а именно по передаче уголовных дел и материалов проверок сообщений о преступлениях из подразделений дознания и подразделений Следственного комитета РФ в следственные органы МВД России. В силу необоснованности и незаконности таких решений они были обжалованы руководителем следственного органа вышестоящим прокурорам и находили поддержку в виде их отмены. Следует отметить, что обжалование таких решений не предусмотрено УПК РФ.

Конституционный Суд РФ охарактеризовал отношения между прокурором и следователем, складывающиеся при обжаловании последним постановления прокурора о возвращении дела, как «взаимоотношения соответствующих должностных лиц при отправлении ими должностных полномочий в ходе досудебного производства»[1]. При этом Конституционный Суд РФ признавая наличие «автономных споров органов предварительного расследования и прокурора относительно существа или объема обвинения и квалификации содеянного», отмечает, что они по своей сути соответствуют публично-правовой природе уголовного процесса[2].

Поэтому полагаем, что отношения между следователем и прокурором, связанные с реализацией ими публичных функций, в частности по обжалованию действий (бездействия) и решений прокурора, должны регламентироваться нормами уголовно-процессуального закона, а не ведомственными приказами, указаниями, инструкциями и прочими подзаконными нормативными правовыми актами. По этой причине УПК РФ необходимо дополнить нормами, предоставляющими следователю полномочия по обжалованию действий (бездействия) и решений прокурора в случаях, когда следователь не согласен с ними.

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 года № 5-О: обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2020 года: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 01.04.2021).

[2] По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 г. № 5-О: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 01.04.2021).

Литература

1. Бастрыкин А.И. Выступление на конференции «Развитие системы правоохранительных органов РФ» в северо-западном филиале Российской правовой академии Минюста. г. С.-Петербург. URL: https://pravo.ru/news/view/50298/ (Дата обращения 01.04.2021).
2. Валов С.В. Субъективные права и юридические обязанности следователя // Российский следователь. 2020. № 4. С. 29 - 33.

Е.А. Киселёв
Е.Ю. Казачек

Очная ставка: от прошлого к будущему

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ становления и развития следственного действия – очной ставки в Российском уголовном процессе. Анализу подвергнуты правовые акты с XI века по настоящее время. В рамках статьи оценен вклад в развитие уголовно-процессуального Законодательства России Н.И. Стояновского. Правовые идеи Н.И. Стояновского, воплощенные в его трудах и Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года, до сих пор актуальны. Выявлено, что на протяжении всей истории уголовно-процессуального Законодательства суть очной ставки не изменялась. Реалии настоящего времени требуют совершенствования законодательства в части использования современных технических средств.

Ключевые слова: Н.И. Стояновский, очная ставка, уголовный процесс, законодательство, следственное действие, системы видеоконференцсвязи, предварительное расследование.

В соответствии уголовно-процессуальным законодательством и криминалистическими рекомендациями, одним из способов разрешения противоречий между сторонами процесса, является проведение очной ставки. Как правило, показания, полученные и закреплённые в ходе данного следственного действия, являются в последующем неопровержимыми.

На протяжении многовековой истории развития законодательства России регламентирующего уголовное судопроизводство, вопрос проведения очной ставки как способа устранения противоречий в показаниях двух лиц был актуален. Несмотря на то, что корни нормативного оформления, проведения данного следственного действия уходят в XI-XII века., суть проведения данного следственного действия до настоящего времени практически не изменилось.

Необходимо отметить, такое следственное действие известно русскому уголовному процессу еще с древних времен. Впервые оно было нормативно закреплено в памятнике русского права Русской Правде. Прототипом очной ставки по существу был такой правовой институт как «свод». Смысл его в том, что если обнаруживался держатель, например, похищенного имущества ("поличного"), указывающий на человека, у которого он его приобрел, то их "сводили" вместе. И если предыдущий держатель тоже на кого-то указывал, то вновь осуществлял-

ся "свод". И так далее, до тех пор, пока не будет найден действительный похититель вещи.

В Судебнике Ивана III 1497 г., имеется упоминание об очной ставке. Если обвиняемый при допросе оговорил кого-нибудь, то оговоренного доставляли на очную ставку с обвиняемым и допрашивали.

Соборным Уложением 1649 г. в главе 38 закреплялась возможность проведения подобного следственного действия. Его суть заключалась в том, что ранее допрошенный свидетель, в последующем на очной ставке, подтверждает свои показания, что видел и опознает, другого свидетеля, либо обвиняемого в преступлении «говорит с очей на очи тоже».

Именным указом от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах»[1] на непродолжительное время очная ставка как следственное действие и способ собирание доказательств была исключена из российского уголовного процесса. Это было обусловлено большим количеством наветов и лжесвидетельств.

Как указывал известный юрист и государственный деятель Николай Иванович Стояновский в примечании к параграфу 85, главы 7 об Очных ставках, в изданном в 1858 г. Практическом руководстве к русскому уголовному судопроизводству: «О силе очной ставки законы наши не упоминают; но как очная ставка, в двух первых случаях, есть не иное, что как особый вид допроса, - то сила ее как доказательство, определяется на основании правил о показаниях подсудимого и свидетеля.»[2] Сущность очной ставки, по его мнению, противопоставление друг-другу двух лиц для объяснения противоречий в показаниях их об одном и том же предмете, или для убеждения в том, что они знают друг друга.

В последующем идеи Н.И. Стояновского изложенные в Руководстве, нашли свое выражение в высочайше утвержденном императором Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года являвшемся на тот период прогрессивным кодифицированном актом в сфере уголовного судопроизводства. В Уставе в ст.ст. 452 и 726 Предусматривалось проведение очных ставок для разрешения противоречий между свидетелями если это необходимо для проведения дальнейшего судебного следствия, при этом, «каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку, но без повторения присяги».

В законодательстве советского периода нормативное закрепление порядка проведения очной ставки практически не изменялось. Так, ст. 163 УПК РСФСР 1923 года определяла: «...в случае надобности следователь устраивает очную ставку между свидетелями». А в ст. 290 имелось положение о том, что «каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку». В этом прослеживается преемственность Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Нормативное закрепление очной ставки в УПК РСФСР 1960 г., нашло отражение в статье 162 УПК. Особенностью этого закрепления являлось тот, что следователь, при наличии в показаниях двух ранее допрошенных лиц существенных противоречий наделялся правом проводить очную ставку. В данной

норме появилось необходимое условие для проведения этого следственного действия как – наличие существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц.

Современный уголовно-процессуальный Закон, в части регламентации сущности очной ставки, как следственного действия является, по существу, приемником, всех правовых актов в истории российского уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, до настоящего времени содержания понятия существенных противоречий в законодательстве не раскрыто. Но следственная практика исходит из того, что существенными противоречиями признаются обвинения одного лица в совершении преступлении и не признание этим лицом высказанных в его адрес обвинений. И это положение так же берет свое начало еще в Практическом руководстве к Русскому уголовному судопроизводству, Н.И. Стояновского. Параграф 230 предписывал: «оговоренному в соучастии, всегда должно давать очную ставку с оговорившим его преступником»[2].

Развитие социальных отношений, научно-технический прогресс, цифровизация всех отраслей государственной и общественной жизни, а также распространение межрегиональной и транснациональной преступности обуславливает острую необходимость в совершенствовании законодательства в части использования современных технических средств при проведении предварительного расследования, в том числе и при проведении следственных действий.

Начиная с 2011 г. в законодательстве расширились процессуальные возможности проведения следственных действий на судебной стадии, при невозможности явки лиц для участия в рассмотрении уголовного дела. Статьей 278.1 УПК РФ предусмотрена возможность допроса судом свидетеля с использованием систем видеоконференцсвязи.

Вместе с тем, в отсутствие возможности лица быть допрошенным в ходе судебного разбирательства, показания этого лица, данные на предварительном следствии, могут оглашаться судом при условии предоставления возможности обвиняемому (подсудимому) оспорить эти доказательства, предусмотренными законом способами в предыдущих стадиях производства по делу. Полагаем, что таким способом может быть очная ставка. Как показывает следственная практика одной из причин не проведение очных ставок на предварительном следствии, является отсутствие реальной возможности собрать всех участников вместе. Зачастую, это ведет к затягиванию процессуальных сроков, и не редко лишает обвиняемого возможности оспорить данные против него показания, а стороне обвинения использовать эти показания в качестве доказательств.

Изучив практический опыт использования систем видеоконференцсвязи, предусмотренной ст. 278.1 УПК РФ на судебной стадии рассмотрения уголовного дела, полагаем, возможным применение данной нормы на досудебной стадии расследовании уголовного дела по аналогии. Положительный опыт применения систем видеоконференцсвязи следственными органами был получен в период введения мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Тем не менее, на наш взгляд, несмотря на наличие положительного опыта, во-избежание произвольного применения норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующего использование систем видеоконференцсвязи, при производстве очной ставки, в перспективе нуждается в подробной регламентации в части возможности использования систем видеоконференцсвязи органами предварительного расследования.

Литература

1. Извлечение из книги Законодательство Петра I. 1696-1725 годы (составитель, автор предисловия и вступительной статьи В.А. Томсинов). - "Зерцало", 2014.
2. Практическое руководство к Русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским, Издание второе, исправленное и дополненное, Часть 1, Москва в Университетской типографии. 1858.

К.А. Костенко

Историко-правовые аспекты современной модели права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела

Аннотация. Проведенный в статье сравнительный и историко-правовой анализ законодательных норм, регламентирующих право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, свидетельствует об очевидной схожести реализации указанного права по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК Российской Федерации. Обсуждая современное досудебное производство, автор также отмечает и то, что активно развивающиеся процессы цифровизации социального пространства диктуют необходимость внесения изменений в УПК РФ в части установления порядка предоставления электронных материалов уголовного дела стороне защиты и условий ознакомления с такими материалами.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, ознакомление с материалами уголовного дела, обвиняемый, защитник, цифровизация.

Изучая труды Николая Ивановича Стояновского невольно приходишь к мысли, насколько глубоко надо знать право и понимать цели и задачи правосудия, чтобы выстроить систему прав обвиняемого именно так, чтобы их соблюдение привело к достижению высшей цели уголовного судопроизводства. По Н.И. Стояновскому «высшая цель уголовного судопроизводства есть справедливое осуществление и приведение в действие уголовных законов. Цель эта достигается посредством... такого направления уголовного судопроизводства, при котором скоро, легко и верно открывается виновный…. А невинный остается в возможной неприкосновенности»[4].

Если следовать точке зрения Н.И. Стояновского, получается, что «справедливое осуществление и приведение в действие уголовных законов»[4] в отношении обвиняемого, позволяет получить нам истину, причем не формальную, а материальную!

Наиболее показателен и совершенен с точки зрения соблюдения и реализации прав обвиняемого Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года (далее Устав), активным проводником и непосредственным разработчиком которого как раз и был Н.И. Стояновский.

В рассматриваемом аспекте, наиболее значимым правом обвиняемого на досудебной стадии уголовного судопроизводства, на наш взгляд, было и остается право обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела, в том числе получать его копии.

Так, в соответствии со статьей 475 Устава обвиняемый имел право бесплатно получить копии протоколов и постановлений судебного следователя. При этом, данная норма имела очень важное значение и рассматривалась составителями Устава, как «одно из первых условий правосудия: предоставление подсудимому возможных средств оправдания» [5].

Между тем, современная интерпретация данной нормы в уголовно-процессуальном законе 2001 года (далее УПК РФ) более сдержана по своему содержанию (п. 1, 2, ч. 4 ст. 47 УПК РФ), с учетом того, что хотя и предоставляет право обвиняемому получить копии постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении его в качестве обвиняемого, о применении к нему меры пресечения и копии обвинительного заключения, акта или постановления, но фразу «бесплатно» не содержит. Более того, пункт 13 части 4 ст. 47 УПК РФ, предоставляющий обвиняемому право снимать копии с материалов уголовного дела, в т. ч. с помощью технических средств, возлагает расходы за их получение на самого обвиняемого.

Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ) продолжает оставаться одним из наиболее важных этапов предварительного следствия. «Недооценка следователями, дознавателями значимости анализируемого этапа расследования на практике приводит к различным нарушениям» [1].

Представляется, что разработчики УПК РФ в большей степени преследовали цели – сэкономить бюджетные денежные средства государства за счет возложения изготовления копий материалов уголовного дела на сторону защиты и в какой-то степени облегчить труд следователя[1]. Но в действительности, эти цели в полной мере не достигнуты. Об этом свидетельствуют результаты опросов следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее СК России), прошедших обучение на курсах повышения квалификации в Хабаровском филиале Московской академии Следственного комитета в 1 полугодии 2021 года.

Всего было опрошено 35 следователей территориальных следственных органов из различных регионов Дальневосточного федерального округа, в том числе военных и специализированных следственных органов СК России. Ответы на поставленные вопросы оказались достаточно интересны с точки зрения понимания происходящих процессов развития современного предварительного следствия.

Так, по-прежнему наиболее распространённой формой ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника остается личное изуче-

[1] Примечание автора.

ние материалов уголовного дела, об этом сообщили 100% опрошенных. При этом, 34 опрошенных (97,1%) указали о том, что сторона защиты все чаще использует фотообрудование, в основном встроенное в современные мобильные телефоны – смартфоны (англ. smartphone — умный телефон). При этом, доступ к быстрому получению фотографий, предоставляет возможность стороне защиты без особых затрат получить качественные снимки материалов уголовного дела.

Одиннадцать следователей или 31,4%, хотя и в единичных случаях, но сталкивались в своей практике с фактами шантажа со стороны защитников обвиняемых, которые, не желая за свой счет снимать копии с материалов уголовного дела, готовы были подписать протокол об ознакомлении с делом только в случае если следователь предоставит им полную копию уголовного дела с описью. Такие факты, как правило, имели место, когда срок предварительного следствия или избранной меры пресечения обвиняемому истекали, а дальнейшее продление сроков для следователя было нежелательно. Это понимала и сторона защиты.

По сообщению 27-ми следователей (77,1% от числа опрошенных) в их практике были случаи, когда в целях ускорения процесса ознакомления с материалами уголовного дела и экономии времени, как следователя, так и других участников уголовного процесса электронные сканы отдельных листов материалов уголовного дела направлялись обвиняемому или его адвокатам посредством электронных средств связи, в том числе через электронную почту, различные мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.) или записывались на карту памяти (флеш накопитель), диск, предоставленные стороной защиты.

Таким образом, итоги проведенного опроса свидетельствуют о том, что в условиях активно происходящей цифровизации социального пространства, на первый план выходит ускорение процесса расследования, сокращения сроков производства по уголовному делу путем использования современной электронной техники. На наш взгляд, законодателю уже пора обратить на это пристальное внимание и внести соответствующие изменения в УПК РФ в части установления порядка и условий предоставления электронных материалов уголовного дела стороне защиты и ознакомления с ними. Это, открыло бы новые возможности, например: ознакомление с электронными материалами без присутствия следователя в удобное для обвиняемого и его адвоката время, сокращение сроков ознакомления с материалами уголовного дела и др.

Высказанные подходы исключили бы использование стороной защиты различных «схем» противодействия расследованию путем затягивания ознакомления с материалами уголовного дела. Не секрет, что эти «схемы» используются для достижения стороной защиты определенных целей: «дотянуть до истечения сроков давности уголовной ответственности или до предельного срока содержания обвиняемого под стражей; увеличить время нахождения обвиняемого под избранной мерой пресечения в виде домашнего ареста (чтобы в последующем этот период был зачтен в срок будущего наказания) и др.» [2].

С учетом этого, требуют проработки и дополнительного изучения вопросы предоставления электронной копии в случаях, когда у обвиняемого несколько защитников (в соответствии с частью 1 ст. 50 УПК обвиняемый вправе пригла-

сить несколько защитников, а в соответствии со ст. 52 УПК вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от защитника и ходатайствовать о допуске другого).

Необходимо отметить, что Россия всегда была и остаётся одним из немногих государств мира, где уже не одно столетие право на ознакомление с материалами уголовного дела и снятие с него копий, реализуется в полном объеме, за исключением предоставления копий материалов, составляющих государственную тайну (ч. 2 ст. 217 УПК).

В качестве сравнения, особенно интересны для нас исследования А.Н. Петрухиной, которая сопоставляя законодательство некоторых Европейских стран констатировала, что например, уголовно-процессуальное законодательство Франции и ФРГ не представляют обвиняемому право в досудебной стадии знакомиться с материалами уголовного дела на досудебной стадии. Это право предоставлено лишь защитникам. При этом, во Франции бесплатно обвиняемый может получить, только достаточно ограниченный перечень документов. Да и в целом в Евросоюзе ограничение в ознакомлении с материалами расследования на досудебной стадии, не считается нарушением принципа равенства сил, заложенного в п. 3 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, что также было признано Европейским судом по делам: «Кремцов против Австрии», Джеперс против Бельгии», «Куруп против Дании». В частности, Европейский суд признает возможность государства ограничить доступ к материалам дела для представителей защиты, даже если они представляют для них особую важность [3].

На наш взгляд для России это не приемлемо в принципе. Для нас, как и более 155 лет назад по Уставу уголовного судопроизводства, наиболее важным остается предоставить обвиняемому все возможные средства защиты от выдвинутого в его адрес обвинения. Но при этом, существенен и факт соблюдения паритета участников процесса, ведь есть право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, а есть гарантированные частью 1 статьей 46 и статьей 52 Конституции РФ права граждан на судебную защиту их прав и свобод, а также на защиту от преступления и доступ к правосудию. А неотъемлемым элементом соблюдения гарантированных Конституцией РФ прав является своевременное и оперативное расследование и рассмотрение в суде уголовного дела.

Литература

1. *Ким Е.П., Костенко К.А.* Проблемы реализации норм об ответственности за организацию преступного сообщества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3(25). С. 109.
2. *Костенко К.А.* Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С.31.
3. *Петрухина А.Н.* Проблема реализации права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела // Государство и право: теория и практика. 2017. № 4(9). С. 14-15.

4. *Серов Д.О.* Стояновский Н.И. и образование судебных следователей в России (1860-1864) [Электронный ресурс] // URL: https://bstudy.net/656767/literatura/stoyanovskiy_obrazovanie_instituta_sudebnyh_sledovateley_rossii_1860_1864 (дата обращения 31.03.2021).
5. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. III. М., 1914. С. 844. Цит. по: Ворошилова С.В. Правовой статус обвиняемого по судебным уставам 1864 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 22.

Ф.М. Лучинкин

Следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности

Аннотация. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности должно происходить только после проверки следственным путем. Институт предварительного следствия является той необходимой гарантией законности и прав личности, которая позволяет формировать из результатов оперативно-розыскной деятельности уголовно-процессуальные доказательства. Расшатывание запрета на непосредственное использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимо, так как ставит под угрозу процессуально-правовую основу противодействия преступности в нашем государстве.

Ключевые слова: предварительное следствие, результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальное доказывание, уголовный процесс.

Концептуальная основа современной модели уголовно-процессуального доказывания, сложившая в нашем уголовном процессе исторически, подвергается в последнее время нападкам со стороны сторонников так называемой состязательной теории судебного доказывания.

Сторонники состязательности ставят под сомнение необходимость запрета, закрепленного в статье 89 УПК РФ, и выступают за «слияние» оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования в единую деятельность, осуществляемую «полицией» под руководством прокурора, направлению на раскрытие преступления и подготовки основания для выдвижения обвинения (прокурором) против лица, изобличенного в совершении преступления [1].

Некоторые представители подобных воззрений полагают, что уже сейчас судебный фазис является обязательным элементом уголовно-процессуальной технологии доказывания, и что якобы суд непосредственно из результатов оперативно-розыскной деятельности вправе сформировать уголовно-судебное доказательство [2]. Тем самым косвенно проводится мысль о никчемности института предварительного следствия.

Полагаем принципиально важным научным делом дать критику подобным воззрениям, ибо они имеют разрушительные последствия для российской доктрины уголовно-процессуальных доказательств и в целом – правового устройства противодействия преступности в нашей стране.

На наш взгляд, одним из фундаментальных постулатов господствующей уголовно-процессуальной доктрины является разделение двух основных видов правоохранительной/познавательной деятельности: оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной; последняя включает в себя судебную и досудебную. Все эти разновидности деятельности правоохранителей имеют основным содержанием получение сведений, необходимых для совершения правоприменительных актов, которыми разрешаются вопросы уголовного дела.

В ходе досудебного производства, включающего две стадии, результаты оперативно-розыскной деятельности последовательно проходят проверку следственным путем и легализацию, получение законной силы допустимых доказательств. Именно следственная форма служит тем правовым, процессуальным фильтром, который не дает смешаться непосредственно результатам оперативно-розыскной деятельности с уголовно-процессуальными доказательствами.

Это принципиально важно в двух отношениях: во-первых, в правозащитном отношении, то есть при обеспечении прав и свобод человека и гражданина, а во-вторых, в отношении «законности» формирования уголовно-процессуальных доказательств, создания допустимых «средств доказывания» юридически значимых фактов по уголовному делу.

Разделение следственной, уголовно-процессуальной деятельности и деятельности оперативно-розыскной необходимо для обеспечения верховенства закона в досудебном производстве, то есть при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений. Без этого разделения вся активность правоохранительных органов государства, призванных противостоять преступности, ставится под сомнение, которое можно считать разумным. Ведь оперативно-розыскная деятельность – это тайная, конспиративная деятельность, и поэтому ее трудно формализовать и вместе с тем,

Весь ход реформирования досудебного производства со второй половины 20-го века вплоть до настоящего времени был определен доктриной максимального отделения: создание стадии возбуждения уголовного дела (УПК РСФСР, 1960 г.), выделение и оформление оперативно-розыскной деятельности, как самостоятельного правового явления в связи с принятием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ[1]. Наконец, принятие УПК РФ в 2000 году и последующие события в 2007-2009 годах, связанные с коррекцией процессуально-правовых параметров проведения предварительного следствия и созданием нового следственного органа – Следственного комитета России, также надо считать явлениям в одном ряду последовательных шагов.

Скажем больше, сам институт предварительного следствия появился в 1860 году как предвестник Великой судебной реформы 1864 года, так же преследовал эту «сверхцель» - отделение деятельности полиции по раскрытию преступлений и изобличению преступников от уголовно-процессуального доказывания, на которое был уполномочен судебный следователь.

---

[1] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020 № 515-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности:» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349. URL: КонсультантПлюс: справ. правовая система (дата доступа: 20.03.21).

Таким образом, мы видим многовековую, несмотря на отдельные перерывы, закономерно развивающую форму предварительного следствия, как единственно возможную, необходимую форму образования уголовно-процессуальных доказательств, допустимых для использования в суде в качестве средств доказывания фактических обстоятельств, образующих предмет доказывания.

Преемственность в развитии национальной доктрины уголовного судопроизводства, не разрыв, а продолжение правовых традиций является непременным условием стабильности правопорядка. В этом состоит объективность и закономерность, подлежащие научному анализу. Ставить под сомнение институт следственной власти в нашей стране и призывать к отказу от следственной технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств как минимум недальновидно, а по большому счету – неконструктивно.

Полагаем соответствующей интересам нашей страны позиция признания важности, неотъемлемости института предварительного следствия для уголовно-процессуальной системы. Таким образом, следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности, должна быть единственно возможной и необходимой технологией формирования «процессуального знания», пригодного для принятия решений по уголовному делу, в том числе и судом.

Только эта технология, включающая все многообразие техник следственных действий, в которых воплощены все возможные акты познания субъектом доказывания (следователем) явлений объективной реальности, надежно гарантирует соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а равно – установление объективной истины.

Литература

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А.С.Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
2. *Уткин В.В.* Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дисс. … канд. юрид наук: 12.00.12. Н. Новгород, 2020. 311 с.

А.М. Новиков
В.А. Прорвич

Принцип свободы оценки доказательств в уголовном процессе и особенности его правоприменения

Аннотация. Анализ особенностей правоприменительной практики в части проверки и оценки собранных доказательств по уголовному делу показывает, что особенностям формирования внутреннего убеждения уделяется недостаточное внимание. В работе раскрывается связь основных критериев, с помощью которых законодатель раскрывает принцип свободы оценки доказательств. Сделан ряд акцентов на соответствующие положения уголовно-процессуального законодательства, раскрывающие взаимные связи проверки и оцен-

ки доказательств и используемых при этом критериев относимости, допустимости и достоверности.

Ключевые слова: правоприменительная практика, проверка доказательств, оценка доказательств, относимость доказательства, допустимость доказательства, достоверность доказательства.

Одним из важнейших принципов уголовного процесса является свобода оценки доказательств, определение которого приведено в ст. 17 УПК РФ. Речь идет о том, что следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

В данном определении многие правоприменители делают акценты на морально-нравственные качества следователя, формирующие особенности его внутреннего убеждения. Но при этом важно обращать внимание на то, что указанные положения относятся и к прокурору, осуществляющему надзор за следствием, а затем представляющему сторону обвинения в суде, и к судье, и даже к присяжным заседателям. При этом внутренние убеждения и понятия о совести у всех этих лиц могут существенно различаться, нередко приводя к конфликтам, препятствующим надлежащему установлению истины по делу [1, с. 123].

В любом случае, при таких подходах приходится учитывать два других ключевых положения приведенного определения, раскрывающих особенности формирования внутреннего убеждения, которое должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, а также руководствоваться при этом следователь должен законом.

Для раскрытия особенностей данного определения важно обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами признаются сведения (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), полученные из определенных источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). При этом понятие «сведения» отражает содержательную сторону доказательства (материальный аспект), а понятие «источник» отражает формальную сторону доказательства (формальный аспект). Важно подчеркнуть, что доказательство существует только при наличии единства сведения и источника, т.е. оно требует обязательного одновременного присутствия как формальной, так и материальной (содержательной) сторон.

Источники доказательств принято также называть отдельными видами доказательств. При этом создан ряд систем классификации доказательств – как универсальных, так и сориентированных на определенные виды преступлений. В качестве критериев для классификации доказательств обычно используются особенности способов их формирования, наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации, отношение доказательства к устанавливаемому факту и ряд других.

Важно обратить внимание на то, что в ст. 17 УПК РФ при указании на внутреннее убеждение следователя сформулированы два ключевых условия: оно должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, а руководствоваться при этом следователь должен законом. Но в таком случае получается, что формирование внутреннего убеждения следователя начинается с таких доказательств их будущей их совокупности, которые сами еще не прошли процедуру надлежащей оценки.

Выходом из столь сложной, «самозамкнутой» ситуации может стать многократное сопоставление каждого из проверяемых доказательств со всей совокупностью остальных имеющихся доказательств и фиксации полученного результата. После завершения первого цикла оценки наиболее сомнительные доказательства могут быть исключены из сформированной их совокупности, а первоначальный план расследования может быть дополнен такими следственными действиями, которые позволят получить новые доказательства, оценка которых проводится по тому же алгоритму

Кроме этого, важно определить роль и место проверки доказательств при реализации обсуждаемого принципа свободы оценки доказательств по уголовному делу. В науке уголовно-процессуального права проверка доказательств в отличие от их собирания и оценки не считается общепринятым элементом доказывания, хотя данный его элемент весьма сложно отделить от собирания и оценки доказательств. В частности, сопоставление доказательств является одним из обязательных условий оценки совокупности доказательств, установление их источника предполагается при оценке допустимости доказательства, а получение новых доказательств возможно только путем их собирания [2, с. 128].

Эти элементы доказывания можно лишь разграничить по характеру производства соответствующих следственных действий и их целевой установке. При сборе и оценке доказательств речь идет об установлении ранее неизвестных сведений, а при проверке доказательств – об анализе уже установленных сведений. Эти следственные действия принято относить к способам собирания доказательств, поскольку в рамках предварительного расследования следователь или дознаватель собирает доказательства, в том числе, с целью проверки ранее собранных, и оценивает их, тем самым проверяя. То есть понятия собирания, проверки и оценки доказательств находятся в неразрывной взаимосвязи.

Не менее важное, если не ключевое значение, имеет второе из отмеченных выше положений о том, что при оценке доказательств следователь должен руководствоваться законом. Вопрос только в том, что в ст. 17 УПК РФ законодатель не указал, каким именно законом или какими именно законами следователь должен руководствоваться при оценке собранных им доказательств по уголовному делу. Но в самом Уголовно-процессуальном кодексе РФ есть ответ: речь идет о ст. 87 «Проверка доказательств» и ст. 88 «Правила оценки доказательств».

Обращение к положениям ст. 87 УПК РФ показывает, что законодатель указал на три способа проверки доказательств: сопоставление с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле; установление источника доказательства; получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Чтобы определенная информация, соответствующая перечисленным выше требованиям ст. 74 УПК РФ, была признана полноценным доказательством по конкретному уголовному делу, она должна соответствовать определенным критериям, установленным ст. 88 УПК РФ: относимостью, допустимостью и достоверностью. Единство этих трех свойств придает доказательству необходимую юридическую силу при установлении обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, соответствие требованиям ст. 74 УПК РФ и критериям, установленным ч. 1 ст. 88 УПК РФ, отличает доказательство от других документированных сведений, имеющихся в материалах уголовного дела. Утрата хотя бы одного из трех указанных выше свойств влечет их непригодность в доказывании любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Более того, если информация не соответствует одному из трех данных свойств, то она вовсе не должна допускаться в процесс. То есть, если сторона заявляет ходатайство о приобщении к уголовному делу неотносимого или недопустимого доказательства, то такое ходатайство должно отклоняться.

Свойство относимости характеризует отношение доказательства к предмету доказывания. То есть, относимыми доказательствами могут признаваться только такие сведения, которые прямо (иногда косвенно) относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, перечисленным в ст. 73 УПК РФ. Причем, одинаково относимыми являются как подтверждающие определенное обстоятельство (обвинительные доказательства), так и отрицающие его (оправдательные доказательства).

Если доказательство не обладает свойством относимости, то его необходимо исключить из процесса доказывания на определенном этапе расследования уголовного дела. Вместе с тем, принимать решение об исключении его из материалов уголовного дела не следует, поскольку по ходу расследования уголовного дела и появления новых сведений о фактах оценка относимости или неотносимости доказательства может изменяться. В то же время, использовать подобные доказательства следует весьма осторожно, поскольку они могут оказаться не только бесполезными, но и вредными, уводя процесс доказывания в сторону от его предмета.

Свойство допустимости доказательств имеет не только уголовно-процессуальный, но и конституционно-правовой характер, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона». Поэтому свойство допустимости характеризует соответствие порядка получения доказательств требованиям, установленным законом к процессуальной форме их получения. В ч. 1 ст. 75 УПК РФ указано, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса.

Необходимо подчеркнуть, что допустимость каждого доказательства должна оцениваться автономно (принцип автономии оценки допустимости доказательств). К примеру, при наличии оснований для обыска в момент его производства, соблюдении процессуальной формы его производства и оформления результатов обыска, полученные доказательства допустимы, независимо от оценки допустимости доказательств, полученных по итогам следственных действий, предшествовавших обыску.

Свойство достоверности доказательств отражает их содержательную сторону. То есть, доказательство должно соответствовать тем фактам, которые отражают произошедшее в реальной действительности. Достоверность доказательства определяется в результате тщательного установления всех обстоятельств дела, поиска следов преступления, оценки доказательств в их совокупности, проверки

каждого из них в соответствии с требованиями ст. 87 УПК РФ, особенности которой рассматривались выше. При этом большинство ученых и специалистов констатируют, что достоверность является самым трудноопределимым свойством доказательств, поскольку очень многое зависит не столько от установленных в законе или выработанных правовой доктриной формальных критериев, сколько от фактических обстоятельств конкретного уголовного дела и ряда субъективных факторов – память свидетеля, возраст потерпевшего и т.п.

В частности, для следователей установление достоверности доказательств, собранных при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, представляет серьезную проблему, поскольку научно обоснованных рекомендаций по оценке доказательств до сих пор не создано. Более того, разобраться во всех деталях экономической деятельности определенных субъектов, чтобы установить все фактические обстоятельства конкретного уголовного дела, тем более, на основании не только объективных, но и субъективных факторов, далеко не просто даже лицам, обладающим необходимыми специальными знаниями и профессиональными компетенциями в соответствующих областях экономики и финансов, гражданского и специального законодательства и соответствующей практической деятельности.

Важно также обратить внимание и на то, что практически во всех уголовно-правовых нормах, включенных в раздел VIII УК РФ, имеется такой квалифицирующий признак, как значительный, крупный или особо крупный размер причиненного ущерба либо незаконно полученного дохода, а в некоторых статьях – даже «избежания убытков». При этом в примечаниях к соответствующим статьям указаны такие значения крупного либо особо крупного размера, которые отличаются в сотни раз. В результате размер причиненного ущерба в 2 млн. руб. по определенным преступлениям рассматриваемого вида может признаваться особо крупным, а по другим – такая сумма не дотягивает даже до крупного размера. Кроме этого, значения данных размеров периодически пересматриваются, как правило, в сторону увеличения, что свидетельствует о признании законодателем важности данных квалифицирующих признаков для надлежащей криминализации соответствующих деяний экономических субъектов различного вида и уровня.

Необходимо учитывать, что точно рассчитать значение экономического ущерба, который был причинен конкретным преступлением в сфере экономики, либо размер незаконно полученного дохода оказывается невозможно. При использовании любой экономико-математической модели результаты расчетов характеризуются определенной погрешностью. С математической точки зрения принято указывать не только результат расчета, но и значение погрешности, а также вероятность попадания истинного результата в определенный интервал, который характеризуется погрешностью расчетов. Совокупность этих параметров позволяет установить достоверность результата расчетов по конкретным экономическим признакам преступления [3, с. 164].

При всей очевидности соответствующих выводов, математическое определение достоверности доказательств, полученных по результатам расчетов определенных экономических характеристик, пока еще редко применяется в уголовном судопроизводстве по преступлениям в сфере экономики. Принято считать, что любое

доказательство, имеющее вероятностный характер, не может использовано для обвинения в совершении преступления. В то же время, результаты генетических экспертиз, позволяющие установить личность субъекта преступления с вероятностью (достоверностью) в 99,9% уже давно стали привычными и в уголовном судопроизводстве.

Одной из причин такой ситуации является подмена всей системы судебно-экономических экспертиз, позволяющих выполнить исследования особенностей экономической деятельности любых субъектов с применением современных методик, бухгалтерскими экспертизами, основанными на подходах, сложившихся еще в прошлом веке. Принято считать, что по бухгалтерской документации можно рассчитать многомиллионные суммы с точностью до 1 рубля. Но это возможно лишь для немногих видов преступлений в сфере экономики, совершенных на тех предприятиях, которые ведут полный бухгалтерский учет.

Кроме того, если легализация определенной суммы денег, полученной преступным путем, осуществляется путем ее размещения на счете в банке, то ее размер можно установить по бухгалтерской документации банка с точностью до 1 рубля. Но если речь идет о легализации угнанного автомобиля с перебитыми номерами, то для установления причиненного ущерба и незаконно полученного дохода необходимо оценивать его рыночную стоимость с помощью соответствующих экономико-математических моделей. А при установлении достоверности полученного доказательства следователь неизбежно сталкивается с перечисленными выше проблемами, требующими своего научно обоснованного решения.

Таким образом, анализ особенностей правоприменения одного из важнейших принципов процессуального законодательства – свободы оценки доказательств, показывает, что его нельзя сводить лишь к факторам гуманитарного порядка – внутренним убеждениям следователя, основанных на его совести. В то же время, для широкого практического применения двух других критериев, связанных с характеристиками собранной совокупности доказательств и опорой на положения действующего законодательства, необходимо создание научно обоснованных инструктивно-методических документов.

Литература

1. Ошибки при раскрытии и расследовании экономических преступлений /под ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. М.: Спутник+, 2018. 424 с.
2. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений / под ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. – М.: «Спутник+», 2016. 624 с.
3. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. – М.: Экономика, 2021. 616 с.

С.А. Новиков

Объем полномочий руководителя следственного органа: дополнить или сократить?

Аннотация. В статье оценивается достаточность полномочий руководителя следственного органа и высказываются предложения об увеличении их объема. Автором обосновывается необходимость наделения такого руководителя правом участвовать в производстве следственных действий и лично производить их без принятия уголовного дела к своему производству. Также предлагается передать ему право согласовывать решение следователя о сохранении в тайне факта задержания подозреваемого. При этом автор отрицательно относится к идее сокращения полномочий руководителя следственного органа при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: руководитель следственного органа; предварительное следствие; следственные действия; допрос.

Руководитель следственного органа – один из ключевых участников уголовного процесса на его досудебных стадиях. Объем его процессуальных полномочий в настоящее время весьма широк: от продления сроков предварительного следствия и согласования направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд до передачи дела от одного следователя другому и выдачи конкретных указаний о направлении дальнейшего расследования. Однако насколько существующий объем полномочий оптимален? Достаточно ли их руководителю следственного органа, нет ли необходимости в расширении его полномочий? И, напротив, нет ли среди них избыточных? Некоторыми идеями на этот счет мы и поделимся ниже.

При этом в данной работе нами не будут затрагиваться глобальные вопросы организации предварительного следствия, такие как необходимость появления в России судебного следователя или возврата к существовавшей до известной реформы 2007 года принципиально иной модели отношений «прокурор – следователь – руководитель следственного органа». Отметим лишь, что по поводу возрождения фигуры судебного следователя нам близка взвешенная оценка А.И. Александрова, рекомендовавшего не торопиться с реализацией этой идеи в жизнь и дополнительно тщательно проработать плюсы и минусы от ее воплощения [1, с. 31]. По поводу перераспределения процессуальных полномочий между руководителем следственного органа и прокурором в ходе реформы 2007 года сошлемся на аргументированную, основанную на богатом статистическом материале оценку Б.Я. Гаврилова, признавшего состоявшееся перераспределение объективной необходимостью [2, с. 38].

Проблемы, к которым мы хотим привлечь внимание, касаются более частных вопросов, разрешение которых, тем не менее, достаточно востребовано правоприменителями. Первый из них: расширение полномочий руководителя следственного органа в части личного производства им следственных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве у подчиненного ему следователя. В настоящее время подобное полномочие руководителя предусмотрено законом применительно к единственному случаю: давая следователю согласие воз-

будить перед судом ходатайство об избрании или продлении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, требующего судебного решения, руководитель вправе без принятия уголовного дела к своему производству предварительно лично допросить подозреваемого, обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Но достаточно ли этого? Полагаем, что нет.

В подтверждение такого вывода напомним, что прокурор, часть полномочий которого и была в 2007 году делегирована руководителю следственного органа, мог в ходе досудебного производства в необходимых случаях лично производить отдельные следственные действия безо всяких ограничений. Причем такое право сохранялось у прокурора еще с советских времен, а его реализация признавалась весьма полезной, предупреждающей процессуальные ошибки и служащей важной гарантией обеспечения прав и законных интересов граждан, попавших в орбиту уголовного процесса [4, с. 104]. С переходом части функций от прокурора руководителю следственного органа логичным было бы увидеть у последнего и подобное полномочие, однако этого не произошло.

Между тем, как представляется, необходимость личного производства руководителем следственного органа того или иного следственного действия не ограничивается приведенным выше случаем допроса подозреваемого, обвиняемого при согласовании возбуждаемого перед судом ходатайства. Так, личное производство допроса, например, может потребоваться при определении целесообразности заключения с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве либо для уточнения деталей квалификации инкриминируемого ему деяния, а также при поступлении жалоб на необъективное ведение следствия.

Кроме того, нелишним будет учитывать, что возможностью производить по поручению руководителя следственного органа отдельные следственные и иные процессуальные действия, не принимая уголовное дело к своему производству, наделен сегодня следователь-криминалист. При такой конструкции отсутствие аналогичного полномочия у самого руководителя выглядит особенно непоследовательным.

Более того, действующий закон даже не упоминает права руководителя участвовать в следственном действии, производимом подчиненным ему следователем. И хотя на практике руководители, пользуясь отсутствием запрета на такое участие, фактически нередко участвуют в производстве наиболее значимых следственных действий, роль их при этом законодателем не определена. Такая неопределенность положения порой приводит к невольной пассивности руководителя в ситуации, когда от него требуется более решительное участие в следственном действии.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости дополнения законодательно установленного объема полномочий руководителя следственного органа правом участвовать в следственных действиях, производимых подчиненным ему следователем, а в необходимых случаях лично производить их без принятия дела к своему производству.

Еще один момент, который хотелось бы затронуть, касается существующего порядка процессуального задержания лица по подозрению в совершенном преступлении, а точнее – сохранения факта задержания в тайне. Согласно положе-

ниям действующей редакции статьи 96 УПК РФ, подозреваемый в кратчайший срок (не превышающий 3 часов с момента его доставления) вправе осуществить один телефонный разговор для уведомления о задержании своих близких. Если же в интересах расследования требуется сохранить факт задержания в тайне, то для этого необходимо мотивированное постановление следователя, согласованное прокурором.

Однако изучение правоприменительной практики показывает, что нередко задержание одного из соучастников производится глубокой ночью, когда получить согласие прокурора на сохранение тайны не представляется возможным. При этом реализация задержанным права позвонить близким приводит к сокрытию ими следов преступления, бегству кого-то из соучастников и другим негативным последствиям. В связи с этим представляется целесообразным передать полномочие согласовывать постановление следователя о сохранении задержания в тайне от прокурора руководителю следственного органа. Прокурор же в силу части 3 статьи 92 УПК РФ в любом случае уведомляется о произведенном задержании и сможет, в том числе, оценить законность принятого решения о неуведомлении.

Теперь несколько слов о звучащих иногда предложениях сократить полномочия руководителя следственного органа. Вновь отметим, что мы не будем касаться кардинального реформирования следствия, а затронем лишь отдельные дискуссионные вопросы. Так, применительно к порядку заключения досудебного соглашения о сотрудничестве некоторыми правоведами высказывалось предложение направлять соответствующее ходатайство подозреваемого, обвиняемого прокурору во всех случаях, то есть независимо от позиции следователя и его руководителя по этому поводу [3, с. 131]. Полагаем, однако, что с таким подходом согласиться нельзя. Следователь, расследующий уголовное дело, и его руководитель, осуществляющий ведомственный контроль, оценивая предлагаемую подозреваемым, обвиняемым помощь, лучше других осведомлены о следственной ситуации по делу, степени доказанности значимых обстоятельств совершения преступления, поэтому учет их позиции по заявленному ходатайству о сотрудничестве принципиально важен. Кроме того, предусмотренный сегодня порядок, увеличивая количество субъектов, влияющих на принятие решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, способствует большей обоснованности его заключения.

В завершении подчеркнем, что предоставляемые руководителя следственного органа полномочия направлены на реализацию им своей главной процессуальной задачи – обеспечение действенного ведомственного контроля в целях надлежащего производства следователем предварительного следствия. Поэтому правильное определение объема таких полномочий – не просто условие эффективной работы руководителя следственного органа, но и важнейшая предпосылка достижения целей уголовного судопроизводства.

Литература

1. Александров А.И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь. 2018. № 3. С. 30-35.
2. Гаврилов Б.Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35-44.
3. Лазарева В.А., Кувалдина Ю.В. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве в свете разъяснений Пленума Верхового Суда РФ // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 129-141.
4. Скаредов Г.И. Участие прокурора в следственных действиях. – М.: Юридическая литература, 1987. – 160 с.

Н.В. Османова

Определение содержания деятельности по осуществлению уголовного преследования

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением содержания деятельности по осуществлению уголовного преследования. Анализируются функции участников уголовного судопроизводства стороны обвинения при проверке сообщения о преступлении. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что уголовное преследование присуще всем стадиям уголовного судопроизводства и может осуществляться как в отношении конкретного лица, так и в отношении неустановленного лица или круга лиц.

Ключевые слова: уголовное преследование, изобличение лица, подозреваемый, обвиняемый, сторона обвинения, сообщение о преступлении, уголовно-процессуальная концепция.

Уголовное преследование является центральным элементом уголовного судопроизводства, определяет функции властных субъектов, осуществляющих предварительное расследование, затрагивает интересы граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, отражает основные направления уголовной политики.

Следует признать, что в настоящее время в российском уголовно-процессуальном законе отсутствует единая концепция осуществления уголовного преследования: не определены момент начала уголовного преследования, содержание деятельности, направленной на изобличение лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, также возникают вопросы относительно видов, форм и сроков осуществления уголовного преследования, остаются неразрешенными проблемы разграничения порядков уголовных судопроизводств и уведомления лиц о начале подозрения, обвинения при расследовании уголовных дел в различных формах. Указанное закономерно отражается на правоприменительной практике.

В настоящей статье на обозрение представлены следующие основные авторские тезисы:

1. Уголовное преследование обусловлено возникновением уголовно-процессуальных отношений и начинается с момента регистрации сообщения о преступлении;

2. Деятельность по изобличению подозреваемого, обвиняемого может осуществляться как в отношении конкретного лица, так и в отношении неустановленного;

К таким выводам мы пришли, анализируя уголовно-процессуальные нормы, правоприменительную деятельность и результаты интервьюирования следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Обратимся к позиции законодателя. Уже в момент регистрации сообщения о преступлении сотрудником, принимающим, заявление от пострадавшего делается предварительный вывод о факте совершения преступления, поскольку иная информация, не указывающая на преступное уголовно наказуемое деяние не будет вноситься в книгу регистрации сообщений о преступлении. Согласно п. 20 Инструкция об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом Следственного комитета России от 11 октября 2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации», заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в книге и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном статьями 144, 145 УПК.

Принятие сообщения о преступлении позволяет приступить не просто к его проверке, а к собиранию доказательств посредством производства следственных и процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Не противоречит представленной позиции указание в п. 55 ст. 5 УПК РФ на процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения *подозреваемого, обвиняемого* в совершении преступления, поскольку, начиная с момента принятия сообщения о преступлении начинается установление события преступления, совершение которого в последствии вменяется в вину обвиняемому, а значит и изобличение лица. На стадии возбуждения уголовного дела не только устанавливаются признаки состава преступления, но и собираются доказательства, дающие основания для предъявления обвинения в совершении преступления, исследуемые в последующем в суде.

Подобного мнения в одном из последних исследований, посвященных уголовному преследованию, придерживается и Агабеков К.С., определяя возможность начала уголовного преследования независимо от наличия у лица статуса подозреваемого или обвиняемого, в том числе на этапе проверки сообщения о преступления, при этом содержание процессуальной деятельности стороны обвинения должно давать «лицу основание полагать, что в отношении него осу-

ществляется проверка на его причастность к совершению преступления» [1, С. 10].

Положения ч. 1 ст. 21 УПК РФ ориентируют нас на то, что уголовное преследование осуществляется *только по уголовным делам* с уточнением: по делам публичного и частно-публичного обвинения обязанность реализации функции уголовного преследования возложена на прокурора, следователя и дознавателя. По таким делам в уголовном преследовании обвиняемого вправе участвовать потерпевший. Согласно ст. 22 УПК РФ и прямому ее толкованию потерпевший не осуществляет уголовного преследования, а лишь вправе принять в нем участие. Остается не понятным каким образом должна осуществляться реализация такого права и почему уголовное преследование в отношении обвиняемого, а не обвиняемого и подозреваемого. Дословное толкование указанной нормы не позволяет отнести деятельность прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания на этапе проверки сообщения о преступлении к уголовному преследованию. Вместе с тем, «на лицо» противоречие норм, выражающееся в отсутствии определённости в вопросах регламентации начала уголовного преследования, в связи с чем возникают закономерные вопросы исчисления сроков уголовного преследования. На необходимость исчисления сроков уголовного судопроизводства с момента подачи заявления о преступлении при определения их разумности обратил внимание и Конституционный Суд РФ[1].

С внесением изменений Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ и расширением на этапе проверки сообщения о преступлении средств установления данных, указывающих на признаки преступления, собирания доказательств деятельность следователя, дознавателя, органа дознания по изобличению лица в совершении противоправного деяния стала еще более очевидной, а границы стадий досудебного производства – размытыми, что в очередной раз позволяет усомниться в целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела [2; 3].

Полагаем, что в изобличение входит деятельность по установлению лица, совершившего преступление, как до придания лицу статуса подозреваемого, обвиняемого, так и после. При этом в момент вынесения органом предварительного расследования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, либо принятия решения, предусмотренного п. 2-4 ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ, делается предварительный вывод о причастности лица к совершению преступления посредством подозрения либо обвинения: при наличии достаточных данных лицо подозревается в совершении преступления (ч. 1 ст. 223[1] УПК), а в случае получения достаточных доказательств – обвиняется (ч. 1 ст. 171 УПК).

Исследование правовой природы и сущности уголовного преследования, а также правоприменительной практики реализации норм, образующих институт подозрения и обвинения, позволяет утверждать, что уголовное преследование не ограничивается только принятием процессуального решения. Так, после задер-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских».

жания лица в порядке ст. 91, 92 УПК деятельность по изобличению подозреваемого продолжается как до принятия решения о предъявлении обвинения, так и после.

При определении начала уголовного преследования следует отталкиваться от правовой природы «изобличения» и его содержания. К какой деятельности, если ни к уголовному преследованию, следует отнести проверку сообщения о преступлении, равно как и само предварительное расследование, если осуществляющему его лицу данные о «заподозренном» неизвестны?

Направление запроса в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ о предоставлении документации, подтверждающей положение лица и круг его полномочий, либо ее изъятие в ходе осмотра места происшествия является процессуальным действием, направленным на изобличение лица в совершении преступления, и может осуществляться по сообщениям, например, о должностных преступлениях (ст. 285 (Злоупотребление должностными полномочиями), 286 (Превышение должностных полномочий) УК РФ и др.). Исследуя вопросы, связанные с возможным началом уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела, следует отметить, что аналогичные вопросы возникают и на этапе предварительного расследования. Так, например, допрос свидетеля – в последующем подозреваемого, обвиняемого – осуществляется в целях установления обстоятельств преступного уголовно-наказуемого деяния, в том числе причастности лица к его совершению, то есть изобличения в совершении преступления.

Распространяя на стадию возбуждения уголовного дела изобличение лица, причастного к совершению преступления, следует отличать уголовное преследование от функции обвинения, начало реализации которой связано с необходимостью обеспечения права на защиту. Согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в уголовном деле не только при появлении процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, но и с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. При этом законодатель, по сути, не закрепляет статус такого лица на стадии возбуждения уголовного дела и не раскрывает какие именно действия следует считать затрагивающими права и свободы.

На основании изложенного констатации подлежит факт содержания в уголовно-процессуальном законе положений, противоречащих друг другу в части определения начала уголовного преследования, отсутствия регламентации содержания, порядка и сроков его осуществления. В целом же в настоящее время уголовное преследование присуще всем стадиям уголовного судопроизводства и может быть «обезличено», то есть осуществляться в отношении неустановленного лица или круга лиц.

Литература

1. *Агабеков К.С.* Уголовное преследование органами дознания: теория и практика: дис. … канд. юрид. наук / К.С. Агабеков. М., 2020. 226 с.

2. *Гаврилов Б.Я.* Производство следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации / Б.Я. Гаврилов // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 1 (2). С. 96-104.
3. *Гаврилов Б.Я.* Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения / Б.Я. Гаврилов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 35-50.

В.В. Синиченко

Дознание и следствие в правоохранительных органах Советского государства в довоенный период

Аннотация. В статье говорится о распределении функций дознания и следствия между различными правоохранительными органами Советского государства в 20-30-х гг. XX в. В 20-х гг. прослеживалась тенденция к передаче следствия в ведение специальных следственных органов при институтах советской власти, а затем в ведение прокуратуры.

В 30-х гг. XX в. набрала силу другая тенденция на передачу не только дознания, но и следствия в ведение одного министерства – ОГПУ, а затем НКВД СССР.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, следствие, дознание, право, органы государственной безопасности, приказ, циркуляр.

В период становления Советского государства «расследованием-дознанием» занимались многочисленные штатные и нештатные советские органы.

Однако уже в марте 1918 г. было предложено создать отдельные следственные комиссии.

Так, Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов о суде от 7 марта 1918 г. в части шестой «О предварительном следствии» в ст. 21 возлагал предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, на следственные комиссии из трех лиц, «избираемых впредь до назначения прямых выборов Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов»[1].

Однако практика показала, что справится с валом уголовной и политической преступности созданные следственные комиссии не могли.

Поэтому в условиях Гражданской войны право дознания было делегировано различным революционным воинским подразделениям и милиции [4, 67].

Постепенно по мере укрепления советской власти, укреплялось и правовое поле, как в целом в сфере обеспечения охраны порядка, так и в ее частных вопросах, таких как организация следствия и дознания.

Постановление Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР и народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 13 октября 1918 г. норма-

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 363–368.

тивно закрепило за милицией обязанности по проведению «…дознания по уголовным преступлениям и проступкам»[1].

О праве милиции на производство дознания отмечалось и в Положении «О народном суде» от 30 ноября 1918 г.

Окончательно право и обязанность ведения дознания было введено в сферу функционала милиции в Положении «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г. [1, Ф. 393. Оп. 23. Д. 8. Л. 8–8 об.].

Однако разделение понятий дознания и следствия в годы Гражданской войны было еще достаточно условным.

Как видно из Циркуляра Главного управления рабоче-крестьянской милиции «Всем исполкомам об учреждении уголовно-розыскных столов в губернских управлениях милиции» от 12 декабря 1918 г. кроме уголовно-розыскного отделения в милиции учреждался и «уголовно-следственный стол», в ведении которого было «следствие по уголовным преступлениям в данном уезде или районе» [1, Ф. 393. Оп.6. Д. 4. Л. 104].

Помимо «уголовно-следственных столов» при исполкомах, следственные отделы в годы Гражданской войны появлялись и в различных подразделениях ведомственной милиции.

В рамках ведомственной милиции (транспортной) создавались отдельные следственные группы. Так, в Инструкции по организации железнодорожной следственно-розыскной милиции от 25 ноября 1920 г. говорилось, что сотрудниками линейных управлений и участковых отделений транспортной милиции являлись: инструктора, **следователи,** старшие и младшие агенты [1, Ф. 393. Оп. 23. Д. 106. Л. 1–1 об.].

В то же время в Управлении уголовного розыска (УУР) НКВД РСФСР в качестве обязанностей было только «производство розыска и дознания по наиболее опасным преступлениям».

При этом процесс дознания организовывался и другими правоохранительными структурами. Так, УПК РСФСР 1922 г. (ст.102) определял достаточно широко круг органов дознания, относя к ним: органы милиции и уголовного розыска, органы Государственного политического управления (с февраля 1922 г. ГПУ, а с ноября 1923 г. – ОГПУ), а также органы податной, продовольственной, санитарной, технической, торговой инспекции и инспекции труда по делам, отнесенных к их ведению; правительственные учреждения и должностные лица, по делам о проступках, подлежащих дисциплинарному взысканию.

Циркуляр НКВД РСФСР от 5 декабря 1928 г. «О выделении в органах милиции специального кадра лиц для ведения дознаний» предложил выделять в аппаратах уголовного розыска наиболее подготовленных сотрудников для проведения дознания (дознаватели угро). В тоже время Народный комиссариат юстиции РСФСР своим постановлением передал все права по ведению следствия в прокуратуру. Этим закреплялись результаты судебно-правовой реформы 1923-

[1] Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)». Интернет-ресурс. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14210#021875139212849004 . (Дата обращения 17.03.2021).

1927 гг., когда дознание или первичное следствие осуществлялась только по малозначительным делам.

Таким образом, к концу 20-х гг. XX в. в Советском государстве за дознание стали отвечать сотрудники милиции, а за следствие – сотрудники прокуратуры.

Однако в 30-х гг. XX в. эта стройная система была разрушена.

15 декабря 1930 г. после расформирования НКВД РСФСР органы милиции были переподчинены напрямую Совету народных комиссаров РСФСР, в структуре которого было создано Главное управление милиции и уголовного розыска. Однако по факту согласно совершенно секретному Постановлению «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска», бразды правления милицией были предоставлены органам государственной безопасности. Для этих целей в структуре ОГПУ СССР была учреждена специальная Главная инспекция по милиции и уголовному розыску (в республиках и регионах – особые инспекции по милиции и «угро»).

Органы госбезопасности не только подчинили себе милицию и объединили в одних руках дознание, но и постепенно попыталось взять на себя и следственную работу.

Об этом свидетельствует Циркуляр Главной инспекции по милиции (ГИМ) и уголовного розыска при ОГПУ СССР о надзоре прокуратуры и следователей за органами рабоче-крестьянской милиции (РКМ) от 26 мая 1931 г.

В этом документе говорилось : «…Поставленная задача укрепления органов рабоче-крестьянской милиции обусловливает необходимость уточнения тех обязанностей работы, где они соприкасаются с другими органами и, в частности, с органами прокуратуры и ее следственным аппаратом. ГИМ ОГПУ и прокуратура республики… разъясняют, что процессуальные права прокуратуры и следователей по надзору за производством расследования в органах милиции сохраняются полностью и всякие попытки самочинных изменений на местах процессуальных законов не должны допускаться.

Вместе с тем, в целях создания для милиции условий для наиболее активной оперативной работы и уточнения взаимоотношений органов милиции со следователями и прокурором… предлагаются к руководству следующие положения: …4) *в целях устранения ненужного параллелизме и дублирования следственных действий органами милиции и следователями, устанавливается, как правило, что уголовные дела, требующие предварительного следствия (ст. 108 УПК) по возбужденным в органах милиции, остаются в этих органах до окончания их производства по решению следователя или прокурора. В этих случаях органы милиции выполняют по этим делам все действия, установленные УПК для следователей (предъявление обвинения, составление ОЗ и т. п.)»* [1, Ф. 1235. Оп. 2. Д. 997. Л. 48].

Руководство ОГПУ в 1931 г. с согласия партийного руководства страны взяло курс на монополизации функции следствия по делам политического (борьба с троцкистами) и хозяйственного (хищение социалистической собственности) порядка.

Спустя два года «секретного» руководства ОГПУ милицией, ЦИК и СНК СССР объявили об этом официально, издав 27 декабря 1932 г. Постановление

«Об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) при ОГПУ СССР». С этого момента ОГПУ открыто берет на себя функции следствия.

Постепенно расширялся круг дел, по которым расследование (как дознание, так и следствие) проводили сотрудники государственной и общественной безопасности.

По сути на дознание были переложены функции следствия. В итоге основная следственная работа стала выполняться не сотрудниками прокуратуры, а милиции и органов государственной безопасности.

Об этом свидетельствует Приказ по ОГПУ, РКМ и прокуратуре СССР о применении Инструкция 8 мая 1933 г. от 16 мая 1933 г. В нем говорилось, что «На основании Инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. предварительного разрешения прокуратуры по делам о тер[рористических] актах, взрывах, поджогах, шпионаже, перебежчиках, полит[ическом] бандитизме, контрреволюционных антипартийных группировках отныне не требовалось».

Инструкция о порядке осуществления прокурорского надзора за расследованием уголовных дел в органах милиции также гласила: «…при осуществлении надзора прокуроры знакомятся со всеми материалами следствия в любой момент расследования и дают органам рабоче-крестьянской милиции (РКМ) указания по всем вопросам следствия…В случае, когда на основании агентурных материалов органы РКМ производят те или иные следственные действия (обыск, задержание и т. п.), прокурору, по его требованию, представляются официальные справки об основаниях производства этих действий – содержание агентурных данных. Представления самих агентурных материалов не требуется» [1, Ф. 1235. Оп. 2. Д. 997. Л. 55].

Итак, в начале 30-х гг. сотрудники госбезопасности и милиции получили право на ведение следствие, а за прокуратурой осталось право надзора, которое во многом было формальным.

Итак, мы видим, что развернувшее в начале 1930-х гг. в СССР социалистическое строительство объективно привело к расширению репрессивных практик, соответственно поспособствовав и расширению функционала правоохранительных органов, особенно в части расследования преступлений.

Результатом стало создание 10 июля 1934 г. НКВД СССР, с включением в него ОГПУ под новым названием – Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). При этом милиция также становилось самостоятельным подразделением в составе наркомата внутренних дел.

17 июня 1935 г. специальным Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР оперативным сотрудникам ГУГБ предоставили право осуществлять, как розыск, так и следствие по делу [2, 607-611].

В развитие данного Постановления 15 августа 1935 г. приказом НКВД СССР №00321 была объявлена Инструкция «О порядке ведения следствия сотрудниками ГУГБ» [3, 292].

В апреле 1937 г. в структуре Уголовного розыска и Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности также были созданы следственные группы, 22 декабря 1938 г. - Следственная часть НКВД СССР, а 5 августа

1939 г. – Следственная часть Главного транспортного управления (ГТУ) НКВД СССР.

На 1 января 1940 г. только центральный аппарат НКВД СССР включал в себя уже несколько следственных подразделений: следчасть ГУГБ (начальник В.Т. Сергиенко); следчасть Главного экономического управления (П.Я. Мешик); следчасть ГТУ (Н.И. Синегубов).

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» следственные подразделения создавались в региональных аппаратах милиции и уголовного розыска [3, 240].

Итак, в 20-ее гг. XX в. в Советском государстве сформировалось иерархия органов правопорядка, осуществлявшая как дознание, так и следствие. Дознание было закреплено за подразделениями советской милиции, а следствие за подразделениями прокуратуры. Однако в 30-х гг. XX в. как оперативная, так и следственная работа стала прерогативой сотрудников ОГПУ (НКВД) СССР. Полномочия Прокуратуры СССР не только по следствию, но и по надзору за соблюдением законности в органах внутренних дел и государственной безопасности были серьезно ограничены.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ г. Москва).
2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Л 82 Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937— 1938. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004. 736 с. (Россия. XX век. Документы).
3. Министерство внутренних дел. 1902-2002 [Текст] : исторический очерк / под общ. ред. Р.Г. Нургалиева. М. : Объед. ред. МВД России, 2004. 648 с.
4. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты : моногр./ А. Г. Тепляков ; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 434 с.

А. В. Солодовникова

Процессуальная самостоятельность следователя в контексте времени

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты нормативно-правового регулирования процессуальной самостоятельности следователя. Автором отмечено влияние конкретной исторической эпохи на содержание данного института. А также прослежена историческая преемственность в нормативном закреплении основ процессуальной самостоятельности следователя.

Ключевые слова: судебный следователь, предварительное следствие, независимость следователя, процессуальная самостоятельность следователя, уголовное судопроизводство.

Особенности организации следственной деятельности и концепция процессуальной самостоятельности следователя имеют глубокие исторические корни. Несомненный интерес представляет трансформация данного института со времени появления должности судебного следователя, одним из отцом-основателей которой стал Н.И. Стояновский, к современности, поскольку процессуальная самостоятельность следователя выступает одним из важнейших элементов правового статуса следователя и во многом предопределяет с одной стороны эффективность его деятельности, а с другой обеспечивает и гарантирует права и интересы лиц, участвующих в процессе. При этом следует отметить, что ни предшествующее, ни современное законодательство не оперируют легальным термином «процессуальная самостоятельность следователя», данное понятие выработано юридической доктриной и введено в активный научный оборот. Соответственно под процессуальной самостоятельностью следователя принято понимать положения уголовно-процессуального законодательства, в соответствие с которым следователь самостоятельно принимает решения о ходе следствия и производстве следственных действий, за исключением случаев, когда требуется санкция или согласие иных субъектов процессуальной деятельности, и несет ответственность за правильность и своевременность их проведения.

Если говорить о дореволюционном этапе, то следует остановится на периоде введения должностей судебных следователей в 1860 г.[1] Дореформенная система предварительного следствия имела существенные недостатки, носила инквизиционный характер и сосредотачивалось в руках полиции. В результате же реформы предварительного следствия осуществление деятельности по производству следствия было отделено от полицейской части, был определен порядок производства следствия, четко зафиксирована компетенция судебных следователей и иных участников процесса, а также особенности взаимоотношений между ними.

Существенным фактором, определяющим правовой статус судебных следователей стал особый порядок назначения их на должность, согласно которому такое назначение осуществлялось министром юстиции по представлению начальника губернии и одобрения губернского прокурора, что предопределяло их зависимое положение от местных властей. Данная диспропорция в соотношении судебной и административной власти, поскольку судебные следователи выступали в качестве членов уездных судов, была устранена в результате судебной реформы 1864 г., уставы которой провозгласили окончательное разделение судебной и административной властей, включили судебных следователей в штат окружных судов и ввели особый порядок назначения судебных следователей высочайшей императорской властью по представлению министра юстиции.

Особое значение на данном этапе имеет введенный в действие принцип несменяемости судебного следователя, аналогичный принципу несменяемости судей, что дополнительно подчеркивало их привилегированный статус и выступало одной из гарантий их процессуальной независимости.

---

[1] Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ, собр. 2-е, т. 35, отд. 1-е, № 35890.

Процессуальные полномочия судебного следователя наиболее полным образом были сформулированы Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.[1] (далее УСС). В соответствие ст. 264 УУС «судебный следователь предпринимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом». Кроме того, предусматривалось право судебного следователя по своему непосредственному усмотрению возбуждать уголовное дело согласно ст. 297 УСС, что также подчеркивало его независимый статус. Отличительной чертой процесса данного периода стало закрепление за судебным следователем обязанности собирать не только уличающие обвиняемого доказательства, но и его оправдывающие (ст. 256 УСС).

Отдельным аспектом процессуальной самостоятельности следователя выступали полномочия в отношении полицейских чинов, осуществляющих дознание, фактически на него возлагалось общее руководство дознанием. Так, ему предоставлялось право проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному дознанию, а также поручать полиции производство дознания, а все законные требования судебного следователя должны были исполняться незамедлительно как полицией, так и иными учреждениями, должностными и частными лицами (ст. 269-271 УСС).

Пределы процессуальной самостоятельности судебного следователя определялись контрольно-надзорными полномочиями суда и прокуратуры. Только с санкции суда допускалось прекращение уголовного дела. Прокурор наделялся полномочиями по возбуждению уголовных дел, а также правом составления обвинительного акта, правом присутствия при осуществлении следственных действий, в целом осуществлял общий надзор за ходом следствия, в том числе предъявляя законные требования, касающиеся доказывания, обязательные к исполнению судебными следователями. Несмотря на это, фигура судебного следователя являлась главной при осуществлении предварительного следствия, имеющей возможность действовать инициативно и ответственно.

Ситуация с правовым регулированием процессуальной самостоятельности следователя существенным образом изменилась после октября 1917 г. В результате социалистической революции должности судебных следователей были упразднены, как и иные органы самодержавной власти. На смену им пришли множественные структуры, наделенные полномочиями осуществления предварительного следствия, в частности следственные комиссии при окружных судах учрежденные Декретом о суде №2[2], а позднее в октябре 1920 г. последовало учреждение должностей народных следователей, состоящих при судах и действующих в единоличном порядке.

Подробным образом процессуальный статус народного следователя был закреплен в УПК РСФСР 1922 г.[3], предоставившем ему такие права, как право

---

[1] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ, собр. 2-е, т. 39, отд. 2-е, № 41476.

[2] Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР", 1918, № 26, ст. 420.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05. 1922 // СУ РСФСР, 1922, № 20 - 21, ст. 230.

возбуждать уголовное дело по собственному усмотрению, составлять обвинительное заключение, самостоятельно направлять следствие в целях полного и всестороннего рассмотрения дела (ст. 114). Равно как и в дореволюционном законодательстве подчеркивалась обязанность следователя выяснять и исследовать как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, что говорит о сохранении и преемственности некоторых процессуальных основ, несмотря на смену общественных формаций.

Надзорные полномочия прокурора по сравнению с дореволюционным этапом сместились в сторону их расширения, поскольку прокурор был вправе не только знакомится с ходом следствия, но и давать конкретные указания следователю направлении и дополнении следствия, обязательные к исполнению, для производства отдельных видов следственных действий требовалась санкция прокурора, по завершении расследования дальнейшее движение дела зависело от прокурора. Еще большие ограничения процессуальной самостоятельности следователя последовали после принятие новой редакции УПК РСФСР в 1923 г.[1] и передачи в 1928 г. народных следователей в ведомственное подчинение органам прокуратуры. Последовавшее расширение компетенции следователя совпало с расширением и прокурорских полномочий в отношении следователя. В результате по справедливому замечанию В.П. Божьева и А.И. Трусова сложилась парадоксальная ситуация, когда «следователь в значительной мере оказался исполнителем воли прокурора на предварительном следствии, а прокурор практически стал осуществлять надзор за самим собой» [2, с.121].

Наиболее конкретным образом процессуальная самостоятельность и независимость следователя была обозначена в нормах УПК РСФСР 1960 г.[2], закрепивших в ст. 127 право следователя при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий принимать самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусматривалось получение санкции прокурора. При этом на следователя возлагалась вся полнота ответственности за законность и своевременность принимаемых им решений. Одной из гарантий процессуальной самостоятельности следователя стало закрепление в ст. 71 УПК РСФСР 1960 г. за следователем права оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, что в реальной действительности по мнению А.К. Аверченко реализовать было весьма затруднительно и могло иметь негативные последствия [1, С.109-119]. Однако фактически в этот период всю полноту обвинительной власти в вопросах осуществления предварительного следствия в своих руках сосредоточил прокурор, став важнейшей фигурой уголовного судопроизводства как орган надзора за предварительным следствием, а судебный контроль был фактически упразднен.

---

[1] Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР, 1923, № 7, ст. 106

[2] Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 592

Современный УПК РФ[1] в ст. 38 воспроизводит весьма схожую с УПК РСФСР 1960 г. норму, определяющую основы процессуальной самостоятельности следователя, предоставляя ему право самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии законом требуется получение санкции суда или согласие руководителя следственного органа. При этом анализируя положения уголовно-процессуального законодательства можно прийти к выводу о высокой степени декларативности и недостаточности гарантий для реализации предусмотренной законом процессуальной самостоятельности следователя, поскольку контрольно-надзорные полномочия руководителей следственных органов, прокуроров и суда весьма обширны, а на практике мы сталкиваемся с проблемой, когда руководители следственных органов и прокуроры не просто осуществляют ведомственный контроль и надзор, а пытаются оказывать воздействие на принимаемые следователями решения. С другой стороны отсутствие должного контроля и «процессуальная вседозволенность» следователей, чреваты грубыми нарушениями прав участников уголовного процесса, что может крайне негативным образом отразиться на качестве уголовного судопроизводства. В связи с этим следует отметить, что законодатель находится в поиске баланса расстановки сил участников процессуальной деятельности в целях недопущения ими злоупотребления процессуальными правами.

Литература

1. Аверченко А. К. историко-правовой анализ уголовно-процессуального статуса следователя по УПК РСФСР 1960 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т.15. Вып. 1. С. 109-119
2. Божьев В. П., Трусов А.И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства. Сборник Академии МВД СССР. М., 1991. С. 120-123.

Т.В. Черемисина

Допрос следователя в суде: проблемы и решения

Аннотация. В статье с учетом следственной и судебной практики, результатов научных исследований и практического опыта автора рассмотрены проблемы взаимодействия следователей Следственного комитета Российской Федерации и суда, практика участия следователей в судебных заседаниях, особенности производства допроса следователя в качестве свидетеля.

Ключевые слова: суд, следователь, взаимодействие, допрос, судопроизводство.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Ведомости Федерального Собрания РФ, 01.01.2002, № 1, ст. 1

От действий, решений и результатов работы следователя зависит исход уголовного дела на всех стадиях судопроизводства. Допущенные следователем нарушения закона и даже технические ошибки могут явиться причиной возвращения уголовного дела прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ, судом в порядке ст. 237 УПК РФ или оправдательного приговора.

Теоретически, с момента утверждения прокурором обвинительного заключения ответственность за судьбу уголовного дела в суде переходит от следователя к прокурору. На практике ситуация с ответственностью может быть сложнее. Например, после возвращения судом уголовного дела прокурору из-за нарушений закона на стадии предварительного следствия или недобросовестно составленного обвинительного заключения следователь может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

В суде прекращается официальная процессуальная связь между следователем и уголовным делом. Но теория и практика не всегда совпадают, и следователь, не обладая правом поддержания государственного обвинения, нередко неформально продолжает «сопровождать» уголовное дело в суде.

Во-первых, в силу различных причин он может быть допрошен в качестве свидетеля для выяснения обстоятельств производства следственных действий, опровержения версий стороны защиты об оказании давления на обвиняемого и другим вопросам. В этом качестве он утрачивает свою процессуальную идентичность как следователь, однако не ясно, приобретает ли он статус свидетеля [5, с. 222].

Во-вторых, по деловому обыкновению следователь продолжает неформально сопровождать рассмотрение уголовного дела в суде, оказывая содействие государственному обвинителю или судье.

Проведенные в Московской академии СК России опросы следователей показали, что самыми распространенными формами оказания содействия суду за рамками нормативной модели являются (от более – к менее частому): предоставление на электронном носителе копий обвинительного заключения и иных процессуальных документов; установление местонахождения и обеспечение явки в судебное заседание обвиняемого, потерпевшего и свидетелей; разъяснение (в заседании или вне его) сложных правовых и иных специальных вопросов либо позиции следователя по делу; содействие в осмотре вещественных доказательств, в том числе видеозаписи; устранение каких-либо недостатков в деле, возникших по вине следователя [1, с. 15].

Судья может попросить следователя организовать явку свидетеля в суд. Это происходит потому, что до окончания расследования дела у следователя установлены контакты со всем участниками процесса, а нередко и с членами их семьи, работодателями и т.д.

Мы провели анализ практики участия следователя в судебном заседании 60-ти региональных следственных управлений Следственного комитета и установили, что в 80-ти из них сложилась практика допроса следователей в судебном заседании в качестве свидетеля, в семи следственных управлениях она отсутствует.

Наиболее распространенными целями допроса следователей в качестве свидетелей в суде являются (в порядке убывания):

1. Установление обстоятельств производства следственных действий.

Оренбургским областным судом по инициативе стороны защиты в судебном заседании по уголовному делу по обвинению Ч. в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290, ч. 1 ст. 285 УК РФ, по обвинению Р. в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290, ч. 1 ст. 285 УК РФ, по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, допрошен следователь СУ СК России по Оренбургской области по вопросам сбора и оценки доказательств, осмотра, упаковки, перемещения вещественных доказательств. В обвинительном приговоре суда показания следователя учтены и оценены наряду с другими доказательствами.

2. Проверка версии стороны защиты об оказании на подсудимого давления, принуждении к даче показаний, иных нарушениях процессуального законодательства.

Следователь одного из территориальных следственных отделов СУ СК России по Волгоградской области допрошен в качестве свидетеля при рассмотрении судом первой инстанции уголовного дела по обвинению Ц. по ч. 4 ст. 132 УК РФ, в связи с заявлением подсудимого об оказании на него психологического давления со стороны следственных органов с целью понуждения к написанию явки с повинной. Благодаря показаниям следователя доводы Ц. в ходе судебного разбирательства были опровергнуты, судом вынесен обвинительный приговор.

3. Нарушение/соблюдение процессуальных прав иных участников производства.

Следователь следственного отдела по г. Егорьевску ГСУ СК России по Московской области допрошен в качестве свидетеля в суде первой инстанции по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения трупа К. Ходатайство о допросе следователя в качестве свидетеля по данному уголовному делу на стадии судебного следствия заявлено государственным обвинителем на основании протоколов допроса подсудимого Л. в качестве подозреваемого и обвиняемого, даче последним в ходе данных допросов признательных показаний следователю, поскольку в последующем в ходе судебного следствия обвиняемый от первоначальных показаний отказался. Судом постановлен обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

4. Назначение и производство судебных экспертиз.

В следственном отделе по г. Электросталь ГСУ СК России по Московской области расследовалось уголовное дело по ст. 307 УК РФ в отношении Л., по факту дачи им 26.06.2018 заведомо ложных показаний по уголовному делу в отношении С. (о совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 161, 228.1, 286 УК РФ). Л., будучи свидетелем по уголовному делу в отношении С., в ходе судебного заседания заявил о подложности подписей в протоколе его допроса, изобличающем С. в совершении преступлений. Допрошенный в качестве свидетеля следователь З. сообщил о том, что Л. самостоятельно подписывал протоколы следственных действий в его присутствии. Проведенная почерковедческая судебная экспертиза подтвердила доводы следователя. Приговором Электростальского городского суда С. признан виновным в совершении инкриминируемых ему преступлений, а уголовное дело в отношении Л. по обвинению в со-

вершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, направлено для рассмотрения по существу в Электростальский городской суд.

В некоторых следственных органах существуют особенности организации участия следователей в судебном разбирательстве. Так, следственное управление СК России по Пензенской области реализует концепцию «сопровождения дела» следователем с момента направления прокурору до вынесения приговора. При необходимости следователи принимают участие в судебном заседании, дают показания, а также оказывают иную помощь, связанную с организацией рассмотрения уголовных дел.

Следователи, впервые оказавшиеся на допросе в роли свидетеля, зачастую не знают особенностей участия в судебном следствии. Они не готовы к предстоящим ответам на вопросы, не знают, как будут вести себя ранее допрошенные лица в зале суда. Следователь при этом находится в более психологически уязвимом положении, в отличие от ситуации, когда он проводит допрос в своем кабинете и чувствует себя уверенно.

Чернышевским районным судом Забайкальского края по ч. 1 ст. 318 УК РФ 03.06.2015 был оправдан З. на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Свидетели – семейная пара Р., были допрошены в ходе предварительного следствия и подробно рассказали об обстоятельствах применения З. насилия в отношении сотрудника полиции.

В ходе судебного заседания свидетели изменили первоначальные показания и пояснили, что очевидцами совершенного преступления они не являются. Р.В. просила следователя, чтобы показания мужа ей в протокол не писали, собственные показания не читала. Кроме того, следователь приезжал к ним домой, где они просто расписались в протоколах. В суде следователь пояснил, что он лично допрашивал свидетелей Р. в помещении служебного кабинета, домой к ним не приходил и подписать заранее изготовленные протоколы не просил. Судья для проверки его доводов вызвала коллегу допрошенного следователя, пояснившую, что свидетелей Р. она не допрашивала, но помнит, что следователь их вызывал, но они не являлись. Тогда он перенес сведения, сообщенные супругами в объяснениях, в бланки протоколов допроса свидетелей, и поехал к ним домой, где свидетели расписались в протоколах, приобщенных к материалам уголовного дела.

В итоге суд признал показания свидетелей Р. недопустимыми доказательствами, поскольку в судебном заседании было установлено, что он были добыты с нарушениями УПК РФ и оправдал подсудимого З. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст.318 УК РФ, указав, что свидетели Р. фактически следователем допрошены не были, что подтверждается показаниями свидетелей в суде, а следователем были применены недопустимые методы работы [6, с. 117].

Анализируя данный пример, можно сделать вывод, что протоколы следственных действий и показания следователя стали подвергаться судом более тщательной проверке, чем ранее, и мнение некоторых ученых о том, что слово следователя на судебных стадиях, «вопреки красивому тезису о равноправии и состязательности сторон, будет цениться судом больше других доказательств», те-

ряет свою актуальность [2, с. 228]. Допущенные следователем нарушения могут повлиять на судебную ситуацию, вплоть до вынесения оправдательного приговора, или полученные в ходе следствия доказательств могут быть признаны недопустимыми.

Еще одна особенность (результат) взаимодействия следователя и суда - так называемый «принцип обратной связи». Не только следователь может осуществлять коммуникацию с судом, направляя информацию по ходатайству, например, о разрешении на производство следственных действий, но и суд может сообщать о нарушениях закона, допущенных на стадии предварительного следствия. Обратная связь в системе «суд-следователь» может быть прямой или косвенной.

Механизм прямой обратной связи регулируется ст. 29 УПК РФ. Так, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, обратив внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 06.02.2004 № 44-О сформулирована позиция, согласно которой показания следователя по поводу содержания показаний допрошенных им лиц не могут использоваться в качестве доказательств виновности подсудимого.

Конституционный Суд указал, что сведения, полученные следователем в ходе допроса, содержатся в протоколе данного следственного действия. Информация о лицах, участвующих в следственном действии, также отражается в соответствующих графах протокола. О том, что на лицо оказывалось психологическое давление или физическое насилие, допрашиваемый имеет право заявить непосредственно во время допроса или сразу по его окончании, подать дополнения или замечания к протоколу. Если таковых в ходе допроса не поступило, то следователь не обязан сообщать в суде ту же информацию, какую государственный обвинитель и суд могут почерпнуть из протокола.

Суду и государственному обвинителю необходимо помнить, что допрос следователя в качестве свидетеля в судебном заседании оправдан только в экстраординарных случаях, когда реально отсутствуют иные способы опровержения версии стороны защиты о нарушениях закона. В случае возвращения уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и возобновления предварительного следствия «свидетель» не вправе вновь принять его к производству. Отсутствие в таких случаях заявления следователя об отводе является одной из распространенных следственных ошибок и служит основанием для повторного возврата уголовного дела прокурором следователю или судом прокурору.

В судебном процессе немаловажную роль играет и поведение следователя, его позиционирование как профессионала, уверенное поведение или наоборот, смущение, суетливость, неуверенность в себе.

Защитники часто ожидают, что оказавшись в некомфортной для него публичной ситуации, в положении допрашиваемого в зале судебных заседаний, а не собственном кабинете, следователь станет путаться в показаниях, проявлять эмоции, робеть или наоборот, станет агрессивным и будет демонстрировать предвзятость к подсудимому, тем самым показав свою некомпетентность.

Подводя итог, предлагаем руководителям и следователям вооружиться следующими тактико-психологическими приемами для подготовки следователя к допросу в судебном заседании:

1. Следователь должен хорошо подготовиться к допросу в суде, в том числе психологически. Допрос плохо подготовленного следователя отвечает процессуальным интересам стороны защиты, а хорошо подготовленного – интересам государственного обвинителя [5, с. 230].

Для этого необходимо актуализировать в памяти подробности расследования преступления, изучить материалы дела по электронным документам или копиям, содержащимся в контрольном производстве по уголовному делу.

2. Смоделировать примерные вопросы, которые могут быть заданы сторонами, и сформулировать свои ответы на них.

3. Руководитель следственного органа может качественно подготовить следователя к выступлению в суде. Для этого следователь должен хорошо ориентироваться в материалах дела, помнить сроки, даты производства ключевых следственных действий.

Подготовьте к выступлению в суде информацию о движении дела, обстоятельствах совершения преступления, допрошенных участниках процесса и т.д. Чтобы произвести впечатление профессионала, компетентного сотрудника, не рекомендуется полностью зачитывать текст с листа, обращайтесь к нему для уточнения фактов.

4. Следователь вместе с наставником или руководителем может провести репетицию выступления в суде. Руководитель или более опытный следователь может «допросить» коллегу и проверить, насколько тот уверенно ведет себя в стрессовой ситуации.

5. В процессе допроса проявлять инициативу, не стесняться, но в то же время вести себя как официальное лицо – представителя ведомства, не выходя за рамки делового этикета.

Таким образом, в российских судах сложилась практика допроса следователя в качестве свидетеля, и альтернативные способы получения показаний следователя при рассмотрении уголовного дела по существу пока не сформировались. Поэтому в случае вызова в судебное заседание данные рекомендации при добросовестной подготовке к процедуре допроса помогут следователю укрепить в суде позицию стороны обвинения.

Литература

1. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Товарно-информационная концепция коммуникации следователя и суда // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 9-19.

2. Васильев О.Л. Некоторые проблемы взаимоотношений следственных органов и суда // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 3. С. 226-230.
3. Кальницкий В.В., Сальникова Т.И. Заслушивание в судебном следствии присяжного заседателя и следователя: возможна ли аналогия? // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 64-68.
4. Следственные ошибки: учебн.-практич. пособие / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юнити-Дана, 2016. С. 143–145.
5. Цветков Ю.А. Следователь в уголовном суде // Уголовное судопроизводство в 3 т. Том 2 / Н.А. Колоколов и др.; под ред. Н.А. Колоколова. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2020. – 305 с. С. 222.
6. Черемисина Т.В. Проблемы и перспективы взаимодействия следователя и суда // Сборник научно-практических трудов: Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 115-119.

Сведения об авторах

Федоров Александр Вячеславович – заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Бабич Никита Владимирович – ассистент кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат юридических наук.

Бессонов Алексей Александрович – руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент, Почётный работник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, полковник юстиции.

Бондарева Елизавета Владимировна – студент 3 курса Медицинского института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Бояркина Арина Александровна – студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия.

Бурынин Сергей Сергеевич – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, капитан юстиции.

Быстряков Евгений Николаевич – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент ВАК.

Валов Сергей Владимирович – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Васнецова Анастасия Сергеевна – старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, к.ю.н., советник юстиции.

Володина Людмила Мильтоновна – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридически наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Волынский Александр Фомич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор Московской академии СК России.

Гаврилов Борис Яковлевич – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, генерал – майор юстиции (в отставке), за-

служенный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Галкин Денис Викторович – заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Глазунова Инесса Владимировна – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Голоскоков Леонид Викторович – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, доцент, майор юстиции.

Горбачев Василий Павлович – адвокат Донецкой областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции.

Горский Вадим Вадимович – доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

Горский Максим Вадимович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

Игонина Елена Олеговна – аспирант ФГКОУВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», следователь следственного отдела по городу Пыть-Ях следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по ХМАО-Югре, капитан юстиции.

Ильяш Алексей Владимирович – заведующий кафедрой юриспруденции Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат юридических наук.

Казаков Александр Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Казачек Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры криминалистики Хабаровского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».

Каменецкий Юрий Францевич – начальник учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», докторант юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Карагодин Валерий Николаевич – заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, полковник юстиции.

Киселёв Евгений Александрович – доцент кафедры криминалистики Хабаровского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.

Колесова Анастасия Сергеевна – старший преподаватель кафедры криминалистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Корсаков Константин Александрович – доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции.

Костенко Константин Анатольевич – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Кушниренко Светлана Петровна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Лосева Валерия Георгиевна – магистр Юридического института Российского Университета Дружбы Народов.

Лучинкин Федор Михайлович – соискатель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, капитан полиции в отставке, ушел с должности исполняющим обязанности начальника УЭБиПК по Октябрьскому району г. Ижевска УВД России в 2020, Россия, город Ижевск.

Милич Иван Душанович – ассистент юридического факультета новосадского университета (Республика Сербия), доктор юридических наук.

Московцева Кристина Андреевна – адъюнкт кафедры предварительного расследования факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, капитан полиции.

Новиков Александр Михайлович – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ, полковник юстиции.

Новиков Сергей Александрович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Олифиренко Екатерина Павловна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной академии, кандидат политических наук.

Опалева София Сергеевна – студент 3 курса Медицинского института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Осипов Павел Дмитриевич – технический специалист LEADER-ID.

Османова Надежда Валерьевна – доцент кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии СК России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Прорвич Владимир Антонович – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ, доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор, Почетный профессор Московской академии Следственного комитета РФ.

Романов Роман Владимирович – помощник судьи Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

Ряполова Ярослава Петровна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, кандидат юридически наук.

Санькова Екатерина Валерьевна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, майор юстиции.

Силонова Маргарита Федоровна – аспирант кафедры криминалистики Московской государственной юридического университета, имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Сильнов Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, доцент.

Синиченко Владимир Викторович – главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», доктор исторических наук, профессор, полковник полиции.

Солодовникова Альбина Владимировна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Московская академия следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, лейтенант юстиции.

Степушов Михаил Юрьевич – оперуполномоченный отдела № 7 Управления экономической безопасности и противодействия коррупции; главное управление МВД России по Нижегородской области; адъюнкт заочной формы обучения в Нижегородской академии МВД России (научный руководитель – профессор кафедры уголовного процесса, доцент Власова С.В.); капитан полиции.

Темриева Айлар Максатмураловна – студент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия.

Усанов Игорь Владимирович – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент ВАК.

Хатов Эдуард Борисович – профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Цветков Юрий Анатольевич – заведующий научно-исследовательским отделом Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Черемисина Татьяна Владимировна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета, майор юстиции.

Шарихин Александр Егорович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор.

Шруб Максим Павлович – главный научный сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Содержание

Стр.

Научно-практическая конференция **«Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее»** К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации (15 апреля 2021 года) 3

Федоров А.В. История следствия в лицах: Николай Иванович Стояновский 6

Раздел l. Концептуальные проблемы развития следственных органов

Гаврилов Б.Я. Следственные органы в механизме уголовной юстиции: видение ученого и практика 11

Карагодин В.Н., Казаков А.А. Органы предварительного расследования в системе уголовной юстиции 21

Цветков Ю.А. Возможно ли воссоздать институт судебных следователей в Российской Федерации? 25

Шарихин А.Е. Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на УПК РФ 29

Раздел ll. Николай Иванович Стояновский: личность, деятельность, наследие

Валов С.В. Rara Avis Судебной реформы 1864 года: современники о Н.И. Стояновском 35

Горский М.В. О вкладе Николая Ивановича Стояновского в преподавание практических криминалистических знаний 40

Кушниренко С.П., Романов Р.В. Николай Иванович Стояновский как предвестник русской криминалистики 44

Московцева К.А. Ретроспективный взгляд на реформу предварительного расследования в России 1860 года 49

Санькова Е.В. Взаимодействие следователей с органами полиции в свете Судебной реформы Александра II 51

Раздел lll. Традиции и новации в следственной деятельности

Бессонов А.А. Тенденции интеграции цифровых технологий в деятельность по расследованию преступлений 58

Бондарева Е.В., Опалева С.С., Бабич Н.В. Особенности квалификации преступлений в сфере фармацевтической деятельности 62

Бурынин С.С. Методика изъятия электронных носителей информации по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности 64

Быстряков Е.Н., Усанов И.В. Криминалистические методы раскрытия и расследования преступлений во второй половине XIX – начале XX веков в России 69

Волынский А.Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства – это не только судебная экспертиза 71
Галкин Д.В. Регламентация проведения очных ставок в «Правилах и формах для производства следствий» 1859 года 75
Голоскоков Л.В. Время следствия: из прошлого в будущее 79
Горский В.В. Психолого-педагогические и нравственно-этические основы деятельности следователя в трудах профессора Г.Ф. Горского 83
Игонина Е.О. Роль науки в практической деятельности следователя 86
Каменецкий Ю.Ф. Задачи следственной профилактики 90
Карагодин В.Н. Влияние цифровизации на следственную деятельность 94
Колесова А.С. Становление и развитие военно-юридического образования в России 99
Корсаков К.А. Возможно ли алгоритмизировать деятельность в уголовном судопроизводстве 103
Лосева В.Г., Осипов П.Д. Особенности организации и деятельности правоохранительных органов по расследованию киберпреступлений 108
Иван Д. Милич Об учётах лиц, совершивших уголовные правонарушения 112
Олифиренко Е.П. Некоторые особенности межведомственного взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации с органами иных правоохранительных ведомств 116
Плахота К.С. Искусственный интеллект в деятельности правоохранительных органов: сегодня, завтра 119
Ряполова Я.П. Модернизация стадии возбуждения уголовного дела в контексте перехода на электронный формат российского уголовного судопроизводства 123
Силонова М.Ф. Новые аспекты расследования преступлений суицидальной направленности, совершаемых в сфере информационных технологий 127
Сильнов М.А. Цифровые технологии в доказывании и некоторые проблемы их использования при расследовании преступлений 131
Степушов М.Ю. Некоторые особенности предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью 134
Темриева А.М., Бояркина А.А. Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве: от законодательной идеи к процедурному воплощению 137
Хатов Э.Б. Анализ преступности: перспективы цифровизации 141
Шруб М.П. Научная деятельность в Институте повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь: современное состояние и перспективные направления развития 145

Раздел IV. Модели уголовно-процессуальной деятельности следователя

Васнецова А.С. Предупредительная деятельность следственных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму: теоретические и практические аспекты 149

Володина Л.М. Начало уголовного преследования 152

Глазунова И.В. О модели теории следственной практики 156

Горбачев В.П. Прокурорский надзор за предварительным расследованием в Российской империи перед судебной реформой (1860–1864 г. г.) 159

Ильяш А.В. Обжалование следователем действий (бездействия) и решений прокурора: вопросы правового регулирования 163

Киселёв Е.А., Казачек Е.Ю. Очная ставка: от прошлого к будущему 166

Костенко К.А. Историко-правовые аспекты современной модели права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела 169

Лучинкин Ф.М. Следственная технология формирования уголовно-процессуальных доказательств из результатов оперативно-розыскной деятельности 173

Новиков А.М., Прорвич В.А. Принцип свободы оценки доказательств в уголовном процессе и особенности его правоприменения 175

Новиков С.А. Объем полномочий руководителя следственного органа: дополнить или сократить? 181

Османова Н.В. Определение содержания деятельности по осуществлению уголовного преследования 184

Синиченко В.В. Дознание и следствие в правоохранительных органах Советского государства в довоенный период 188

Солодовникова А. В. Процессуальная самостоятельность следователя в контексте времени 192

Черемисина Т.В. Допрос следователя в суде: проблемы и решения 196

Сведения об авторах 203

I Стояновские чтения

РОССИЙСКИЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Материалы научно-практической конференции

К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского
и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации

(15 апреля 2021 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 21.06.2021

Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 13,8
Тираж 100 экз.
Печать офсетная
Заказ № 292

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12